

ƏKBANOF

ЭКВАДОР

А К А Д Е М И Я Н А У К
С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
И М. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭКВАДОР

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ

очерки

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1963

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

**члена-корреспондента АН СССР А. В. ЕФИМОВА,
кандидата исторических наук И. Р. ГРИГУЛЕВИЧА
и В. М. ГОНЧАРОВА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

квадор — небольшая южноамериканская страна, расположенная на экваторе и граничащая с Колумбией и Перу, — до последнего времени не привлекала внимания советских исследователей. Фактическое отсутствие в течение многих лет дипломатических, экономических и культурных связей между Эквадором и СССР — результат давления политики местной реакционной олигархии и североамериканского империализма — затрудняло установление контактов с этой страной и взаимное изучение и ознакомление.

В последние годы под напором все возрастающего национально-освободительного движения в Латинской Америке стали рушиться искусственные барьеры, воздвигнутые противниками международного сотрудничества, что сделало возможным установление первых дружеских контактов между нашими странами. В 1961 г. в Советском Союзе побывала группа видных эквадорских общественно-политических и культурных деятелей и делегация государственных деятелей во главе с тогдашним вице-президентом и нынешним президентом республики Карлосом Хулио Аросемена. Эквадор в свою очередь посетили советская миссия доброй воли во главе с секретарем Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, советские журналисты, деятели искусства и культуры. В 1962 г. Советский Союз посетила делегация эквадорских борцов за мир во главе с видным писателем и деятелем культуры Бенхаминном Каррином.

Эквадор представляет большой интерес как для этнографа, так и для историка. Большинство населения страны — индейцы, жизнь и быт которых еще слабо изучены.

Прошлое Эквадора насыщено яркими эпизодами.

Эквадорские патриоты одними из первых в Латинской Америке поднялись на борьбу против испанских колонизаторов. Эквадорцы мужественно сражались за независимость не только своей родины, но и Перу, Боливии, Венесуэлы и других испанских владений в Америке. В течение всего XIX в. лучшие люди Эквадора боролись против феодальных пережитков, клерикального засилья и иностранного вмешательства во внутренние дела своей страны.

В конце XIX в. Эквадор, подобно другим странам Южной Америки, еще не успев преодолеть господствовавших в его экономической структуре феодальных пережитков, стал объектом грабежа со стороны Соединенных Штатов Америки, в результате чего развитие страны в значительной степени затормозилось. Как правильно отмечает видный эквадорский экономист доктор Мануэль Агустин Агирре, «иностранным империалистам выгодно сохранять отсталые формы производства, ибо с ними связано получение дешевого сырья и наличие дешевой рабочей силы, которые, естественно, можно иметь лишь за счет увеличения эксплуатации и жертв, приносимых пролетариатом и полуфеодальным крестьянством; ведь помещик-латифундист — друг и союзник иностранной империалистической буржуазии — стремится снизить себестоимость продукции не за счет технического прогресса, а за счет усиления средневековых форм эксплуатации»¹.

Влияние Соединенных Штатов в Эквадоре особенно усилилось в годы второй мировой войны, когда Эквадор стал поставщиком сельскохозяйственных продуктов и стратегического сырья для американской военной машины; в этот период отмечается известное оживление в хозяйственной жизни страны: развитие дорожного строительства, расширение обрабатывающей промышленности, улучшение внешнеторгового баланса. Однако все эти сдвиги были вызваны влиянием внешних и временных факторов. С их исчезновением после войны отсталое хозяйство Эквадора вновь попало в тяжелое положение, столкнувшись с обостренной конкуренцией на внешних рынках в крайне неблагоприятных для себя условиях.

Экономические изменения второй четверти XX в. привели к перегруппировке классовых и политических сил в стране и их поляризации. Если в XIX — начале XX в. имущие классы были в известной степени расколоты, и в течение целого столетия политическая борьба между консерваторами и либералами являлась отражением противоречий между феодально-клерикальными и помещичье-буржуазными элементами без широкого участия народных масс, то с 20—30-х годов положение существенно меняется. Различия между отдельными группами буржуазии — землевладельческой, промышленной и торговой — стираются при активном участии иностранного, прежде всего американского капитала, происходит их интеграция и сращивание. Возникает местная олигархия, интересы которой все теснее переплетаются с интересами империализма янки, как грибы вырастают смешанные акционерные общества под эквадорскими вывесками, но фактически контролируемые американцами; компрадорская буржуазия, заинтересованная в защите своих доходов и, как правило, близкая к правительственным

кругам, в большинстве случаев становится проводником проамериканской политики, чуждой национальным интересам страны.

Численно растущий пролетариат городов, подвергающийся жестокой эксплуатации, находит себе союзника в лице «уасипунгера»² — индейца — в горах, батрака — «монтувио»³ — на побережье, а также среди многочисленной мелкой буржуазии и прогрессивно настроенной интеллигенции. Движение народных масс против местной реакции и иностранного империализма становится одной из самых характерных черт рассматриваемого периода. Объединенные силы буржуазии в союзе с католической церковью сталкиваются с революционными выступлениями народа.

Большие изменения в поляризации политических сил эквадорского общества произошли под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и успешного построения социализма в СССР. Социалистические идеи, и ранее проникавшие в страну, получили в 30-е годы широкое распространение среди прогрессивной интеллигенции и трудящихся масс. Коммунистическая партия Эквадора создана в 1928 г. путем преобразования социалистической партии в коммунистическую. В состав КПЭ не вошла лишь небольшая группа членов социалистической партии, из которой образовалась социалистическая партия, существующая поныне. Из этой партии несколько лет назад (в 1960 г.) выделилось ее левое крыло, образовавшее Революционную социалистическую партию, которая по ряду вопросов выступает вместе с КПЭ. Таким образом, внутривнутриполитическая история Эквадора ознаменовалась серьезным сдвигом влево: либеральная партия стала партией центра, а революционная инициатива перешла в руки социалистов и коммунистов, объединяющих вокруг себя широкие слои населения. Этим объясняется в частности тот факт, что, несмотря на предвыборные махинации, фактически отстранявшие народ от участия в выборах, в 30—40-е годы в стране происходят непрерывные смены президентов. Буржуазия все чаще прибегает к режиму открытой диктатуры для борьбы с массовым революционным движением. Выступления индейцев в деревне и промышленного пролетариата в городе, распространение социалистических идей становятся определяющей политической чертой эпохи и главным предметом внимания со стороны творческой интеллигенции, которая в подавляющем большинстве случаев активно выступает на стороне революции.

В мае 1944 г. левые силы одержали крупные успехи. В результате народного восстания было свергнуто правительство Арройо дель Рио. В новый кабинет наряду с правыми вошли представители социалистической и коммунистической партий. И хотя под давлением реакции они спустя некоторое время

вынуждены были выйти из правительства, тем не менее майская революция 1944 г., затронувшая широкие слои народа, явилась важной вехой в истории Эквадора.

После майской революции 1944 г., доказавшей силу народных масс и левых партий — социалистов и коммунистов, — выступающих в Эквадоре в тесном союзе, господствующие классы все шире стали прибегать к политике лавирования и социальной демагогии. Ярким выражением этой политики явилось трехкратное президентство Веласко Ибарры и возглавляемое им течение «веласкизм».

Победоносная Кубинская революция нашла живейший отклик в странах Латинской Америки. Народ Эквадора встретил ее с огромным энтузиазмом. В защиту Кубинской революции от американской агрессии высказались все патриотические силы страны, многие буржуазные деятели, что нашло свое отражение также и в позиции представителей этой страны на совещании министров иностранных дел американских государств в Пунта-дель-Эсте в 1961 г. Как известно, на этой конференции Эквадор, несмотря на грубый нажим и угрозы со стороны США, устоял и не голосовал против революционной Кубы. После конференции американские империалисты решили взять реванш и «примерно» наказать правительства, отказавшиеся повиноваться их циничному диктату в Пунта-дель-Эсте.

В ноябре 1961 г. правительство Веласко Ибарра пало, и кучка реакционеров в союзе с реакционной военщиной, действуя по указанию американского посольства в Кито, попыталась захватить власть. Однако народные массы сорвали планы реакции. Новым президентом был провозглашен Аросемена, высказавшийся в поддержку Кубинской революции и за проведение аграрной реформы.

Совещание министров иностранных дел, созванное в январе 1962 г. Соединенными Штатами в Пунта-дель-Эсте, вызвало широкое возмущение эквадорского народа. Эквадорская газета «Тьерра» назвала это совещание позорным актом и оценила его «как еще один маневр североамериканского империализма, рассчитанный на то, чтобы ущемить суверенитет латиноамериканских стран». «Военные диктаторы и диктаторишки, — писала газета, — люди, которые когда-то находились в демократическом лагере, продались за 30 сребренников и продали великое дело Кубы, бессмертное дело всей Америки».

В те же дни национальное руководство Федерации студентов университетов Эквадора, объединяющей пять университетов страны, обратилось к правительствам всех американских республик и всех стран мира, осуждая принятые в Пунта-дель-Эсте решения, которые оно называет не имеющими законной силы. В коммюнике, направленном президентам американских

республик, говорилось: «Незаконное собрание в Пунта-дель-Эсте, созванное без какого бы то ни было правового основания, не смогло, несмотря на пропагандистские уловки информационных агентов США, скрыть все темные махинации, экономическое принуждение и международный шантаж, которые испытали на себе представители правительств перед голосованием решения, противоречащего уставу ООН и вредного для будущего Латинской Америки».

Народная победа, одержанная трудящимися Эквадора в ноябре 1961 г., не сопровождалась, к сожалению, решительными действиями против американской агентуры, представители которой продолжали занимать важные посты в правительстве и в армии. Заговорщики продолжали действовать. Были пущены в ход шантаж, насилие, угрозы, подкуп, и в апреле 1962 г. правительство Аросемены разорвало дипломатические отношения с революционной Кубой, Польшей и Чехословакией.

Этот позорный акт только обострил противоречия, существующие в Эквадоре.

Преступные действия американских империалистов, пытающихся во что бы то ни стало задушить Кубинскую революцию, породили на всем континенте волну народного гнева, которую невозможно остановить. «Эта волна,— как справедливо отмечается во Второй гавайской декларации,— будет расти изо дня в день. Потому что эта волна создается массами, представляющими собой большинство во всех отношениях. Массами, которые создают своим трудом богатства, умножают ценности, заставляют крутиться колесо истории и которые сейчас пробуждаются от длительного и одуряющего сна, на который их обрекли»⁴.

Народ Эквадора продолжает свою героическую борьбу за лучшее будущее, за демократические свободы, за аграрную реформу в защиту Кубинской революции против засилия американских монополистов и их союзников — местных латифундистов и соглашательской буржуазии.

В стране непрерывно происходят забастовки и манифестации трудящихся, непрерывно углубляется политический и экономический кризис, растут антиимпериалистические настроения, обостряется антифеодалная борьба. Тысячи крестьян занимают необработываемые земли. В национально-освободительное движение включается все больше рабочих, студентов, служащих, представителей мелкой и средней буржуазии.

Нет сомнения, что эта борьба увенчается успехом, и Эквадор, как и другие страны Латинской Америки, сбросит с себя оковы империализма и вековой отсталости и пойдет по широкому пути национального развития, мира и прогресса.

Предлагаемая вниманию читателя работа, подготовленная сектором Америки Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, является одной из первых на русском языке, посвященных Эквадору. Она характерна тем, что из семи авторов, принимающих в ней участие, шесть посетили Эквадор, а двое из них — А. А. Разливахин и С. П. Мамонтов — некоторое время посещали университет в Кито в 1961 г. Таким образом, авторы публикуемых статей пишут о стране, с которой они имели возможность познакомиться и которую они успели полюбить. Естественно, что данная работа не претендует на исчерпывающее исследование основных проблем Эквадора. Ее задачи более скромны: познакомиться советского читателя с этой далекой и мало ему известной страной и с некоторыми из ее особенно животрепещущих проблем: национально-освободительным движением, аграрными отношениями, положением индейцев, аптинародной деятельностью католической церкви, достижениями в области литературы.

Дальнейшие исследования дополняют наши знания об этой далекой и интересной стране, сделают их еще более точными и исчерпывающими.

Введение для данного тома специально написано президентом Дома культуры Эквадора Бенхамином Каррионом. Перевод статьи с испанского сделан И. Р. Григулевичем.

В подготовке рукописи к печати принимали участие С. А. Гонционский и Э. Л. Нитобург.

¹ М. А. Агуигге. «America Latina y el Ecuador» (apuntes para un estudio socio-económico). Quito, 1959, p. 9.

² Уасипунгиро от huasipungo (кечуа) — мелкий арендатор, индеец, фактически находящийся в полурабской зависимости от помещика.

³ Монтувио — житель побережья, этнический элемент, возникший в колониальную эпоху в результате смешения белых, негров и индейцев. Обычно используется как наемный сельскохозяйственный рабочий.

⁴ «Вторая гаванская декларация». «Правда», 6.II 1962.

БЕНХАМИН КАРРИОН

Президент Дома культуры Эквадора

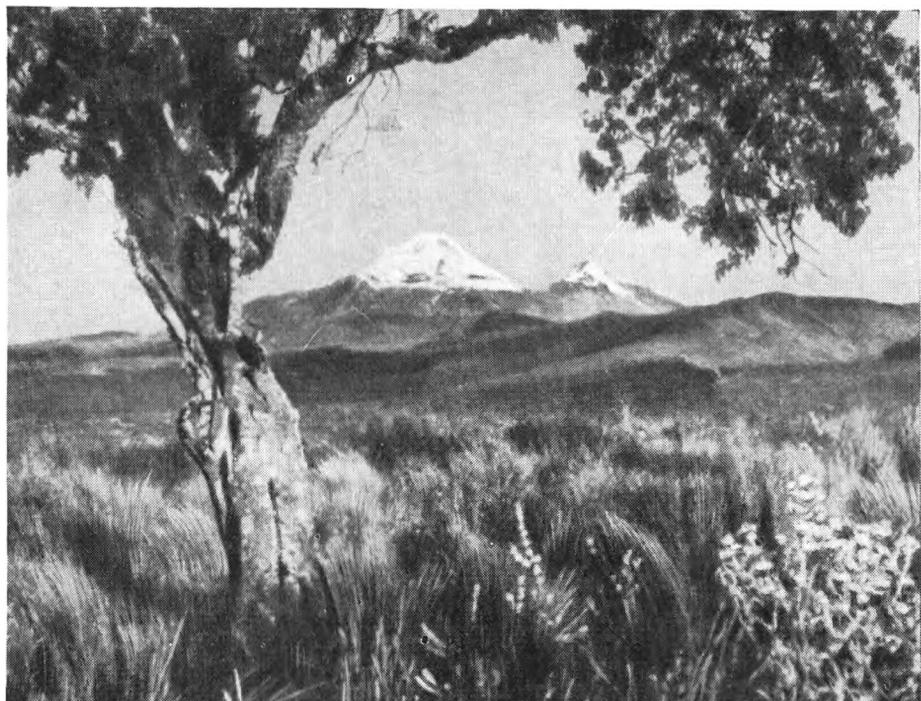

ВВЕДЕНИЕ

аписанная советскими исследователями книга об Эквадоре, которая рассказывает о моей родине многомиллионному советскому народу, — это был приятный сюрприз, ожидавший меня, когда я прибыл в Москву для участия в Международном конгрессе за всеобщее разоружение и мир. Естественно, что я испытал чувство великой радости: люди, жизнь и история столь далекой от Советского Союза, сравнительно небольшой по своей территории и населению латиноамериканской страны привлекают внимание читателей могучей советской державы.

Неведение порождает многие беды. Два обстоятельства препятствуют правильному пониманию событий и народов. Первое — это простая неосведомленность, незнание других народов, что характерно для нашей Латинской Америки, где часто соседние и дружеские нации, говорящие на одном и том же языке, не знают почти ничего друг о друге. Второе — это тенденциозная и ложная информация о событиях, распространяемая крупными капиталистическими агентствами печати.

Еще наш великий латиноамериканский поэт Рубэн Дарио говорил, что в Европе многие считают, что под западным одеянием, в которое облачены латиноамериканцы, спрятан хвост обезьяны. А то, что нам теперь рассказывают о советских людях

Гора Ильиниса (5260 м) над впадиной Латакинга

американские агентства печати, вполне может напугать самого храброго человека. Кубинская революция — это еще один пример того, как преднамеренно искажают истину те же агентства, поставляющие материалы для нашей «большой» прессы.

Моя родина — Эквадор — давно уже является жертвой незнания и дезинформации. Многие, отождествляя ее название с линией экватора, пересекающей страну, считают, что она расположена в районе тропиков, с невыносимо жарким климатом. Между тем большинство нашего населения живет в горных районах Анд на высоте свыше двух тысяч метров над уровнем моря. Что касается побережья, то прохладное течение Гумбольдта в значительной мере ослабляет тропическую жару.

Древнейшими обитателями Эквадора были индейцы кара, которых незадолго до появления в Америке испанцев подчинили инки, пришедшие с юга из Куско (Перу). В 1534 г. началось завоевание страны испанцами, господство которых продолжалось до 1820 г., когда Эквадор провозгласил независимость. Однако завоевание независимости не принесло большого облегчения эквадорскому населению. Клерикальные фанатики, крепельские и иностранные эксплуататоры поработили индейцев.

Одной из основных наших проблем, таким образом, все еще является освобождение от гнета и эксплуатации индейцев, составляющих половину населения Эквадора. Добиться этого можно только путем социальной революции, которая должна будет осуществляться с участием самих поработанных индейцев.

В настоящее время Эквадор, как и подавляющее большинство остальных латиноамериканских стран, является жертвой колониализма США, который пришел на смену испанским колонизаторам. Американские монополии поработили нашу экономику, они навязали нам себя в качестве единственного покупателя наших продуктов, что позволяет им произвольно занижать цены на наше сырье; в то же самое время, будучи единственным поставщиком импортируемых нами товаров, они заставляют нас платить за них втридорога.

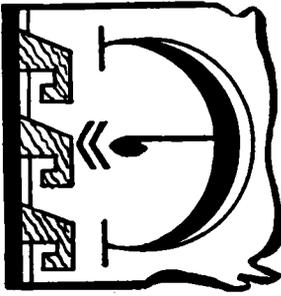
США удерживают нас в состоянии отсталости, заставляя производить то, что им выгодно. Эквадор — аграрная страна, и наше сельское хозяйство целиком зависит от американского рынка. США навязали нам производство бананов. Теперь мы являемся их главным поставщиком в Америке. Для нас это подлинная трагедия. Бананы выращиваются главным образом в прибрежной зоне, где господствуют малярия и другие тропические болезни. Туберкулез и смерть — вот «заработок» рабочих банановых плантаций моей родины, работающих за бесценок в ужасных условиях.

Об этом и о многом другом читатель узнает из данной книги, написанной советскими исследователями, полюбившими мою родину. Авторы публикуемых здесь статей, свободные от каких-либо предвзятостей и предрассудков по отношению к Эквадору, сделали все возможное, чтобы объективно и с симпатией к судьбам моего народа разобраться в его прошлом и настоящем.

Я не сомневаюсь, что эта книга, мужественно и правдиво знакомящая советского читателя с эквадорской действительностью, будет способствовать укреплению дружбы между нашими народами.

•

ВСТРЕЧА С ЭКВАДОРОМ

В эквадор — страна, где больше чем в других республиках Латинской Америки можно наблюдать чудовищный контраст между бедностью и богатством, где особенно наглядно можно видеть, к чему ведет хозяйничание империализма янки и их союзников в стране — феодалов и крупной буржуазии», — как-то сказал в разговоре один из эквадорских общественных деятелей, посетивший Советский Союз. — «Но недалеко время, — продолжал он, — когда эквадорский народ возьмет судьбу страны в свои руки. Он к этому готовится. Если бы вам удалось посетить нашу страну, вы бы легко убедились в справедливости моих слов». Через несколько дней миссия доброй воли Советского Союза вылетела в Латинскую Америку, и одной из стран, которые нам пришлось посетить, был Эквадор. •Здесь мы познакомились с чудесным эквадорским народом и убедились в том, насколько высок его боевой дух, велико его желание добиться свободы и независимости. Незабываемы впечатления от пребывания в Эквадоре, особенно от радушного гостеприимства эквадорского народа, питающего огромные симпатии к Советскому Союзу.

Первым городом Эквадора, который мы посетили, была его столица — Кито. В Кито мы прибыли 3 августа 1961 г. У всех был один вопрос, что нас могло ожидать в этой далекой стране, какая встреча? Всем хорошо было известно, что в Эквадоре идет острая борьба между демократическими прогрессивными силами, с одной стороны, и реакционными, с другой, что министерство иностранных дел, возглавляемое людьми, тесно связанными с американским империализмом, а также реакционные элементы в правительстве Веласко Ибарра всячески препятствовали посещению советской делегацией Эквадора и что антисоветская пропаганда, проводимая католической церковью и американским посольством, достигла здесь чудовищных размеров.

Здание аэропорта оказалось окружено плотным кольцом солдат, державших ружья наперевес. Вход на аэродром был разрешен только официальным лицам, прибывшим для встречи делегации. Эквадорские власти боялись общения эквадорского наро-

да с советскими людьми, и представителям общественности было запрещено встречать нас. Как потом стало известно, печать не сообщила о времени прибытия советской миссии доброй воли.

Однако в первый же день пребывания делегации в Кито жители столицы открыто выражали свои симпатии к советским людям. После того как нас разместили в гостинице «Кито», расположенной на окраине города в живописной местности, мы в сопровождении представителей власти направились по извилистым и узким улицам столицы с первым официальным визитом в министерство просвещения.

В Кито живет около 314 тыс. человек. В этом тихом городке 57 церквей и ни одного завода. Многие здания Кито воздвигнуты еще во время испанских конкистадоров, и архитектура города до сих пор сохранила свой староиспанский стиль.

На одной из идиллически спокойных улиц Кито в старинном особняке министерства просвещения нас принял министр Серхио Кирола Мартинес. Министр, окруженный чиновниками, встретил нас дружелюбно. Кирола Мартинес сказал:

«Я рад, очень рад вашему приезду. Это начало знакомства между нашими странами. Мы знаем о высоком уровне культуры в Советском Союзе. Мы хотим наладить с вами постоянный обмен культурными ценностями...».

Прием был очень теплым, а когда мы вышли из здания министерства, нас ждал новый сюрприз: безлюдная в начале нашего визита улица была теперь полна народа.

Огромная толпа в несколько тысяч человек встретила советских гостей бурными аплодисментами. Сотни рук поднялись в приветствии, женщины размахивали разноцветными платками, толпа скандировала: «Дружба, дружба!». Сотрудники министерства присоединились к этой неожиданной манифестации.

Пожимая десятки протянутых рук, обмениваясь приветствиями и шутками, мы долго не могли пройти к машинам. Пожалуй, именно здесь и рухнула преграда, которую кто-то старался воздвигнуть между эквадорцами и гостями из Советского Союза. Потом, во время поездки по стране, у нас было много таких дружеских встреч.

Газеты «Эль Комерсио», «Диарио дель Эквадор», «Ла Насьон» публиковали подробные отчеты о встрече в министерстве просвещения Эквадора. Газета «Ла Насьон», приветствуя переговоры, которые вела советская делегация с министром просвещения, писала: «Путь для культурного обмена с СССР открыт».

Знакомство с теми, кому добрые отношения между Советским Союзом и Эквадором не по душе, состоялось вскоре после посещения министра просвещения, когда мы нанесли визит вежливости Хосе Рикардо Чирибога, бывшему тогда министром иностранных дел. Он принял нас в большом роскошном зале. Прием

прошел сухо, натянуто. Министр явно хотел поскорее закончить эту, по-видимому, неприятную для него, официальную обязанность. Установление дипломатических и культурных связей между Советским Союзом и Эквадором министр считал «преждевременным» и «едва ли желательным». Г-н Чирибога вообще старался уклониться от обсуждения этой проблемы.

Хосе Чирибога — крупный помещик, тесно связанный с американскими реакционными кругами, действующими в Эквадоре. Ведущие работники эквадорского министерства иностранных дел — люди того же круга. Они полностью ориентируются на Вашингтон и активно участвуют в его провокациях против Кубы и друзей кубинского народа.

Происки реакционных кругов были направлены и против нынешнего президента страны Карлоса Хулио Аросемена. Он пришел к власти осенью 1961 г., приблизительно через три месяца после нашего посещения Эквадора, пообещав народу покончить с беззаконием, воровством и взяточничеством, царившими при предыдущем президенте. Аросемена выразил также намерение поддерживать дружеские отношения с революционным кубинским правительством и установить выгодные для Эквадора торговые связи со странами социалистического лагеря. В беседе с нами Карлос Аросемена, тогда вице-президент, выражал самые дружеские чувства к Кубе и Советскому Союзу.

Вернувшись с совещания в Пунта-дель-Эсте, где Соединенные Штаты добивались блокады Кубы всеми странами Латинской Америки, Карлос Аросемена сказал:

— Эквадор не продал своей чести, ибо его суверенитет не продается с аукциона!

Однако ровно через два месяца Эквадор разорвал дипломатические отношения с Кубой, Польшей и Чехословакией. Это было сделано вопреки воле народных масс страны и под нажимом высших офицеров армии и реакционного католического духовенства. За спиной этих сил, поднявших в одном из городов страны вооруженный мятеж, стоял американский посол в Эквадоре Морис Бернбаум и члены военной миссии Соединенных Штатов.

Однако протест эквадорского народа против реакционной политики был столь силен, что президент счел необходимым сделать уступку требованиям народа и 16 мая 1962 г. сместил главнокомандующего вооруженными силами Карлоса Арреги, командующего военно-воздушными силами Рафаэля Вальдеса. Министр обороны полковник Франсиско Тамарис подал в отставку. Они и были инициаторами разрыва дипломатических отношений с Кубой, Польшей и Чехословакией.

Три дня, проведенные в Китае, и встречи с представителями самых различных слоев населения убедили нас в том, что реакции не удалось отравить сознание эквадорского народа

Устье р. Эсмеральды

антисоветской пропагандой, и показали, что в этой стране, как и всюду в Латинской Америке, растет ненависть к американскому империализму. Простые люди с сжатыми кулаками говорят о том, как в их стране хозяйничают монополии США. Последние завладели всеми богатствами Эквадора: нефтью, банановыми плантациями, рыболовными промыслами, внешней торговлей, транспортом, большинством отраслей промышленности.

На второй день пребывания в Кито советскую делегацию посетила большая делегация Конфедерации трудящихся Эквадора (КТЭ). Состоялась теплая встреча, во время которой произошел обмен приветствиями. Слово взял председатель КТЭ, возглавлявший делегацию профсоюзных деятелей.

— Для нас, эквадорцев, — сказал он, — нет ничего более желанного, как видеть нашу родину свободной и независимой от империализма янки. Страна наша богата, но народ не пользуется этими богатствами, они расхищаются монополиями США. Эквадорские трудящиеся находятся в чрезвычайно бедственном положении. И они борются. Недалеко то время, когда народ будет хозяином своей страны, и нефть, бананы, рыба — все это будет принадлежать ему.

На приеме, устроенном в честь делегации вице-президентом (ныне президентом) Эквадора Карлосом Аросеменой, мы разговорились с одним преподавателем университета в Кито. В прошлом он был членом конгресса и хорошо изучил проблемы, стоящие перед страной, и нужды народа.

В ответ на замечание о дружеских чувствах эквадорского народа к Советскому Союзу и бросающейся в глаза неприязни к Соединенным Штатам он сказал, что «симпатии эквадорцев к Советскому Союзу огромны. Вы это можете особенно почувствовать в Гуаякиле — промышленном центре нашей страны. Но это и понятно. Советский Союз — первое социалистическое государство, в нем проведены такие социально-экономические преобразования, какие не могут быть проведены ни в одной капиталистической стране, а эквадорский народ нуждается в них больше, чем кто-либо другой. Всему миру известно, какую помощь оказывает Советский Союз народной Кубе, а это еще больше поднимает его престиж. Народ Эквадора находится в тяжелом положении, хозяйничание империализма янки в стране привело ее экономику по существу к краху. Эквадор — одна из отсталых стран на латиноамериканском континенте. Огромное большинство четырехмиллионного населения живет в крайней бедности. А кто виновник? Американский империализм и те, кто поддерживает его в Эквадоре. Мужчины и женщины нашей страны, — продолжал он, — задают себе вопрос: что необходимо сделать, чтобы добиться прогресса, улучшить жизнь, сделать страну свободной и независимой? Ответ один — нужно бороться».

На карнавале

Эти слова были сказаны человеком, который был членом конгресса и которого нельзя упрекнуть в симпатиях к коммунизму. А что же думают простые люди, испытывающие на себе все тяготы жизни? Страшная нищета бросается в глаза на каждом шагу. Особенно нищета крестьян, основную массу которых составляют индейцы.

Сенатор Мальдонадо — большой друг Советского Союза — пригласил советскую делегацию на свою виллу, расположенную приблизительно в ста километрах от столицы. Мы выехали рано. Прекрасное шоссе проходило по живописной местности — высокие горы причудливой формы, вершины, покрытые снегом, обширные зеленые луга. Когда-то в этих местах проходила своеобразная дорога: по каменным лестницам, высеченным в скалах, и веревочным мостам, переброшенным через пропасти, в Кито шли странники, караваны, а иногда и завоеватели.

Кое-где по обе стороны дороги виднеются домики индейцев, составляющих более половины населения страны и живущих преимущественно в его горной части.

Трудно себе представить более убогие жилища, чем индейские хижины. Черные от ветров и дождей стены не имеют окон, вместо дверей прорублены дыры, в маленьком дворике стоит сплетенный из обожженной глины очаг. Около жилища ходит женщина, одетая в рубище из домотканной материи, бегает почти голые ребятишки.

Индейцев в Эквадоре около двух миллионов. 80% индейцев неграмотны. Мы ближе познакомились с коренными жителями страны, когда после посещения виллы сенатора побывали в городе Латакунга. Вилла сенатора находилась неподалеку от города Латакунга. Здесь раз в неделю, по субботам, проходили знаменитые индейские «субботние» базары, единственные в своем роде во всей Южной Америке. По счастливой случайности наша поездка на виллу состоялась как раз в субботу. Сын сенатора предложил нам съездить и осмотреть базар.

Мы приехали, когда базар, проходивший на городской площади, был в разгаре. Это было необыкновенно яркое зрелище. Чего только не было на базаре: различные пончо, вытканые руками индейцев, разноцветная шерсть, глиняная посуда, изделия из кожи, шкатулки, сделанные из балсы — самого легкого дерева в мире, — а рядом фрукты, овощи, мясо, которое тут же поджаривается. Индейцы в ярких одеждах — красных, зеленых, оранжевых сидят у груд своих товаров. Однако их одежды обращают на себя внимание не только красками, но и лохмотьями. Некоторые «костюмы» представляют собой мешки с дырой для головы. Индейцы любезно дают себя сфотографировать, но тут же протягивают руку за «гонораром». Для любого этнографа рынок в Латакунге — источник самых интересных исследований.

У лагуны Сан-Пабло

Сопровождавший нас молодой Мальдонадо сказал, показывая на площадь:

— Эти люди производят на меня всегда тяжелое впечатление. Посмотрите сколько их здесь. Все это неграмотные, лишенные возможности получить хоть какую-нибудь медицинскую помощь, страдающие от различного рода болезней. Они принесли на рынок свои изделия, плоды и овощи, снятые с мизерного участка, чтобы получить за них горсть звонких сукре (сукре — 0,07 доллара). Даже тот, кто хочет помочь им, бессилен что-нибудь сделать. Правительство не идет навстречу. Ведь большинство крестьян живет в невероятно тяжелых условиях, а многие из них — речь идет о большой массе индейского населения — буквально прозябают. Есть районы, где крестьяне, находящиеся во власти помещиков, получают сукре в день, а иногда и половину сукре. Крестьяне, живущие в нищете и находящиеся во власти иллюзий и надежды найти новую жизнь, оставляют свои деревни на побережье и в горных местностях и устремляются на окраины городов, пополняя большую армию безработных. Они попадают в обстановку, в которой благодаря нищете процветают всякого рода социальные пороки и язвы. Но что можно сделать?

Сделать что-то для облегчения своей участи индейцы недавно попытались сами. Летом 1962 г. жители многих индейских селений начали захват пустующих земель. Дошло до кровавых столкновений с полицией.

Возвращаясь в Кито, мы видели идущих по дороге с рынка индейцев — старики и старухи на спинах тащили мешки непроданных продуктов и изделий. Вид у них был унылый.

На другой день рано утром мы вылетели в Гуаякиль — самый крупный портовый и в экономическом отношении самый важный город Эквадора. Город Гуаякиль основан в 1535 г., он расположен в устье р. Гуаяс — крупнейшей водной артерии, протекающей через всю страну. На рейде стоят торговые корабли, баржи и катера грузятся бананами, апельсинами, кофе. Через Гуаякиль проходит 85% всей внешней торговли страны.

Гуаякиль — лицо Эквадора. Здесь расположены основные предприятия цементной, металлообрабатывающей, лесопильной, пищевой, фармацевтической, кожевенной промышленности. В Гуаякиле нет предприятий тяжелой промышленности, потому что ее нет в Эквадоре вообще. Электроэнергетическая промышленность, находящаяся в стадии зарождения, принадлежит американским империалистам.

Крупнейшей в Эквадоре электростанцией, находящейся в Гуаякиле, также владеют янки. Им же принадлежит мукомольная промышленность Гуаякиля.

Самолет прибыл в Гуаякиль в 10 часов утра. Впоследствии мы узнали, что местная печать сообщила о том, что советская делегация прибывает в Гуаякиль в 14 часов. Однако, несмотря на это, уже в 10 часов утра на аэродроме собрались тысячи людей. Когда члены делегации вышли из самолета, раздались возгласы: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует дружба советского и эквадорского народов!», «Да здравствует товарищ Хрущев!», «Да здравствует Куба!», «Хрущев, Фидель!», «Куба — да, янки — нет!», «Дружба, мир!». Кто-то, взобравшись на грузовую машину, на ломаном русском языке кричит: «Да здравствует Компартия Советского Союза!». Возгласы покрываются аплодисментами. Люди, разорвав цепь полицейских, бросаются к посланцам советского народа, они обнимают нас, жмут нам руки и преподносят цветы. Взрослые подводят своих детей, просят что-нибудь дать на память. Появление у нас в руках советских значков вызывает бурю восторга.

Такая встреча явно не входила в планы представителей министерства иностранных дел. Полицейские стараются отеснить народ и торопят нас ехать в гостиницу. Под бурные аплодисменты и возгласы: «Советский Союз, Эквадор, дружба!» наши машины тронулись в город. Вот, наконец, набережная реки Гуаяс, набережная Симона Боливара. Здесь находится гостини-

У причалов гуаякильского порта

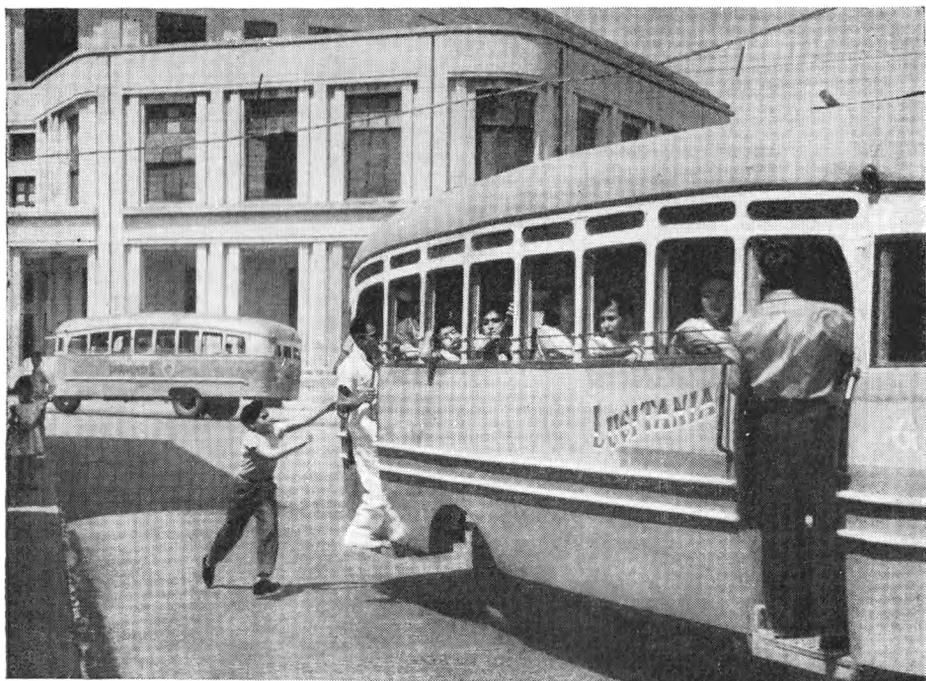
ца, где мы должны остановиться. Площадь около гостиницы полна народа. Мы слышим опять крики приветствия, аплодисменты. Особенно часто раздаются возгласы: «Советский Союз, Эквадор, Куба», «Хрущев, Фидель».

До поздней ночи народ не покидал площадь около гостиницы. Гостиницу посещали делегации — женские, молодежные, профсоюзные. Члены советской делегации отвечали на многочисленные вопросы. Встреча, которую Гуаякиль оказал советской делегации, явилась ярким свидетельством роста авторитета Советского Союза среди населения Эквадора.

Устроившись в гостинице, мы решили осмотреть город. Мы попросили нашего шофера Хуана показать нам в самое короткое время то, что он сам считал достойным внимания. Шофер оказался словоохотливым человеком, хорошо разбирающимся в социальных проблемах своей страны. Мы проехали по чудесной набережной. Гуаякиль не похож на Кито. Мы увидели исторические памятники и статуи, возвышающиеся в тени скверов, дворцы, в которых расположены учреждения, банки, компании. Таков ли весь город? — возникает у нас вопрос.

— Не восхищайтесь преждевременно, — вдруг раздался голос Хуана. — Поедьте по улицам города. Смотрите и делайте выводы сами.

И вот мы едем по улицам города Гуаякиля. Трудно представить себе более ужасное зрелище. Дома строятся, как правило,

На улицах Гуаякиля

из дерева, они потемнели от времени, штукатурка отвалилась, в окнах выбиты стекла, вместо стекол тряпки, двери занавешены кусками материи. Рядом кучки мусора, помойные ямы, по канавам течет грязная вода, бегают полураздетые ребятишки. Это не в индейской деревне, а в самом крупном городе страны и не на окраине, а в центральных районах.

Наш друг Хуан везет нас в новые и новые районы, причем все время подчеркивает, что это еще ничего, есть — хуже. Но что же может быть хуже?

Вдруг мы оказались на улице, не похожей на только что виденные. Роскошные дома в стиле модерн утопают в зелени, здесь нет магазинов, тишина.

— Это район «ста», — поясняет наш шофер, — ста самых богатых фамилий. Здесь виллы эквадорских миллионеров, представителей американской «Юнайтед фрут компани», выколачивающей миллионы из нашей страны. Простой народ не посещает этот район. Да и делать здесь ему нечего. Спустя несколько минут Хуан сказал, показывая на оставшийся позади квартал «ста»:

— Ничего, не долго они проживут здесь. Когда народ станет хозяином в Эквадоре, тогда сюда переедут те, кто сейчас живет в трущобах.

Продавщица цветов

В Гуаякиле делегация посетила банановые плантации, несколько предприятий.

Теплая встреча произошла на шоколадной фабрике. Рабочие, работницы, узнав, что к ним прибыли члены советской миссии доброй воли, подходили, жали руки, выражали радость по поводу встречи с советскими людьми. Они интересовались жизнью рабочих в Советском Союзе, их заработками. Ответы вызвали удивление и восхищение.

Шоколадная фабрика относится к числу крупных предприятий города. Она насчитывает 400 рабочих. Бросается в глаза старое оборудование, отсутствие техники безопасности, применение ручного труда в ряде процессов, давно механизированных на таких же предприятиях других стран. Средняя заработная плата рабочего 300 сукре в месяц (15 долларов). Во время осмотра фабрики мы разговорились с одним рабочим. Он оказался помощником начальника цеха по изготовлению пасты. Его заработок 500 сукре в месяц (25 долларов). У него пятеро детей. Жена его тоже вынуждена работать.

Это типичная фабрика. Уровень заработной платы на многих других предприятиях такой же. Члены делегации посетили

обувную фабрику, ткацкую и всюду они видели одну и ту же картину. Налоги, которые при правительстве Ибарра росли из года в год, тяжелым бременем лежат на плечах трудящихся.

После осмотра ткацкой и мукомольной фабрик, где аналогичные условия труда и тот же уровень заработной платы, нам показали образцовое частнокапиталистическое предприятие — обувную фабрику на окраине Гуаякиля.

Эта фабрика действительно оказалась образцовой. В цехах — современные станки. Рабочие одеты лучше, чем на других предприятиях. Хозяин фабрики — молодой эквадорец, внешне напоминающий преуспевающего американского бизнесмена: светлый костюм, спитый по последней нью-йоркской моде, и жевательная резинка во рту. Он рассказал нам, что учился в Соединенных Штатах, и очень гордился выпускаемыми его фабрикой кожаными и резиновыми туфлями. Он платит рабочим больше, чем на других предприятиях, но при одном обязательном условии: ни один рабочий не имеет права вступить в профсоюз.

В Гуаякиле есть также цементные, лесопильные, фармацевтические, металлообрабатывающие мастерские и заводишки. При чем почти все более доходные отрасли промышленности находятся в руках североамериканских монополий. Известный концерн «Дженерал электрик» контролирует, например, гуаякильские рыбные промыслы, «Стандард ойл» владеет богатыми месторождениями нефти за городом. Губернатор штата Нью-Йорк, миллиардер Рокфеллер, приобрел богатейшую кофейную плантацию, скотоводческие хозяйства и земли в районе Гуаякиля. Городская электростанция Гуаякиля тоже принадлежит янки.

Гуаякильские власти ни в чем не перечат американским бизнесменам. Но народ в городе не доволен. У здания консульства Соединенных Штатов постоянно проходят антиамериканские демонстрации. Здание немало пострадало от камней, которыми его забрасывают.

8 августа мы вылетели из Гуаякиля. Встречи с эквадорцами оставили уверенность в том, что несомненно здесь произойдут события, героем которых будет чудесный боевой эквадорский народ.

ВУЛКАН НА ЭКВАТОРЕ*(Рассказ журналиста)*

Южной Америке много вулканов, потухших и действующих. И там, где их больше всего, расположен Эквадор. Чимборасо, Антисана, Кайямбе, Альтар вздымают ввысь свои снежные вершины. Котопахи время от времени извергает черный дым и пепел из своего жерла. Тунгурауа и Пичинча мирно дремлют среди застывшего хаоса пемзы и базальта.

0 градусов, 0 минут, 0 секунд. Так определили географы широту недалеко от Кито — столицы Эквадора. Там, на высоте 3 тыс. метров над уровнем моря, проходит линия экватора. Страна, где дни и ночи одинаковы, а солнце не дает в полдень никакой тени — так называют Эквадор писатели и журналисты.

Туристы, приезжающие к монументу, воздвигнутому на линии экватора, одной ногой стоят в Северном полушарии, другой — в Южном.

В Эквадоре никто не знает, какие вулканы потухли, а какие завтра, или, быть может, сегодня начнут свою адскую работу. Как и гнев народа, каждую минуту может взорваться любой из них.

Вулканы Эквадора покрыты снегом, долины, низменности, подножия гор поросли девственными лесами.

Центральные районы Эквадора зовутся «Сьеррой», что означает камень, нагорье. Там, где растут тропические, буйные леса, где на десятки километров тянутся известные на весь мир пляжи, где раскинулись банановые рощи, простирается «Коста», что означает берег, побережье. Есть еще «Орьенте» — восток. Здесь девственный лес, тишина и одиночество.

Официальное название страны — Республика Эквадор. Ее население, живущее на территории в 270 670 кв. км, немного превышает четыре миллиона человек. Главные города: столица Кито (314 тыс. жителей), Гуаякиль (431 тыс.), Куэнка, Амбато, Риобамба. Вся территория страны делится в административном отношении на 18 провинций и территорию Галапагосские острова.

В Эквадоре встречаются все виды климатов — от влажных и жарких до суровых, холодных.

Особняком в физико-географическом отношении стоит район Галапагосских островов. От побережья до островов — 1000 км. В этом районе 17 больших островов и 100 малых. Главная особенность архипелага — его редкостная фауна.

Недра Эквадора почти не разведаны. Геологи предполагают найти на его территории большие запасы полезных ископаемых, в том числе нефти, золота, ртути, меди, свинца, серебра, железа, угля и других.

...Наш самолет приземлился ранним утром на аэродроме Кито. Небольшой сравнительно участок земли, стиснутый вершинами гор, — таков местный аэродром, расположенный высоко в горах.

Сойдя с самолета, мы увидели скудную растительность полей, почти оголенные склоны гор, ощутили сухой прохладный воздух. Вдали за поворотами и изгибами шоссе виднелись городские постройки Кито. Город расположился у подножья потухшего вулкана Пичинча. Вершину вулкана здесь называют «панесильо», т. е. купол, голова. Действительно, кажется, что это голова великана, застывшего на вечные времена.

Местная поговорка гласит: «Тот, кто был в Кито, видел лицо неба». В этом есть доля правды. Кито расположен на высоте почти трех тысяч метров над уровнем моря. Небо здесь ярко-голубое. Воздух чист, прозрачен и прохладен. Недаром на языке древнего индейского племени китус город Кито значит «селение в горах». В отличие от многих других крупных городов Латинской Америки Кито выглядит провинциальным. Здесь нет многоэтажных небоскребов, ослепительных проспектов-авенид, как в Рио-де-Жанейро или Каракасе. Планировка города запутана и небрежна.

По прямой трудно проследить какую-нибудь улицу: они образуют много поворотов и изгибов, особенно в центре. Дома здесь лепятся очень тесно друг к другу, современные длинные американские машины с трудом пробираются между ними.

Молчаливо и спокойно бродят по улицам индейцы и кажется, что их не касается кипящая кругом жизнь. Но последнее впечатление обманчиво.

Коренное население Эквадора — индейцы. Когда вы знакомитесь с индейцами, с их бытом и условиями жизни, всматриваетесь в их лица, вас поражает их глаза. Это глаза людей, в которых веками накапливалась ненависть к угнетателям.

Мы видели в Эквадоре жилище типичной индейской семьи, живущей близ крупного города или работающей на банановых и кофейных плантациях. По-испански такое жилище называют «чоса», что в переводе означает хижина, лачуга.

Монумент на линии экватора в 24 км от Кито

Семья состояла из мужа, жены, троих детей. На мужчине были грязные и рваные рубаха и штаны. Сквозь дыры в одежде было видно тело цвета сухой земли. На женщине была одна рубаха, видимо, переделанная из старого мешка самым простым способом: в нем прорезаны были отверстия для рук и головы. Детишки трех, пяти и семи лет вертелись у ног родителей. Оба взрослых работают на банановой плантации. Заработной платы они не получают никакой.

— За что же вы работаете? — спросили мы.

Индейцы долго не могли понять. Наконец, выяснилось: вопрос о заработной плате никогда не поднимался. Они работали на помещика за то, что их часа стояла на крохотном участке каменной земли помещика. На этом участке (буквально не более 30 кв. м) они выращивают бананы, картофель, кукурузу, разводят кур и морских свинок.

Таким образом, четыре-пять дней в неделю отец и мать работали на помещика «за проживание на его земле», остальное время они тратили на то, чтобы добыть себе скудное пропитание.

Земляной пол, утопанный обитателями лачуги, несколько пустых полок, лишь кое-где стояла по углам глиняная посуда; потолок, до которого можно дотянуться рукой. Окон в хижине нет, освещается она огнем небольшой жаровни, стоящей в углу; больше в хижине ничего не было: ни одежды, ни запасов пищи. Других построек на участке не было, а размер хижины не превышал 8—10 кв. м. В отблесках огня поблескивали красочно разрисованные банки из-под североамериканских консервов. Это было самое ценное в доме хозяина, ибо было сделано из железа и разрисовано. Вот все, что дала «цивилизация» индейцу, переселившемуся из девственных лесов на плантацию латифундиста.

Правда, мы встречали дома и лучше, где жили более «цивилизованные» индейцы, т. е. индейцы, добившиеся кое-какого материального благополучия. Обычно это более просторный дом, по сравнению с часа, иногда крытый черепицей. Дом разгорожен на несколько комнат с большими коридорами.

Эти дома построены очень примитивно. Окна небольшие и их мало. Вентиляция осуществляется через отверстия в крыше. Во многих домах нет мебели в обычном понимании этого слова. Несколько грубо сколоченных досок служат сидением и ложем для сна.

Точный состав населения в Эквадоре до сих пор еще не определен. По последним данным, в 1960 г. в Эквадоре насчитывалось 4329 тыс. человек.

В переписи населения (1950 г.), первой за всю историю страны, нет этнической классификации населения. И это не слу-

Солдаты у здания Национального конгресса в Кито

чайно. Это связано с трудностями определения принадлежности того или иного лица к этнической группе из-за отсутствия точных данных. Куда, например, отнести индейца, живущего в городе, одевающегося по-европейски и ведущего образ жизни горожанина? Или к какой группе отнести человека, говорящего по-испански и ведущего образ жизни белого, или метиса, одевающегося, как индеец? К какой группе отнести метиса, живущего по обычаям индейцев? Понятно, что в этих условиях трудно говорить об этническом составе населения Эквадора.

Население горной области как бы разбито на отдельные компактные группы, заселившие межгорные бассейны. Каждый из этих бассейнов, вытянутых цепочкой с севера на юг между обоими главными хребтами, заселен в основном индейцами. Их главные занятия — потребительское земледелие и пастбищное скотоводство. Как правило, небольшие индейские деревни располагаются в горной долине и окружены небольшими полями, засеянными зерновыми культурами, — кукурузой, ячменем, пшеницей, а также картофелем. Немного выше находятся плантации сахарного тростника и хлопка.

В прибрежном районе в основном живут метисы, негры и самбо (потомки негров и индейцев). Население здесь занято

главным образом выращиванием экспортных продуктов — бананов, какао, кофе, сахарного тростника. Как видно из табл. 1, половина самостоятельного населения занята в сельском хозяйстве (в тыс. человек).

Таблица 1

Отрасли	1950 *	1960 *
Всего	1205	1584
Сельское хозяйство	641	773
Горнодобывающая промышленность	5	8
Обрабатывающая промышленность	233	284
Строительство	27	61
Электричество, торговля, транспорт, государственные учреждения, обслуживание и пр.	299	458

* Memoria del Gerente General del Banco General del Ecuador, correspondiente a ejercicio de 1960. Quito, 1961, p. 34.

Говорят, что в Эквадоре нет своей промышленности.

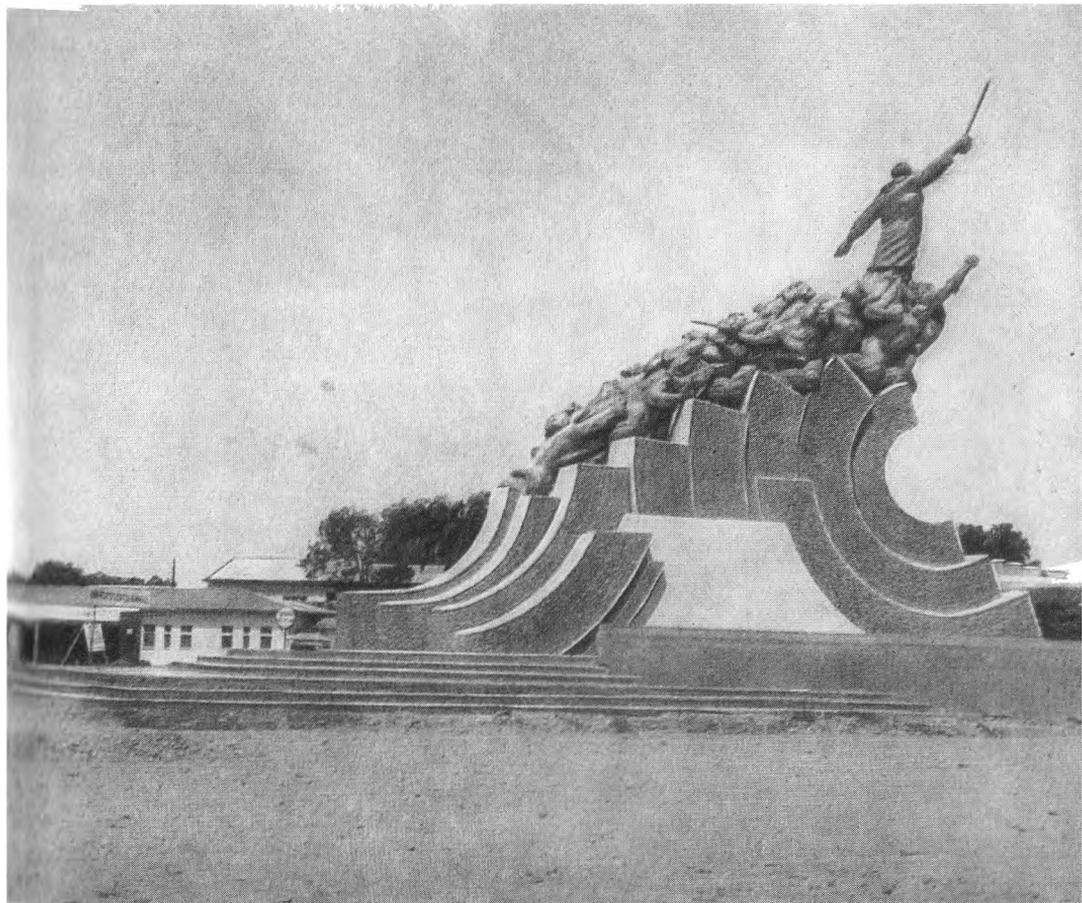
— Что вы? — отвечают с горькой усмешкой местные жители. — У нас нет никакой индустрии? У нас есть она — это индустрия голода и нищеты, и она успешно развивается.

Чем это объясняется?

Великий немецкий путешественник и ученый Александр Гумбольдт, посетивший Эквадор в 1799 г., сказал: «Эквадор — это нищий, сидящий на мешке с золотом». Под золотом Гумбольдт подразумевал природные богатства Эквадора. Теперь они захвачены монополиями США.

Иностранный капитал господствует в экономике Эквадора, держит страну в политической зависимости, разрушает национальную культуру. В основном капитал американский. Господство американского империализма в экономике ставит страну на грань экономической катастрофы; экономическое положение страны непрерывно ухудшается, жизненный уровень падает, государственный долг растет.

Иностранные монополисты захватывают также лучшие земли. Можно привести большой список североамериканских и других иностранных империалистов-собственников земли в Эквадоре. Среди них — «Юнайтед фрут компани», Рокфеллер — владелец поместья «Коффи Робуста» и поместья «Монсеррате», группа «Плантасьонес экваторианос», «Немецкая группа», «Стандард фрут компани» в провинции Эль Оро, компания «Астраль», бесконтрольно хозяйничающая в провинции

Памятник Независимости Эквадора в Гуаякиле
— самом крупном порту страны

Дворец президента в Кито — столице страны

Эсмеральдас. Сотни тысяч гектаров эквадорской земли скуплены по дешевке этими иностранными компаниями.

США держат в своих руках контроль над внешней торговлей Эквадора, являясь главным потребителем производимых в стране товаров. При помощи Международного валютного фонда США навязали Эквадору такую систему, при которой Эквадор может продавать свои основные экспортные товары лишь в обмен на долларовую валюту. Это позволяет США устанавливать свои цены на эквадорские товары. Систематическое снижение цен на какао и кофе разоряет производителей этих продуктов.

Все это приводит к тому, что у страны образовалась большая внешняя задолженность: в 1960 г. долг Эквадора достиг 84 млн. долларов¹. Иностранные займы не принесли пользы стране. Они обогатили американские монополии и местную олигархию. Обычно займы предоставляются лишь на покупку американских товаров, а также используются на цели, которые укажут американцы.

По данным Центрального банка Эквадора, за последние 11 лет Эквадор должен был уплатить проценты и амортизацию по займам в размере 66 млн. долларов. Суммы, которые Эквадор получил по займам от США, значительно меньше того, что он потерял из-за снижения цен на бананы, какао и кофе. По официальным данным, прибыли американских монополий в Эквадоре достигают в год 50 млн. долларов, или миллиарда сукре. Эти прибыли получают нефтяные компании, компании, экспортирующие бананы, страховые и др.

Эквадор же последние 11 лет получал ежегодно в виде займов 10 млн. долларов, или 200 млн. сукре. Другими словами, Эквадор получает лишь пятую часть того, что ежегодно грабят североамериканцы, при этом еще эквадорцы вынуждены платить большие проценты за свои же деньги, возвращающиеся к ним в виде займов США.

Империалистические круги США через зависимую от них местную печать всемерно пропагандируют мысль о том, что Эквадор не может развивать свою экономику без помощи иностранного капитала.

Однако вся деятельность иностранного капитала в Эквадоре опровергает эту теорию.

Иностранные капиталисты в Эквадоре заинтересованы лишь в извлечении наибольшей прибыли и вывозе ее из страны. Иностранный капитал требует от правительства и получает в Эквадоре специальные гарантии, специальные привилегии, освобождение от налогов с целью гарантирования высоких прибылей.

Таблица 2 дает наглядное представление о движении и вывозе капитала из страны.

Таким образом, ясно, что частные иностранные капиталовложения и иностранные займы наносят колоссальный ущерб экономике Эквадора, тормозят ее развитие, ставят страну в тяжелую экономическую и политическую зависимость от империализма США.

Т а б л и ц а 2

Годы	Приток капиталов (в млн. дол.) *	Вывоз в виде процентов по займам	Сальдо
1950	4,7	8,1	-3,4
1955	13,3	19,2	-5,9
1960	20,2	28,8	-8,4

* Memorias del Gerente General del Banco Central, correspondientes a los ejercicios economicos de 1948, 1959 y 1960, p. 132, 150 y 151.

Экономика Эквадора целиком зависит от сельского хозяйства, которое характеризуется очень низкой производительностью².

До второй мировой войны главным экспортным товаром и плантационной культурой было какао. После войны возросло производство кофе и бананов. К середине 50-х годов на первое место вышли бананы, занявшие также первое место в экспорте страны. Почти все производство бананов, как и их экспорт, до последнего времени было сосредоточено в руках американских компаний «Юнайтед фрут компани» и ее дочернего предприятия «Стандард фрут компани».

Производство зерновых не обеспечивает потребностей страны, животноводство развито недостаточно.

Значительное место в экономике занимает лесной промысел: сбор листьев пальмовидной токильи, орехов пальмы тагуа, коры хиного дерева, масличных дикорастущих плодов, добыча каучука из дикорастущих каучуконосов, заготовка древесины бальсового дерева.

Интересам американского империализма и антinationальной политики местной олигархии подчинено не только сельское хозяйство, но и вся экономика страны. В Эквадоре нет тяжелой индустрии. Легкая промышленность развивается медленно. По данным Центрального банка Эквадора, промышленность дает лишь 16% всего национального производства.

В зачаточном состоянии находятся горнодобывающая, нефтяная, обрабатывающая, пищевкусовая, текстильная, химико-фармацевтическая отрасли промышленности. Имеются мелкие

Основное богатство страны — бананы; погрузка на причалах в Гуаякиле

предприятия швейной, лесобрабатывающей промышленности, несколько цементных заводов.

Распространены различные кустарные промыслы: плетение шляп «панама» из соломки, изготовленной из листьев пальмы токильи, ткачество, производство глиняной посуды, различных поделок из дерева, украшений из золота, серебра и платины.

Изделия кустарной промышленности продают прямо на улицах. Особенно много предлагают всемирно известных шляп «панама». Мы познакомимся с индейцами-отовало, вырабатывающими эти шляпы. Первое знакомство состоялось в Гуаякиле.

Перед отелем, расположенным на набережной, собралась большая толпа гуаякильцев. Многие пришли посмотреть на советских людей, приветствовать их, обменяться сувенирами.

Среди них был бродячий торговец — индеец-отовало. Плечи торговца покрывало яркое пончо, на голове — столбик из знаменитых эквадорских шляп, которым покупатели всего мира почему-то присвоили имя «панама», хотя они делаются в Эквадоре и в Панаму экспортируются. Он был бос, серьезен и размахивал пончо, привлекая покупателей.

Рядом с ним стоял его помощник, тоже индеец, нагруженный кипами пончо и связками шляп. Узнав, что мы из СССР, индейцы стали более приветливыми, на их серьезных лицах появились улыбки.

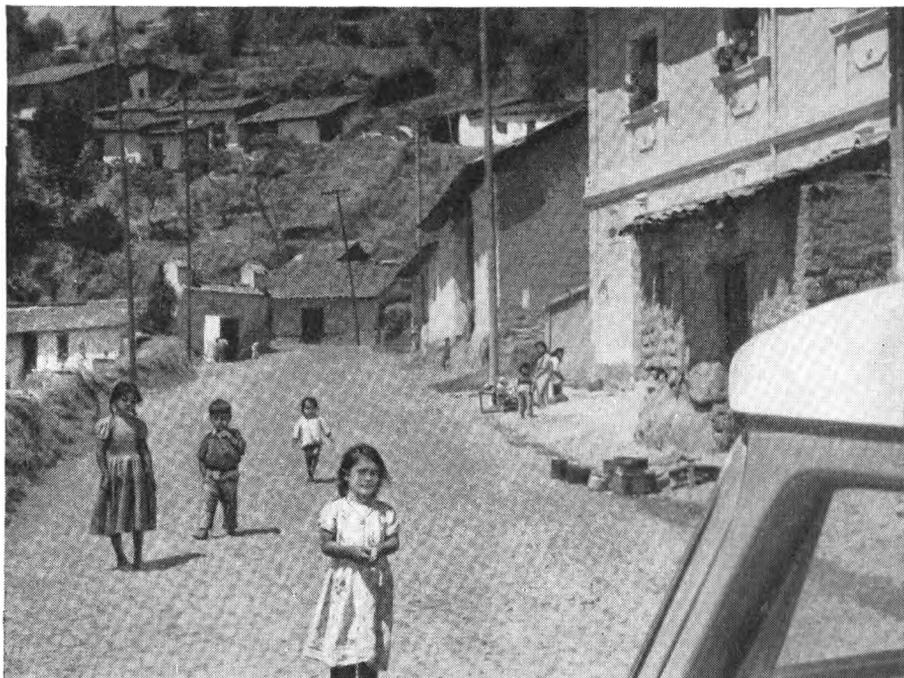

Шляпы «панама» — национальное богатство страны

В разговоре выяснилось, что наш собеседник уже несколько лет занимается торговлей. Он ездит по всей стране. У индейцев он скупает товар, который продает в городах. Иногда он выезжает и в соседнюю Колумбию.

Выработкой шляп «панама» занимается население в основном в провинциях Асуай и Каньяр. Вся семья индейца работает с утра и до позднего вечера, выработывая шляпы. Один работник затрачивает на выработку одной шляпы 12 часов, работая и ночью при свете свечей. За каждую шляпу скупщики уплачивают 20 американских центов (примерно 4—5 сукре). Перекупщики держат индейцев в кабале, уплачивая им деньги вперед. Есть семьи, которые должны уже на несколько лет вперед.

Государственная организация Национальная хунта планирования и экономической координации опубликовала доклад о положении индейцев, занимающихся производством шляп. В докладе, в частности, говорилось: «В городе Куэнка — столице провинции Асуай, являющемся основным центром шляпного производства, люди, производящие шляпы, живут в нечеловеческих условиях. В месяц они получают 60 сукре — 4 доллара, из

На окраине Кито

которых 25 сукре идет на уплату за убогую комнату, в которой живут они и их дети».

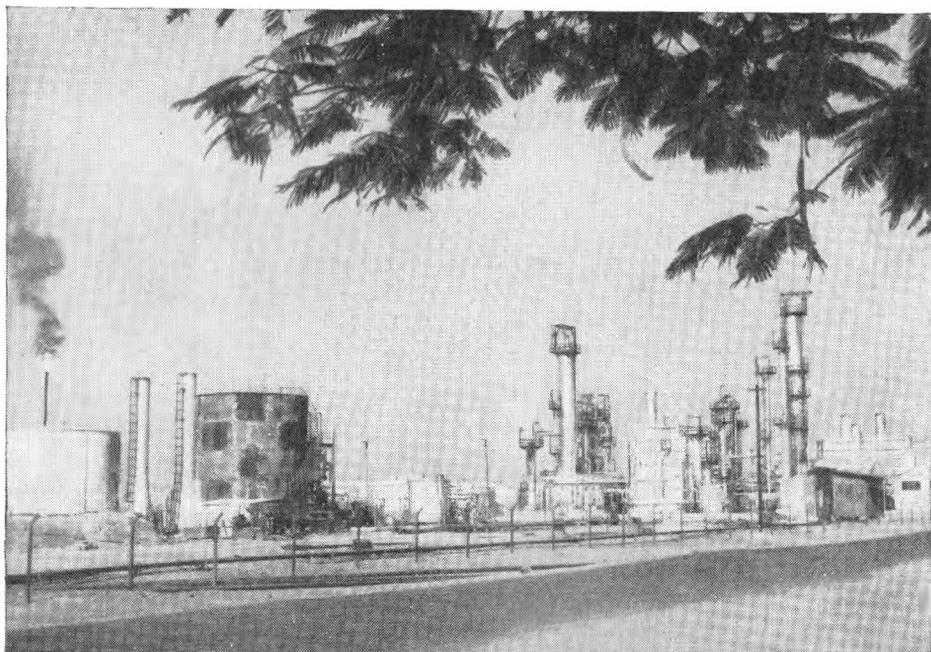
В то же самое время на некоторых внешних рынках одна такая шляпа «панамы» стоит от 20 до 100 долларов.

Свои шляпы Эквадор экспортирует в 35 стран: в США, страны Латинской Америки, Англию, Новую Зеландию, Австралию, Южно-Африканский Союз, Францию и т. д.

В различные годы экспорт шляп достигал больших размеров. Так, в период 1940—1950 гг. продукция этой отрасли составляла 30% всего экспорта.

В среднем ежегодный экспорт шляп в эти годы достигал 5 млн. штук, что давало стране в год до 6 млн. долларов прибыли. В последнее время экспорт шляп значительно снизился. В 1960 г. менее 1 млн. шляп, проданных за границей, дали стране только 800 тыс. долларов.

Торговля шляпами обогатила в Эквадоре небольшую группу спекулянтов и банкиров. В то же время 40 тыс. рабочих-индейцев, занятых производством шляп, и их семьи продолжают владеть жалкое существование. Их заработка едва хватает, как мы видели, для горстки кукурузы, достаточной лишь для того, чтобы не умереть с голода.

Нефтеперегонный завод, г. Либертад

Бананы — основная статья экспорта страны. В год их здесь производят около 60—70 млн. связок, а вывозится на мировой рынок лишь половина урожая.

Куда деваются остальные? Этот секрет мы разгадали, когда в Гуаякиле, самом крупном порту страны, наблюдали за погрузкой бананов на океанские пароходы, принадлежащие компаниям США. Не все связки плодов попадали в трюмы пароходов. Часть из них выбрасывалась в море.

— Почему так делается? — спросили мы у одного из портовых служащих.

— Американцы покупают только лучшие! — ответил эквадорец, — остальное просто вываливается в океан. В год вода поглощает до 15 млн. связок бананов!

И это тогда, когда тысячи и тысячи людей в городах страны умирают с голоду!

Характерно, что американские монополисты эквадорцам за связку бананов весом в 30—40 кг платят меньше 1 доллара (86 пентов), а продают по 1 и выше доллару за килограмм у себя в стране. Чем не грабеж среди белого дня!

Эквадор дает 30% всего мирового экспорта бананов³. По стоимости экспорт бананов в США в 1960 г. составил 24,4 млн. долларов, в Европу — 9,1 и в страны Латинской Америки 1,6 млн.

долларов. В 1960 г. экспорт бананов был рекордным за всю историю страны — 35 млн. связок. Империалисты наживаются также и на эквадорском кофе и какао. Из-за систематического снижения монополиями США цен на кофе и какао Эквадор с 1955 по 1960 г. потерял 22,7 млн. долларов⁴.

Экономическая и политическая зависимость Эквадора от империализма США породила нищету эквадорского народа.

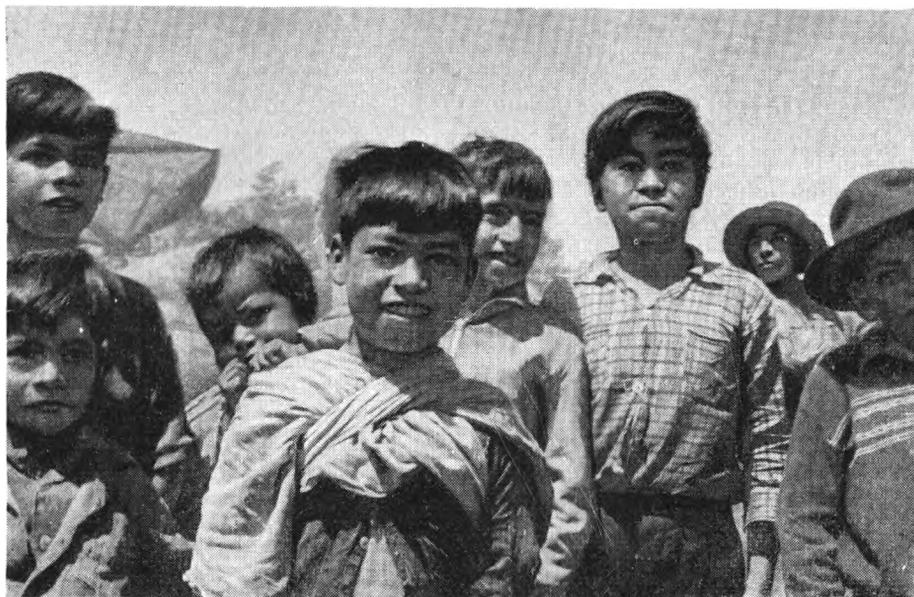
Центральный банк Эквадора сообщает, что в 1960 г. национальный доход на душу населения составил 2258 сукре. Это примерно 100 долларов в год, т. е. один из самых низких доходов по сравнению с другими странами Латинской Америки. Однако даже этот доход распределяется крайне неравномерно среди населения. Львиную долю получают капиталисты, помещики, крупные торговцы. Их доходы растут из года в год, в то время как доходы трудящихся уменьшаются.

Рабочий текстильной промышленности (эта отрасль промышленности наиболее развита в стране) получает в среднем 2,6 сукре за час работы, или 624 сукре в месяц (подсчеты сделаны из расчета работы в 240 часов в месяц с оплаченными выходными днями). Посмотрим теперь, как расходуются деньги в семье рабочего-текстильщика, состоящей из пяти человек (средняя семья в Эквадоре):

Месячный доход	624,00 сукре
Расходы за месяц:	
социальное обеспечение —8% дохода . . .	50,00 сукре
квартплата	150,00 сукре
свет	20,00 »
одежда (включая белье из расчета 960 сукре в год)	80,00 »
транспортные издержки для всей семьи . .	60,00 »
воспитание детей	60,00 »
медикаменты для членов семьи, не пользующихся социальным обеспечением	30,00 »
<hr/>	
Итого —	450,00 »

Следовательно, на питание остается в месяц 174 сукре, другими словами 6 сукре в день на питание 5 человек, или 1 сукре 20 сентаво на одного.

В 1954 г. в Эквадоре состоялась первая экономическая конференция, созванная Федерацией трудящихся провинции Пичинча. В резолюции этой конференции указывалось, что прожиточный минимум в месяц для одной семьи — 1500 сукре. За прошедшие годы в связи с ростом дороговизны эта сумма должна была,

Дети в Кито

естественно, возрасти. Однако заработок текстильного рабочего в 1961 г. был меньше половины указанного минимума.

Факты говорят, что положение трудящихся за последние годы не улучшается, а ухудшается. Заработная плата рабочего-текстильщика в период с 1950 по 1959 г. уменьшилась на 5%. Для отдельных категорий рабочих текстильной промышленности это уменьшение было еще больше и составляло от 9 до 11%.

Положение трудящегося в сельских районах, в частности положение полутора миллионов индейцев-уасипунгеров, еще хуже. По системе «уасипунго» за клочок плохой земли индеец работает 4 дня в неделю на феодального сеньора за 75 сентаво, или 1 сукре в день. Рабочий день его длится от 10 до 12 часов.

На побережье крестьянин лишен даже права передвижения без разрешения помещика. Он сам не имеет права продавать свои продукты. Сельскохозяйственный рабочий обязан покупать товары для себя и своей семьи в лавке помещика по завышенным ценам.

Латифундист никогда не дает уасипунгеро достаточно земли, чтобы он смог прокормить себя и свою семью. Таким образом, создается много новых возможностей для усиления эксплуатации уасипунгеро и его семьи, что ведет к долговой кабале. В книге долгов всегда салдо бывает в пользу помещика, и крестьянин никогда не может полностью расквитаться с долгами. Таким образом, на всю жизнь он становится рабом помещика и его земли.

Группа эквадорцев с общим любимцем — обезьянкой из сельвы

Согласно сельскохозяйственной переписи 1954 г., средний размер участка земли у уасипунгеро 3 га. В то же время, по имеющимся подсчетам, минимальный жизненно необходимый размер участка крестьянина в Сьерре должен быть от 5 до 10 га в зависимости от района, качества земли и т. д.

Вся продукция, производимая уасипунгеро на его участке, в среднем оценивается в год в 1200 сукре. Если прибавить к этому его заработок у помещика за год (3 сукре в день при четырех рабочих днях в неделю), то получится примерно 1824 сукре, или менее 100 североамериканских долларов в год!

Вопиющая нищета уасипунгеро очевидна. Следует еще добавить, что вся семья участвует во всех обязательных работах ее главы. Жена, дети и даже старые родители уасипунгеро трудятся на латифундиста и в большинстве случаев не получают никакой платы за исключением каких-либо грошей, которые почти никак не отражаются на бюджете семьи. В то же время средняя семья уасипунгеро состоит из пяти человек. Другими словами: 1824 сукре в год на пять человек — это менее одного сукре в день на человека (или 5 центов).

Латифундисты в Эквадоре называют уасипунгеро «мои собственные индейцы», т. е. кабала так велика, что фактически превращает крестьян в крепостных.

Широкие слои населения практически не получают никакой

медицинской помощи. По данным, опубликованным министерством экономики в 1958 г., в Эквадоре на первом году жизни умерло 19 617 детей, или 106 на каждую тысячу рожденных. Эта цифра не отражает всей страшной действительности, ибо нигде не учитываются дети, умирающие в глухих сельских районах Сьерры или девственных лесах Орьенте. Из 19 617 детей, умерших на первом году жизни, 12 614, или $\frac{2}{3}$ (64%), умерли, не получив никакой медицинской помощи. У их родителей не было денег, чтобы ее оплатить.

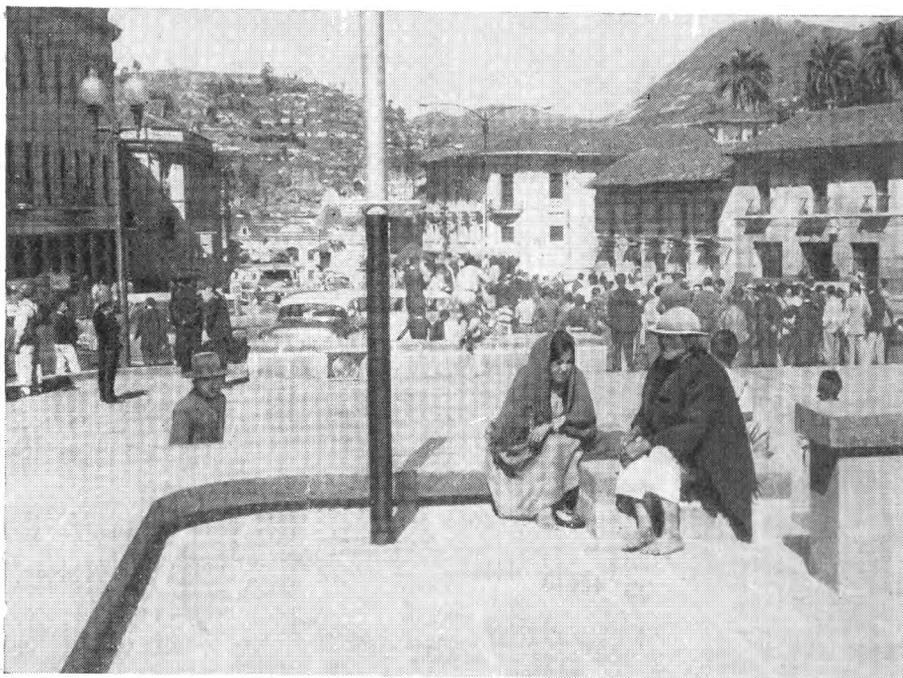
По переписи населения 1950 г., из 621 645 семей, существовавших в то время в Эквадоре, 357 362 семьи, или 55% (более половины населения), жили в одной комнате, 20% спали на полу, а более 50% ходили босиком. Из 357 362 семей 109 915 насчитывали по 6 и более человек. Часто в этих же комнатах жили и домашние животные — кролики, собаки, куры и т. д.

Население Эквадора страдает от всевозможных инфекционных болезней. По данным эквадорских врачей Пабло Артуро Суареса и Армандо Пареха Коронеля, исследовавших здоровье крестьян, в стране имеются целые районы, где население поголовно заражено паразитами. Распространена очень сильно анемия и болезнь шитовидной железы.

Перепись 1950 г. показала, что 43,7% населения страны старше 10 лет неграмотны. Положение с образованием не улучшилось и до сих пор. Этот средний процент охватывает лишь крупные города и небольшие поселки. В сельских же районах неграмотность достигает еще больших размеров. В кантоне Колта провинции Чимборасо число неграмотных составляет 79,4%, в кантоне Гуамотэ провинции Чимборасо 79,1%, в кантоне «24 мая» провинции Манаби — 70,4%. Таким образом, получается, что фактически умеет читать и писать лишь пятая часть населения.

Президент страны Веласко Ибарра получил на выборах в 1960 г. самое большое число голосов за всю историю страны — 400 тысяч.

Американские империалисты были недовольны президентом Веласко Ибаррой. Хотя его внутренняя политика была консервативной и в общем не угрожала интересам американских монополий, господствующих в стране, во внешней политике Веласко Ибарра проявлял известную независимость. Он осудил агрессию США против Кубы в апреле 1961 г., высказывался за мир и за развитие дружеских отношений со всеми странами. Эта непоследовательность не могла никого удовлетворить. Прогрессивные силы, возглавляемые эквадорской компартией, требовали проведения неотложных социальных реформ, а реакционеры, за спиной которых стояли США, — изменения внешнеполитического курса, подчинения его диктату Вашингтона.

Женщины-индейки в столице

Руководителями реакционной оппозиции являлись: Гало Пласа — латифундист, бывший президент страны, подписавший в свое президентство военный договор с США; прямой ставленник американских монополий, в частности «Юнайтед фрут компани», Камило Понсе Энрикес, тоже бывший президент, латифундист, сторонник методов «стрелять и убивать», ответственный за кровавые расправы над трудящимися Гуаякиля, Портовехо и Пукара Бахо. Так, к 1961 г., к моменту нашего приезда в Эквадор, страна очутилась между двух сил: веласкизма, терпевшего поражение, и буржуазно-помещичьей оппозиции, перегруппировавшей силы для захвата власти.

По мнению представителей прогрессивных кругов Эквадора, выход из создавшегося положения один — это образование народного демократического фронта, который должен объединить все патриотические силы страны в борьбе против феодализма и империализма. Этот фронт может вывести Эквадор из тупика.

После Кубинской революции весь мир заговорил о возможности новых революций на латиноамериканском континенте.

Слово «революция» стало в Эквадоре настолько модным и популярным, что им прикрывают свои темные антинародные дела и консерваторы, и либералы, и веласкисты, и даже янки. Последние используют все средства, чтобы доказать эквадор-

цам, что они тоже сторонники революции, но революции мирной, без насилия и без эквадорского Кастро.

В избирательную кампанию 1960 г. по выборам президента кандидаты, каждый по-своему, предлагали народу на выбор свою «революцию».

Был избран Веласко Ибарра, так как он обещал проведение неотложных социальных реформ и выступал в поддержку революционной Кубы.

Веласко Ибарра родился в Кито, он изучал право в университетах Кито и Парижа. Был государственным советником, генеральным налоговым инспектором в Кито и председателем палаты депутатов. Он четыре раза избирался президентом. Первый раз — в 1934 г., но после одиннадцати месяцев пребывания на посту президента он был свергнут в результате государственного переворота. Второй раз он был избран в 1944 г. и оставался президентом до 1947 г., когда его правительство было свергнуто военными. Третий раз он находился на посту президента полный срок с 1952 по 1956 г.

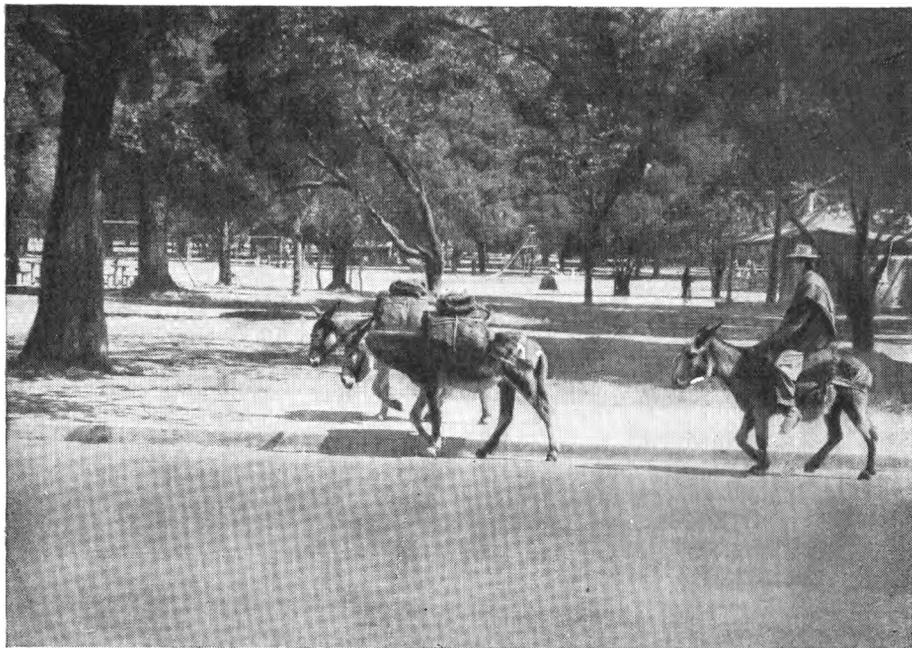
На президентских выборах в 1960 г. вице-президентом Эквадора был избран Карлос Хулио Аросемена Монрой. Аросемена отнюдь не новичок в политике и был временно президентом страны в годы после второй мировой войны. Став вице-президентом, он, вопреки желанию Ибарры, посетил СССР. Аросемена родился в 1919 г. в богатой семье, члены которой не раз занимали высокие государственные посты. По образованию он юрист.

Правительство Веласко Ибарры привело девальвацию сукре. Эта девальвация привела к повышению цен за доллар с 15,5 до 18 сукре по официальному курсу. Посмотрим, что получили от этого народ и те, кто играет в демократию в Эквадоре.

Крупные торговцы и спекулянты, закупившие за рубежом заранее большое число товаров из расчета 1 доллар = 15,15 сукре, после девальвации продали эти товары из расчета 1 доллар = 18 сукре. Их прибыль составила 40 млн. сукре⁵.

Крупные экспортеры какао в результате девальвации получили 45 млн. сукре. Центральный банк, продавший миллионы долларов спекулянтам, потерял на этом 30% своих резервов, ибо те продавали их по 25 сукре за доллар, хотя покупали их у банка по 18 сукре. В итоге прибыль их составила 60 млн. сукре⁶.

В результате девальвации сукре резко повысилась стоимость жизни. Реальная заработная плата рабочих и служащих снизилась. Снизились доходы крестьян, так как подскочили цены на все промышленные товары, а цены на продовольствие остались прежними. Понесли ущерб и ремесленники; уменьшилась покупательная способность рабочих и служащих. Проиграла и про-

На улицах Кито

мышленность в связи с ростом цен на оборудование и сырье, на транспортные расходы и запасные части.

От девальвации сукре выиграли лишь монополии США и крупные местные капиталисты и латифундисты. После девальвации монополии стали платить меньше долларов за эквадорские бананы, кофе, какао и получать еще большие прибыли.

Почти одновременно с девальвацией было введено 20 новых косвенных налогов, затронувших главным образом неимущие классы. В числе этих налогов: 0,2 сукре на каждый ввезенный килограмм пшеницы; 0,3 — на каждую пачку импортных сигарет; 0,5 — на каждую бутылку пива и т. д. Выступая в генеральной комиссии конгресса, сенатор Педро Саад — генеральный секретарь ЦК Компартии сказал: «Согласно подсчетам Центрального банка, налоги составляют в настоящее время 2 млрд. 106 млн. сукре. На самом деле эта цифра больше трех миллиардов сукре. А стоимость жизни возросла на 30%»⁷.

В политических течениях и настроениях в Эквадоре летом 1961 г. особенно был заметен разброд и шатания в двух старейших партиях, существующих уже более ста лет, — либеральной и консервативной.

В порту Гуаякиль нас познакомили с одним из бывших членов либеральной партии, портовым служащим. Ему было уже

за 40 лет. Он принадлежал к средним слоям Эквадора, которым плохо живется. В некоторых странах Латинской Америки — Бразилии, Аргентине, Венесуэле — средние слои населения резко отличаются по своему материальному состоянию от пролетариата города и деревни. Однако в Эквадоре средние слои живут так же плохо (за редкими исключениями), как и городской пролетариат.

Наш собеседник был одет в потертый костюм. Из его рассказа мы узнали, что ему живется трудно, не хватает на жилье, на одежду, питание.

— Я долго верил в либерализм, — сказал он, — в так называемую демократию, в заявления либеральных лидеров и их красивые слова. Но сейчас я твердо верю лишь в одно, — что либерализм у нас антинароден, он превратился в своеобразную касту врагов народа. Достаточно вспомнить «подвиг» либералов в 1922 г., когда было убито около 1000 рабочих на улицах Гуаякиля. После поражения на выборах 1960 г. наши либералы начали искать союза с крайне правыми, с течением, которое мы называем «галопонсизмом», по имени двух бывших президентов — Гало и Понсе. Особенно знаменательно то, что сейчас наши либералы называют себя левыми революционерами. Но кому-кому, а мне больше чем понятно, что они вновь пытаются использовать революционный дух народа. Что же хотят сделать со своей «революционностью» господа феодалы, наши бизнесмены, адвокаты иностранных компаний? Возвести стену на пути народного движения. Они хотят удалить Веласко, захватить власть в свои руки, ничего не меняя в стране. Это либерализм банкиров и агентов «Юнайтед фрут компани». Разве он способен на настоящую революцию?..

Либералы Эквадора вынуждены были сбросить маску демократов, которую они носили до сих пор, обнажить свои истинные цели и открыто встать на защиту интересов латифундистов, крупных торговцев, банкиров и госдепартамента США. И в этом начали разбираться широкие слои народных масс.

Либералы, как впрочем и все антинародные силы в Эквадоре, стоящие у власти или рвущиеся к ней, заняты одним делом: игрой в демократию. Для того чтобы играть в демократию, руководители государства, церкви, реакционных партий произносят длинные речи о «представительной демократии», дают щедрые обещания и никогда их не выполняют. Игра идет за счет народа. Нищета народа — цена игры в демократию.

Одной из характерных черт политической жизни Эквадора является насилие и террор. Бессильная в своей ярости против роста народных сил реакция прибегает к крайнему средству — террору. При поддержке католической церкви и североамериканского посольства формируются различные антинародные со-

Продажа апельсинов в Гуаякиле

язы и антикоммунистические лиги. Прогрессивные деятели и демократические организации часто испытывают на себе насилие этих фашиствующих групп. Кровавые расправы над бастующими рабочими и крестьянами, требующими земли, — обычное явление. Вот несколько актов насилия, совершенных в Гуаякиле только в течение лета 1961 г. 1 мая 1961 г. была совершена попытка поджечь типографию «Виктория». Один из налетчиков был задержан полицией, но через два дня отпущен на свободу. В июле состоялось нападение на помещение отделения компартии, велась подготовка финансируемого агентом Батисты нападения на кубинское консульство; нападение на колледж имени 5 июня группой молодежи — членов иезуитской организации.

В Эквадоре применяется насилие и в других формах, даже по отношению к Национальному конгрессу.

Специально подобранные и хорошо оплачиваемые люди, их называют «баррас»⁸ или «камисас сусиас» — «грязные рубашки», заполняют места в конгрессе, отведенные для публики. С этих мест во время выступлений оппозиционеров они выкрикивают всевозможные оскорбления, отражая, таким образом, по мнению их хозяев, «чувства» народа.

В середине 1961 г. уже стало ясно, что широкие трудящиеся массы и демократические организации, подлинно

революционные партии выражали свою оппозицию правительству. Критикуя правительство за его соглашательскую политику по отношению к империализму США и покровительство, оказываемое местной буржуазии и латифундистам, демократические силы страны в то же время выступали против сторонников государственного переворота, помещичье-клерикальной реакции.

Трудящиеся требовали от правительства отмены высоких налогов, проведения аграрной реформы, твердой защиты революционной Кубы, улучшения условий жизни.

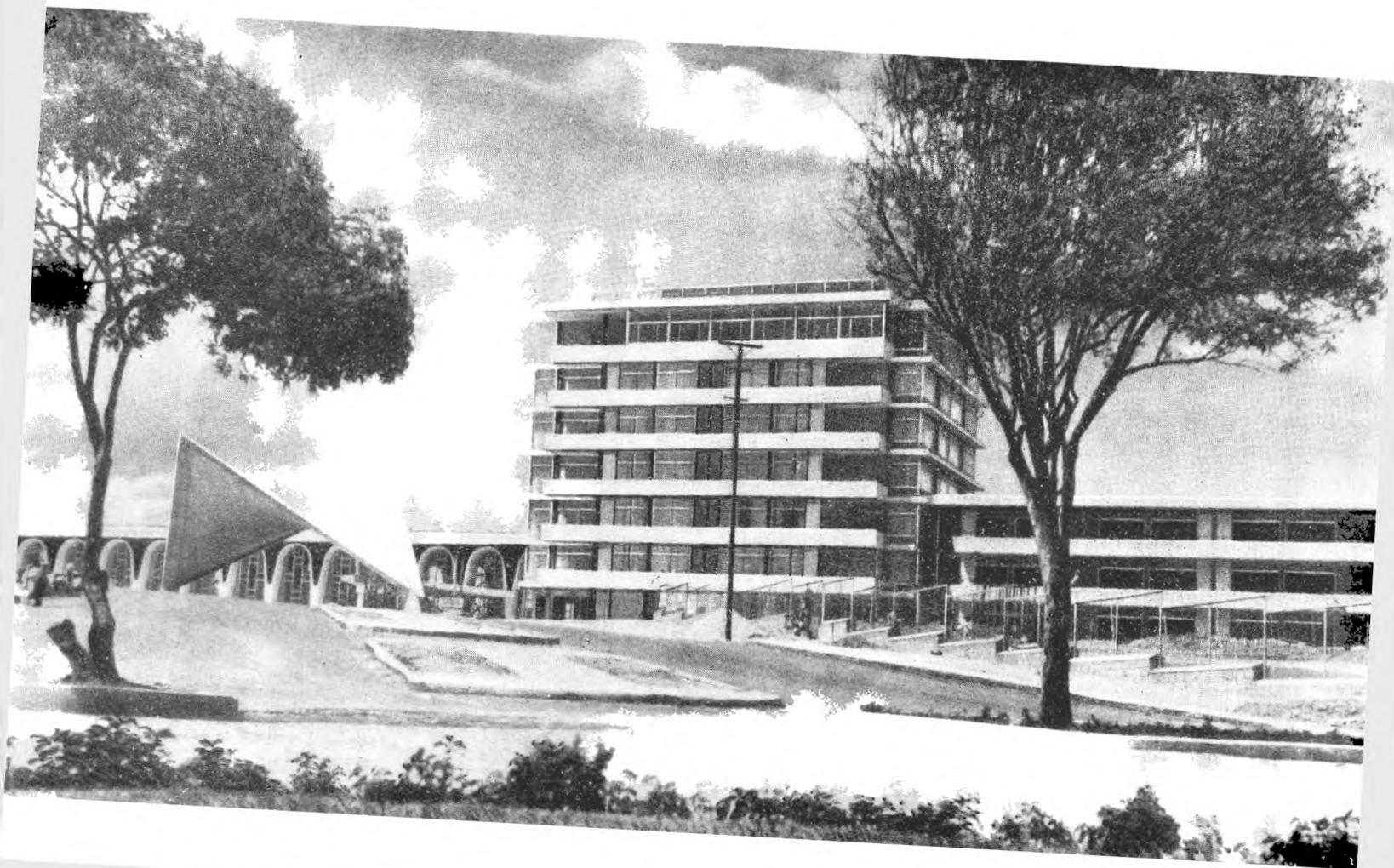
Начало политическому кризису положила забастовка 4 октября 1961 г.

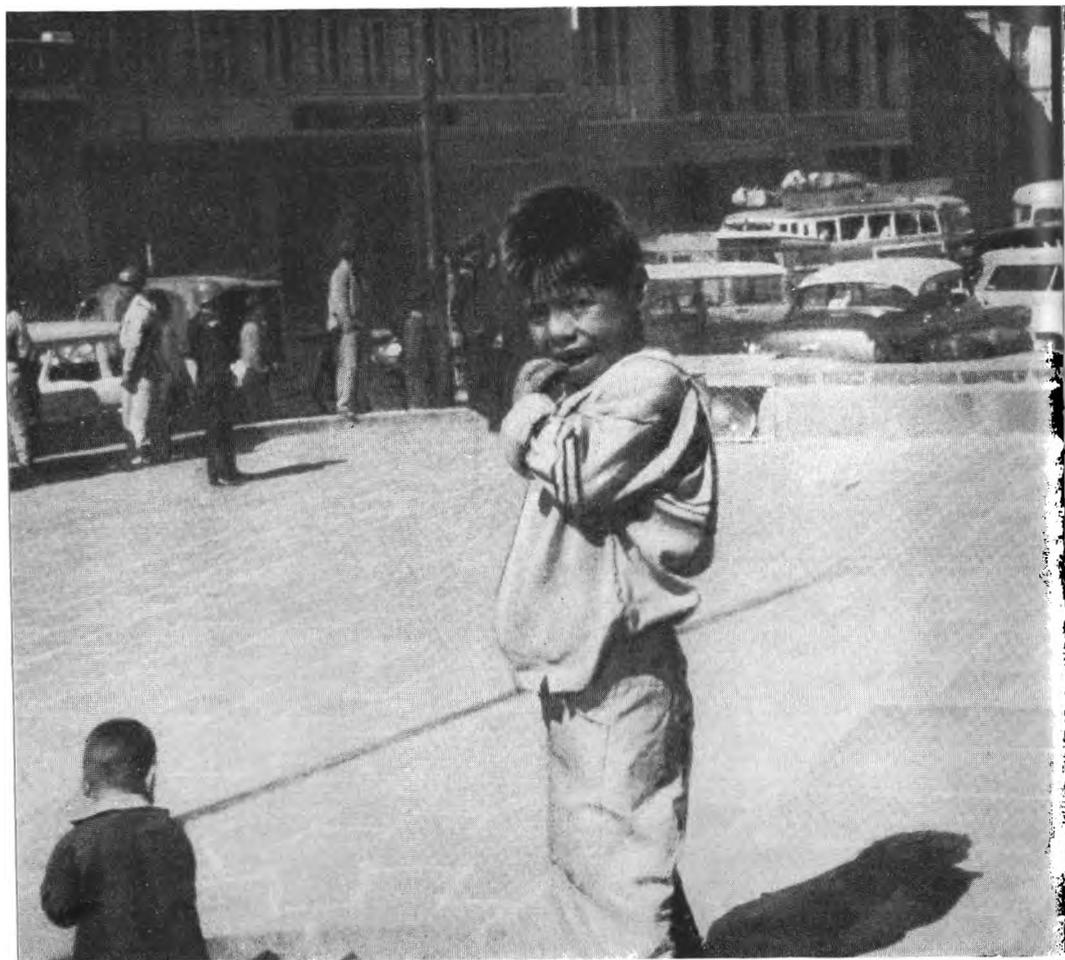
В это время Веласко Ибарра терял последние крохи своей популярности. Если раньше, в начале своей деятельности на посту президента он занимал настолько «левую» позицию, что реакционные силы под руководством посольства США начали называть Веласко Ибарра «коммунистом» и приписывать ему намерения «установить социализм в Эквадоре»⁹, то к октябрю он, не выдержав напора со стороны США, стал проводить удобную им антинародную внутреннюю и внешнюю политику. Он сместил с поста министра иностранных дел Мануэля Араухо Идальго, высказывавшегося в поддержку революционной Кубы, и стал открыто опираться на реакционные олигархические группы.

Следуя «советам» североамериканцев, Веласко Ибарра начинает переговоры с Международным валютным фондом и Экспортно-импортным банком США. Ему обещали помощь в рамках пресловутого американского плана «Союз ради прогресса». Выполняя условия получения этой помощи, он увеличил налоги и пошлины. Это вызвало в стране широкий народный протест. Забастовки и демонстрации прошли в Кито, Гуаякиле, в Эсмеральдас, в Ибарра и Тулкане. Полицейские отряды под руководством Гонсало Хакоме — директора службы национальной безопасности, тесно связанного с центральным разведывательным управлением США, жестоко расправились с забастовщиками и демонстрантами. Веласко Ибарра полностью разоблачил себя в глазах народа. Видя это, янки тоже начали действовать против президента, намереваясь создать реакционное правительство, которое бы не играло с огнем, используя «опасные левые фразы», как это все еще продолжал делать Веласко Ибарра. Нити этого заговора находились в руках полковника Карлоса Арреги Витери, который долгое время был военным атташе Эквадора в Вашингтоне.

Всеобщая конфедерация трудящихся Эквадора призвала всех рабочих и служащих провести 4 октября 1961 г. генеральную забастовку. Правительство испугалось этой забастовки и послало на улицы городов Эквадора полицию и войска: кавалерию,

Здание гостиницы в Кито

Индейский мальчик в Кито

танки, моторизованную пехоту. Было сделано все, чтобы сорвать забастовку, но народ написал на стенах домов, на заборах, на тротуарах «Да здравствует забастовка!» и откликнулся на призыв конфедерации.

Во многих городах забастовка была всеобщей. Особенно бурно протекала она в городе Ибарра. 4 октября жизнь здесь была полностью парализована: не работали транспорт, магазины, банки. Народ окружил главное полицейское управление и требовал освобождения незаконно задержанных профсоюзных руководителей.

Полицейские начали забрасывать демонстрантов слезоточивыми гранатами и открыли огонь. Но трудящиеся вынудили полицию отступить.

Власти города запросили столицу выслать им на помощь реактивные самолеты. В 13 часов над городом появились четыре самолета, но они никого не испугали. Вскоре прибыло несколько самолетов с парашютистами. Парашютистов встретили градом камней, они ответили стрельбой. В Ибарру прилетел сам президент, он не смог выступить перед разгневанной толпой и вынужден был бежать.

Забастовка 4 октября показала, что на стороне рабочего класса выступили и средние городские слои населения, а также некоторая часть привилегированных слоев, правда, преследующих свои корыстные цели.

Слабой стороной забастовки было то, что в ней не было должной организованности и единства. Именно поэтому она не привела к решающим изменениям.

Что же произошло дальше? Веласко Ибарра решил предпринять фронтальную атаку против конгресса и вместе с правыми силами вооружился против «коммунистической опасности».

16 октября через 12 дней после забастовки в провокационных целях был распространен слух, что якобы полиция раскрыла «революционный заговор», организованный «крайне левыми и крайне правыми» силами «совместно».

В это же время в Эквадоре усилились слухи о подготовке военного заговора, о том, что генералы уже составляют список членов нового правительства. Утром 18 октября была брошена бомба в дом председателя Национального конгресса.

Заседания конгресса в те дни были бурными. На одном из них, происходившем под председательством Карлоса Хулио Аросемены (в Эквадоре вице-президент республики является одновременно председателем конгресса), наемники правительства — «бarrас» — время от времени начинали выкрикивать ругательства и шуметь. Аросемена приказал своим помощникам удалить дебоширов, но в это время некоторые депутаты-веласкисты воспротивились этому, и «бarrас» остались на своих местах.

Обстановка накалялась. Агенты правительства начали кричать: «Аросемена — это измена! Долой диктатуру Аросемены! Да здравствует веласкизм! Пусть попляшет Карлос Хулио!».

Аросемена отказался продолжать заседание в такой обстановке. Тогда «баррас» перешли в нападение. В Аросемену и его сотрудников полетели камни, апельсиновые и банановые корки.

Когда в Аросемену попал камень, он вскочил и выхватил револьвер. В это время раздался выстрел, и пуля ударилась недалеко от вице-президента. Аросемена поднял револьвер и выстрелил в воздух шесть раз.

Началась общая перестрелка. В течение 15 минут зал заседаний был похож на поле боя: стреляли сторонники правительства и сторонники оппозиции.

И все же вице-президент добился изгнания «баррас», а затем сам покинул зал заседания. Выйдя из зала конгресса, Аросемена в сопровождении своих сторонников сел в машину и уехал домой. Дома он заявил корреспондентам: «Это была попытка президента атаковать конгресс, для того чтобы без помех установить свою диктатуру»¹⁰⁻¹².

События в конгрессе показали, что среди олигархических групп началась ожесточенная борьба за власть. Группа консервативной партии выжидала подходящего момента. Она готова была разделить власть с кем угодно, лишь бы получить несколько министерских портфелей. В свою очередь понсисты — сторонники бывшего президента Энрикес Понсе — намеревались захватить власть в свои руки.

В то время, как агенты янки вместе с полковником Карлосом Арреги Витери готовили все для военного переворота, объявили забастовку студенты университета Куэнка провинции Асуай. Студенты обвинили Веласко Ибарра в том, что он пренебрег экономическими нуждами университета. В городе начались студенческие демонстрации, к которым присоединились тысячи трудящихся. Между демонстрантами и полицией произошли столкновения, в результате которых 30 человек было ранено. Президент Веласко Ибарра обвинил в беспорядках губернатора провинции Асуай и сместил его. Новый губернатор объявил осадное положение. В тот же день Веласко Ибарра в сопровождении некоторых членов правительства вылетел в г. Куэнка, где студенты и трудящиеся оказали враждебный прием президенту: в его машину полетели камни и бутылки с горючей жидкостью. На улицах стали воздвигать баррикады и происходили ожесточенные стычки с полицией. Веласко Ибарра направился в Гуаякиль, где ему была уготована такая же встреча, как и в Куэнка. По приказу Веласко Ибарры, в Гуаякиле была расстреляна студенческая демонстрация.

6 ноября собрался Национальный конгресс, чтобы обсудить положение в стране. Карлос Хулио Аросемена призвал граждан поддержать конституцию и обвинил президента в том, что тот привел страну в состояние хаоса и банкротства.

Веласко Ибарра, выступая по радио, ответил Аросемене, что он остается у власти и не признает Аросемену в качестве вице-президента страны. Аросемена и несколько депутатов — его друзей — были задержаны полицией и препровождены в тюрьму.

Рано утром 7 ноября в Кито восстал инженерный батальон Чимборасо.

Восстание было подавлено. В тот же день высшие офицеры армии вынудили Веласко Ибарра подать в отставку. Утром 7 ноября войска — танки и кавалерия — окружили здание Национального конгресса. Генералы провозгласили временным президентом страны председателя Верховного Суда Камило Гальегоса Толедо, ставленника янки.

Между тем Национальный конгресс, согласно Конституции, провозгласил президентом страны Карлоса Хулио Аросемену. Начальники армейских частей приказали разогнать силой конгресс. Но этот приказ не был выполнен. Ему не подчинились военно-воздушные и военно-морские силы. Когда армейские подразделения намеревались войти в здание Национального конгресса, их обстреляли с трех реактивных самолетов. В это время Веласко Ибарра укрылся в мексиканском посольстве.

Бомбардировка с воздуха оказалась решающим поворотным пунктом в событиях. Солдаты отказались подчиниться своим офицерам. Одновременно народ вышел на улицы и потребовал соблюдения конституции. Конфедерация трудящихся Эквадора объявила всеобщую забастовку. А в это время по всей стране начали создаваться гражданские хунты, в которых были представлены многие партии и организации — от Революционного союза эквадорской молодежи — «УРХЕ» до правой группировки — «Националистическое революционное действие Эквадора».

В то же время народ узнал о том, что Гальегоса Толедо вынудили отказаться от поста временного президента. Генералы и полковники, предвкушавшие уже свою победу, вынуждены были отступить, а некоторые из них, испугавшись народного гнева, обратились с просьбой о политическом убежище в иностранные посольства.

Аросемена и его друзья были освобождены из тюрьмы. На улицах их встретили толпы народа. Аросемена во главе депутатов прошел по улицам Кито до дворца президента республики. Во время шествия они пели национальный гимн. Сопровождавший их народ провозглашал лозунги, требовавшие установления отношений со всеми странами мира, аграрной реформы, хлеба и работы для всех и т. д. Над колоннами были видны щиты,

указывающие на партийную принадлежность демонстрантов. Здесь были представлены либералы, консерваторы, социалисты, коммунисты, Революционный союз эквадорской молодежи. В демонстрациях участвовали также представители всех профсоюзных организаций страны, входящих в Конфедерацию трудящихся.

Во время событий 3—9 ноября 1961 г. в Эквадоре было убито 29 человек и несколько сот ранено¹³⁻¹⁵.

Победа демократических и патриотических сил в Эквадоре всколыхнула Латинскую Америку. Из различных стран Латинской Америки в Эквадор были направлены тысячи поздравительных телеграмм. Среди них были поздравления от профсоюзных объединений Кубы, Чили, Бразилии, Аргентины, Перу, Венесуэлы, Пуэрто-Рико, стран Центральной Америки и других, а также послания поддержки от студенческих организаций, известных государственных деятелей и представителей интеллигенции и т. д. Выходящая в Сант-Яго (Чили) газета «Ультима ора», писала, что народ Эквадора «так же, как и народ Бразилии после отставки Жанио Куадроса, отразил наступление милитаристских олигархий и заставил выполнить свою волю, поддерживая человека, который должен был в соответствии с законом занять место президента».

Несомненно, что ноябрьские события 1961 г. проходили в Эквадоре под влиянием Кубинской революции, ставшей маяком национально-освободительной борьбы на всем огромном латиноамериканском континенте.

Новый глава государства обещал народу «режим, который будет твердо соблюдать законность, законность для всех; режим, который покончит с привилегиями, режим, при котором олигархии будут вынуждены все более и более отступать до тех пор, пока они не потеряют все свои позиции». Заявив, что его правительство «не будет иметь никаких связей ни с какими олигархиями», он добавил, что «все олигархии занимаются бесстыдной и опасной деятельностью»¹⁶⁻¹⁸.

Через несколько дней после этой речи Аросемена дал интервью редактору эквадорского журнала — «Маньяна», в котором высказался за «радикальные реформы в соответствии с законом», за помощь индейцам.

Новое правительство (в него входили представители либеральной, консервативной, социалистической и социал-христианской партий) Аросемены получило в наследство от веласкизма пустую казну. В послании правительства Эквадора к нации по случаю нового 1962 г. был дан анализ экономического положения страны.

В послании отмечалось, что несвоевременные и неоднократные заявления о предстоящей девальвации сукре и неудачное

Антиамериканская демонстрация в Кито

участие Центрального банка в свободном валютном рынке привели к резкому уменьшению валютных запасов Эквадора.

Освобождение обязательных залоговых валютных средств, полученных за экспорт какао, создание условий для импорта товаров не первой необходимости и принятие других мер для увеличения денежного обращения, также вызвавших рост импорта, — все это привело к утечке капиталов.

По мнению нового правительства, к концу финансового 1961 г. дефицит должен был увеличиться до 580,9 млн. сукре.

В послании был подведен плачевный итог финансовой деятельности старого правительства. В результате навязывания Центральному банку займов в размере 280 млн. сукре, потери более 50% валютных резервов страны, утечки при девальвации сукре и безудержного роста цен и т. д. государственная казна была пуста.

Послание также содержало программные установки нового правительства для исправления указанных недостатков. Предусматривалось, в частности, проведение ряда экономических мер, в том числе укрепление сукре, проведение налоговой реформы, осуществление серьезно продуманных планов экономического развития, которые подтолкнули бы и усилили частную инициативу и подготовили бы одновременно условия для осуществления социальных реформ, требуемых широкими массами. Это же относилось и к перераспределению права владения на землю без сокращения сельскохозяйственного производства. Одновременно это касалось колонизации новых районов, которые могли бы дать экономическую выгоду и где нашли бы себе применение излишки крестьянских слоев населения.

Как мы видим, это были чисто буржуазные меры с известной долей демагогии.

Новое правительство унаследовало не только пустую казну, но и определенные отношения с Соединенными Штатами, сложившиеся в последние месяцы пребывания Веласко Ибарра на посту президента. Эти отношения оставались неизменными и привели в дальнейшем к тому, что Аросемена в конце концов стал послушным орудием политики США.

Еще в 1960 г. во время совещания министров иностранных дел в Сан-Хосе (Коста-Рика) между США и Эквадором начались переговоры о предоставлении займа в 50 млн. долларов. Но США поставили свои условия предоставления займа: разрыв дипломатических отношений с Кубой и в дальнейшем участие во всяких действиях США против кубинского народа. Во всех этих переговорах активное участие принимал эквадорский министр — доверенный человек госдепартамента США Чирибога Вильягомес. Когда личный представитель Дж. Кеннеди — Стивенсон посетил в мае 1961 г. Эквадор, этот вопрос обсуждался с

Веласко Ибаррой. В то время предложение янки принято не было. Однако рост недовольства в стране, ослабление позиций веласкистов, рост оппозиции и размах народных выступлений янки использовали для того чтобы вновь возобновить свои предложения. Финансовое положение страны ухудшилось, становясь катастрофическим. И Веласко Ибарра начал уступать американцам. Так, однажды посольство США в Кито потребовало, чтобы национальное радио не использовало сообщения, передаваемые кубинским агентством Пренса Латина. Правительство подчинилось этому требованию.

США постепенно увеличивали свои требования. После забастовки 4 октября 1961 г. министр эквадорского правительства Стагг отбыл в США, чтобы настаивать на «спасительном» займе. Но Вашингтон ответил: до тех пор, пока Эквадор не порвет с Кубой, он не получит ни одного доллара. Когда политическая обстановка стала накаляться, в Кито прибыли два североамериканских представителя. В середине дня 4 ноября состоялись срочные переговоры, а уже в 16 часов поверенному в делах Кубы было предложено покинуть Эквадор. На следующий день весь персонал кубинского посольства должен был покинуть страну. Отношения с Кубой были возобновлены только с приходом к власти Аросемены. Но, как мы увидим, не надолго.

Падение Веласко Ибарры оставило нерешенным все политические проблемы страны, в том числе и отношения Эквадора с США.

Что делать дальше? Этот вопрос волновал всех. Местная реакция, олигархические силы и прежде всего силы, связанные с империализмом янки, начали борьбу за влияние на новое правительство. Они выступили со своей политической программой. Их главный тезис был — прочнее привязать Эквадор к «свободному миру», чтобы получить доллары по плану Дж. Кеннеди — «Союз ради прогресса».

В печати реакционные силы подняли большой шум по поводу того, что Аросемена — выходец из семьи банкиров и государственных деятелей и поэтому он должен решать все национальные проблемы «здоровым буржуазным путем», держась подальше от «кастризма» и влияния левых революционных сил. Эти же реакционные силы с шумной радостью приветствовали создание правительства «национальной концентрации», в котором ханжески сосуществуют консерваторы и либералы с правыми социалистами. Цель правительства «национальной концентрации» — нейтрализовать успех народных сил, проливших кровь на улицах эквадорских городов в ноябре 1961 г.

Особенно большую кампанию развернула эквадорская реакция накануне межамериканского совещания в Пунта-дель-Эсте (Уругвай), где должен был обсуждаться «кубинский вопрос».

Она хотела оказать давление на правительство Аросемены и заставить его присоединиться к планам янки относительно революционной Кубы.

В то время Эквадор не поддавался внутреннему и внешнему нажиму и отказался голосовать в Пунта-дель-Эсте за резолюцию США об исключении Кубы из Организации американских государств (ОАГ).

Реакционные силы пошли на такие меры, как организацию взрывов в католических соборах, приписав это дело «коммунистам», чтобы разжечь фанатизм невежественных и неграмотных католических масс.

В Гуаякиле были предприняты открытые террористические действия против демократических сил. Началом им послужила якобы «подброшенная» и «случайно» не взорвавшаяся бомба у дверей консульства США в Гуаякиле. После этого настоящие бомбы взорвались в помещении Компартии в Гуаякиле, в консульстве Кубы и в доме генерального секретаря ЦК Компартии Педро Саада. Вся эта волна террора оплачивалась деньгами консульства США в Гуаякиле.

Эту деятельность реакции демократическая печать назвала «заговором против правительства Аросемены». Причем, начиная с ноябрьских событий 1961 г., с каждым месяцем заговорщическая деятельность реакционных и проимпериалистических сил все время усиливается.

В условиях яростного террора, развернутого реакцией против демократических сил, «Народное революционное движение» (НРД), объединяющее все левые силы страны, передало министру правительства меморандум протеста.

В этом меморандуме¹⁹⁻²⁰ говорилось, что «Народное революционное движение» (НРД), объединяющее Конфедерацию трудящихся Эквадора, социалистическую революционную партию, революционное университетское движение, Федерацию эквадорских индейцев, движение сторонников Аросемены по восстановлению демократии, Коммунистическую партию и Революционный союз эквадорской молодежи, разоблачает заговорщическую, террористическую деятельность реакции и требует наказания террористов».

«Народное революционное движение,— гласил меморандум,— будучи бдительным и готовым к тому, чтобы защитить демократические гарантии и неустанно бороться за народные и национальные интересы, решительно осуждает провокации реакции. НРД требует принятия энергичных мер со стороны властей против тех, кто подбрасывает бомбы в кубинское посольство и в церкви города Куэнка».

Наиболее острая борьба велась в Гуаякиле. От исхода борьбы в Гуаякиле во многом зависел исход борьбы по всей стране.

Генеральный секретарь ЦК
Коммунистической партии Эквадора
ПЕДРО АНТониО СААД

Именно поэтому здесь развернули свою террористическую деятельность махровые реакционеры под грязным флагом «борьбы с коммунизмом». В ответ состоялись мощные народные выступления.

Ноябрьские события 1961 г. Коммунистическая партия Эквадора определила как имеющие большое значение для революционного развития народа Эквадора.

«Эквадорский народ, — говорилось в резолюции расширенного пленума ЦК Компартии Эквадора, — в ноябре 1961 г. добился значительной победы. В эти героические дни по всей стране народ разгромил заговорщиков — врагов демократии, опрокинул антинародное правительство, которое в последние дни своего существования полностью перешло на службу к империализму янки, главному вдохновителю реакционных переворотов и насилия над народом.

Ноябрьские дни имеют большое значение для революционного развития народа Эквадора.

Было доказано, что народ может победить империализм и реакцию, если будет вести борьбу энергично и решительно, на основе единства»²¹.

3 февраля 1962 г. газета «Эль Пуэбло» опубликовала воззвание Коммунистической партии к эквадорскому народу «За коренную перемену!» и интервью с генеральным секретарем ЦК Компартии Педро Саадом под заголовком «Немедленные перемены в правительстве».

В этих двух документах обрисовано экономическое, политическое и социальное положение в Эквадоре и ясно показана программа борьбы демократических и патриотических сил народа за глубокие преобразования в стране²².

В своем интервью Педро Саад, в частности, сказал, что эквадорский народ в ноябрьские дни 1961 г. развернул отважную борьбу против правительства, которое, придя к власти на основе обещаний разрешить срочные проблемы масс, углубило хронический кризис в стране, нищете большинства, ввело большое число новых налогов, передало страну в руки хищных олигархий, которые в последние дни этого правительства поставили страну в полную зависимость от империализма янки.

Поэтому народ выступил против правительства Веласко, поэтому студенты, трудящиеся и все эквадорские демократы свергли этот режим.

Уже прошло несколько месяцев после этой победы народа, но проблемы, которые тревожат массы, по-прежнему существуют.

Положение рабочего класса и служащих требует срочного разрешения вопроса о низкой зарплате, об отсутствии работы, о тысячах и тысячах безработных, которые наводняют города.

Компартия Эквадора, — сказал далее Саад, — в своей программе огласила позицию, которую она выработала не сегодня, а много времени тому назад.

Мы считаем, что разрешение национальных проблем требует немедленного уничтожения зависимости Эквадора от империализма янки и разрушения полуфеодальной структуры нашей экономики.

Эквадору необходимо добиться экономической независимости, освободиться от гнета империализма; мы хотим национализации наших природных богатств, прекращения господства межамериканских служб по образованию, сельскому хозяйству, народному здравоохранению²³.

Необходимо установить торговые и дипломатические отношения со всеми странами мира, в том числе и с социалистическими странами. Это — основа независимости и прогресса Эквадора, потому что таким образом мы освободимся от эксплуатации монополиями янки, которые навязывают нам цены, разорительные для страны. Необходим срочный план индустриализации Эквадора.

Мы, — продолжал Саад, — должны твердо бороться за принципы невмешательства и самоопределения народов; воспрепятствовать всеми средствами агрессии против Кубы, изгнать из страны кубинских контрреволюционеров и врагов Кубинской революции, которые вмешиваются в наши внутренние дела: поддерживать борьбу всех латиноамериканских народов, как и героическую борьбу народа Доминиканской республики, подвергнувшегося нападению со стороны янки.

Компартия, — заявил далее Саад, — сегодня, как вчера и как всегда, отдает все свои силы на службу народа, всю свою энергию и способность на осуществление этой программы. Мы удвоим свои усилия для консолидации единства рабочего класса, объединенного в Конфедерацию трудящихся Эквадора, устрояя элементы, стремящиеся к разъединению, в том числе и агентов империализма, тоже добивающихся этого. Мы приложим усилия, чтобы сделать могучим крестьянское движение, крестьянские организации и союз с рабочим классом — основное звено в преобразовании страны. Мы будем неустанно бороться за интересы служащих и кустарей, как и всех народных масс, внося свой вклад в организацию комитетов, которые защищают их интересы. Мы приложим все усилия для того, чтобы объединить в едином фронте демократические патриотические силы Эквадора, все силы, которые намерены бороться за программу народа, за свободный, суверенный и процветающий Эквадор.

Компартия видит будущее Эквадора в этом объединении сил, ставящих перед собой целью счастливое будущее страны. Именно поэтому мы ставим перед собой жизненную задачу создания

поддержанного народом боевого фронта, который разобьет врагов — олигархию и империалистов.

Такова наша позиция в прошлом и сейчас, в непосредственной борьбе масс на предстоящих выборах, и мы уверены, что этим путем добьемся победы народа, его социального освобождения.

Состоявшийся с 9 по 13 марта 1962 г. VII съезд Компартии Эквадора укрепил организационно, политически и идеологически партию, показал рост ее рядов. Съезд явился демонстрацией ее силы и влияния на рабочий класс и крестьянство.

Съезд показал, что партия пользуется огромной поддержкой широких слоев населения. На съезде была принята новая программа партии, в которой сделан анализ современного положения в Эквадоре, намечены пути и задачи по созданию рабоче-крестьянского союза и фронта национального освобождения.

В приветствии ЦК КПСС съезду говорилось: что «...борьба Коммунистической партии Эквадора за единство действий рабочего класса, за жизненные интересы и демократические права трудящихся, за объединение всех прогрессивных и демократических сил страны в защиту демократии и национального суверенитета, против порабощения страны империалистическими монополиями принесла свои плоды в ноябре прошлого года, когда народ Эквадора своими решительными действиями преградил дорогу реакции. Эта победа, наряду со стойкой защитой благородного дела славной Кубинской революции, снискала Коммунистической партии и народу Эквадора законное уважение всех борцов за свободу народов, за мир и социальный прогресс».

С огромным воодушевлением участники съезда приветствовали решения XXII съезда КПСС. Съезд выразил горячую солидарность эквадорского народа с героической борьбой народа революционной Кубы, с борьбой всех латиноамериканских народов за мир и свободу, против империализма янки.

В конце марта 1962 г. офицеры военного гарнизона города Куэнка, расположенного на юге страны, предприняли попытку совершить военный переворот. Командование гарнизона Куэнка потребовало, чтобы правительство изменило свою внешнюю политику по отношению к Кубе и социалистическим странам. Президент страны объявил о намерении правительства провести всенародный плебисцит по вопросу — поддерживать ли и далее дипломатические отношения с Кубой.

Но уже через несколько дней правительство под нажимом реакции и военщины отказалось от проведения референдума, а 30 марта 1962 г. ушло в отставку. В новый состав правительства вошли три новых министра: министром экономики стал социалист Антонио Мата Мартинес, министром внутренних дел — либерал Альфредо Альборнос Санчес.

В обстановке террора, шантажа военщины, давления со стороны США правительство Аросемены в начале апреля 1962 г. пошло на разрыв дипломатических отношений с Кубой, Чехословакией и Польшей.

Разрыв дипломатических отношений с Кубой, Польшей и Чехословакией вызвал глубокое возмущение масс. В стране состоялись многотысячные митинги и демонстрации протеста. В опубликованном Центральным Комитетом Компартии Эквадора заявлении говорилось:

«В результате разрыва дипломатических отношений с Кубой, Чехословакией и Польшей Эквадор потерял свою независимость в области внешней политики и превратился в послушного исполнителя приказов государственного департамента Соединенных Штатов Америки».

В заявлении подчеркивалось, что «реакционные силы выступили против проведения плебисцита по вопросу о дипломатических отношениях с Кубой, ибо они знали, что эквадорский народ будет голосовать за сохранение этих отношений».

«Североамериканские империалисты и высшее командование эквадорской армии, — говорилось в заявлении дальше, — навязали президенту Аросемене кабинет, который служит их интересам, поскольку группа министров — членов так называемого «Национального демократического фронта», представляет интересы финансовой олигархии, стремящейся сохранить свои привилегии и выполняющей приказы империалистов».

Солидарность с Кубинской революцией содействовала объединению патриотических и демократических кругов народа. Рабочие, студенты, широкие народные массы видят в Кубинской революции хороший пример.

Коммунистическая партия Эквадора призвала к образованию широкого фронта национального освобождения. Этот фронт должен объединить рабочих, крестьян, средние городские слои, студентов, учителей, ремесленников, служащих, а также некоторые круги буржуазии, не находящиеся на службе империализма.

Основой этого фронта должен стать союз рабочих и крестьян. В программе Коммунистической партии Эквадора, принятой на VII съезде, обосновывается необходимость образования фронта национального освобождения и утверждается, что основным звеном фронта национального освобождения должен быть рабоче-крестьянский союз.

Особенно важно для уяснения особенностей национально-освободительной борьбы в Эквадоре более подробно остановиться на вопросе создания и укрепления рабоче-крестьянского союза. Ведь в Эквадоре $\frac{2}{3}$ населения живут в деревне, а 81% национального продукта дает сельское хозяйство. К тому же

самые острые внутренние проблемы страны связаны с сельским хозяйством.

В одной из статей генерального секретаря ЦК Компартии Эквадора Педро Саада говорится: «Наша революция должна быть революцией аграрной, антиимпериалистической, демократической революцией национального освобождения...

«Эта революция должна ликвидировать зависимость страны от империализма, покончить с остатками феодализма, провести демократизацию страны. Таким образом, эта революция должна быть главным образом антифеодальной, антиимпериалистической. Это определение относится к нынешнему этапу революции в Эквадоре. Однако эквадорская революция не должна остановиться на этом этапе, она должна развиваться дальше, она должна не останавливаться, а превратиться из революции национального освобождения в революцию социалистическую. В действительности, если мы проанализируем три вышеуказанные характеристики революции, мы увидим, что эта революция не ставит вопрос о социализме. Другими словами, вопрос о коллективной собственности на средства производства, об окончательном освобождении эквадорского народа и ликвидации всех форм эксплуатации человека человеком соответствует лишь второму этапу революции, революции социалистической.

Мы утверждаем также, что эти два этапа революции не разделяет стена. Следует немедленно переходить от одного этапа к другому, как это сделал кубинский народ, который начал с национально-освободительной революции и в течение двух лет перешел к социалистической революции»²⁴.

Рабочие и крестьяне Эквадора кровно заинтересованы в этой национально-освободительной революции.

Центральным программным пунктом рабоче-крестьянского союза в Эквадоре является аграрная реформа. «В борьбе за аграрную реформу мы должны выковать рабоче-крестьянский союз. Поэтому партия рабочего класса — Компартия делает аграрную реформу главным вопросом на этапе национально-освободительной революции»²⁵.

Компартия Эквадора должна стать осью и руководителем союза рабочих и крестьян.

«Если Компартия не будет глубоко связана с массами в городе и деревне, если она не будет идеологически вооружена для революционной борьбы и для создания фронта национального освобождения и рабоче-крестьянского союза, то в Эквадоре не будет революции»²⁶.

В докладе о проекте новой программы Коммунистической партии, сделанном членом исполнительного комитета ЦК Компартии Элиасом Муньосом, подчеркивалось, что «Центральный Комитет КПЭ никогда не сомневался в том, что характер

эквадорской революции будет не мирным. Это, однако, не означает, что мы отвергаем все другие формы борьбы. В 14-й главе проекта программы КПЭ, которая называется «Путь эквадорской революции», указывается, что эквадорский народ использовал и использует для достижения своих экономических и политических целей самые разнообразные формы борьбы. В прошлом он обращался к партизанской борьбе, к восстаниям, к гражданской войне, к выборам, ко всеобщим забастовкам, к компаниям бойкота, к народным демонстрациям и т. д. Реакционные силы подавляли эти выступления самым зверским образом с помощью армии и полиции, применяя расстрелы и убийства, ссылку в отдаленные местности и изгнание из страны, к чему прибегал бюрократический государственный аппарат, а также заключение людей в тюрьмы, для чего использовались судебные органы.

Вся история эквадорского народа, ведущего упорную борьбу за свою независимость и благосостояние, сопровождалась непрерывными насильственными действиями, предпринимавшимися реакцией против народа, на что в момент наибольшего революционного подъема народ отвечал также массовыми насильственными действиями.

Однако народные массы и особенно рабочий класс всегда предпочитал мирные средства борьбы. Они стремятся к победе, они желают положить конец бедствиям и нищете всего народа, но предпочитают достигнуть этого мирным путем. Рабочий класс Эквадора, как и пролетариат всего мира, вовсе не стремится к проведению национально-освободительной революции немирным путем».

Далее в этом разделе доклада говорится, что в то время, как народ Эквадора ищет мирного пути для претворения в жизнь своих справедливых требований о свободе, повышении благосостояния и культурного уровня, реакционные силы прибегают к насилию, чтобы помешать ему осуществить эти стремления. Именно эти силы вынуждают эквадорский народ готовиться к возможности осуществления национально-освободительной революции немирным путем одновременно с максимальной мобилизацией и развитием демократических сил.

«Необходимо добавить, что Эквадор небогат парламентскими традициями, что его реакционные круги неоднократно наносили удары по Национальному конгрессу, используя силу в собственных интересах, и это также имеет определенное значение. Мы должны учитывать как позитивный фактор в деле мобилизации народных масс, что их борьба в Эквадоре принимает сейчас массовый характер. Народ будет продолжать бороться путем мобилизации масс, прибегая ко всем формам борьбы, созданным народом с целью осуществления национально-освободительной революции мирным путем. Однако в то же время необходимо

самым серьезным образом готовиться и на тот случай, если нам придется обратиться к немирному пути. Но в той или иной форме народ Эквадора претворит в жизнь свою национально-освободительную революцию, являющуюся одним из этапов на его пути к свободе и прогрессу»²⁷.

События в Эквадоре показывают со всей ясностью и убедительностью, что Латинскую Америку справедливо называют действующим вулканом. В Эквадоре — небольшой стране, как в капле воды, отражены особенности национально-освободительной борьбы народов Латинской Америки за избавление от ига иностранного капитала, за мир и свободу, за подлинную независимость. Мы уже видели, что эта борьба неразрывно связана с борьбой за ликвидацию пережитков феодализма, за аграрную реформу, за коренные социальные преобразования внутри страны.

Эта борьба также неразрывно связана с могучим движением солидарности с революционной Кубой. Как в Эквадоре, так и по всей Латинской Америке мощно звучит всепроникающий громовой голос восстающих народов в защиту Кубинской революции: «Куба — да! Янки — нет! Мы победим!» Кубинская революция стала немеркнущим маяком освободительной борьбы во всей Латинской Америке. Этот огромный континент с населением в 200 млн. человек сейчас, в период третьего этапа общего кризиса капитализма, является фронтом активной борьбы против колониализма и империализма во всех его формах и проявлениях.

Выступая на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Н. С. Хрущев заявил:

«Всем должно быть ясно, что нельзя никакими средствами и силами остановить борьбу народов за свое освобождение, так как это великий исторический процесс, происходящий со все возрастающей и необратимой силой»²⁸.

Никакие усилия, никакие планы «помощи» типа «Союз ради прогресса» не в состоянии затормозить национально-освободительную борьбу латиноамериканских народов.

Эквадор находится на решающем этапе своей истории. Перед ним пример героической Кубы.

¹ «Mañana». Quito, 1961, N 97, p. 20.

² О сельском хозяйстве см. Статью А. А. Разливахина в настоящем сборнике (стр. 65).

³ Memoria. Op. cit., p. 38.

⁴ Ibid., p. 243.

⁵ «Mañana», 1961, N 77, p. 10.

⁶ Ibidem.

⁷ «Mañana», 1961, N 81, p. 11.

⁸ «Баррас» — перила; здесь имеются в виду люди, сидящие за перилами на местах для публики, галерка.

⁹ «Política». Mexico, 38, 15.XI 1961, p. 63.

¹⁰⁻¹² «Mañana», 1961, N 89, p. 19.

³⁻¹⁵ «Política». Op. cit., p. 63.

¹⁶⁻¹⁸ «Правда». 11 ноября 1961 г.

¹⁹⁻²⁰ «Mañana», 1961, N 102, p. 6—7.

²¹ «El Pueblo». Quito, 16.XII 1961.

²² «El Pueblo». Quito, 3.III 1962.

²³ Здесь имеются в виду «Servicios Cooperativos Interamericanos», созданные в рамках Организаций американских государств (*прим. автора*).

²⁴ «Banera Roja». Quito, 1961, N 3, p. 31.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ «El Pueblo». Quito, 25.III 1962.

²⁸ Н. С. Хрущев. За мир, за разоружение, за свободу народов! М., 1960, стр. 39.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

История развития аграрных отношений в Эквадоре имеет много черт, характерных также и для других андских стран, как например, Перу и Боливия, в которых еще до испанской колонизации сложились примерно одинаковые условия развития сельского хозяйства на основе производственных отношений, сформировавшихся в древнем государстве инков.

До конца XV в. местные племена индейцев находились на стадии родо-племенного строя. Основной хозяйственной единицей была родовая община — «айлью». В общине отсутствовала частная собственность на землю, которая обрабатывалась коллективным трудом всех членов общины, а продукт коллективного труда подлежал равному распределению среди членов родовой общины. В некоторых районах страны, например, в провинции Имбабура, общинные земли распределялись между отдельными семьями и даже отдельными лицами. Однако это было лишь в отдельных случаях и относилось лишь к землям, занятым хлопком или кокой¹.

Основой сельского хозяйства в горных районах Эквадора было земледелие и скотоводство. Основными культурами были кукуруза, тыква, фасоль; в скотоводстве преобладало разведение лам как тяглого и молочно-шерстного скота. В тропических районах побережья Тихого океана индейцы занимались рыбной ловлей, охотой, а также сельским хозяйством: разведением кукурузы, юкки, арахиса, тыквы, бататов и сбором ананасов, папайи, чиримойи и других тропических дикорастущих фруктов.

Между побережьем (Костой) и андским нагорьем (Сьеррой) развивался обмен продуктами. Из прибрежных районов привозились соль, хлопок, морские раковины, драгоценные камни, рыба, кость, растительные краски и другие предметы обмена, а из горных районов шли на обмен ткани, кожа, оружие с наконечниками из металла, золото, серебро и др.

У некоторых племен к концу XV в. начало развиваться производство предметов, выполняющих роль эквивалента обмена. Племена индейцев чибча ввели в обращение золотые и

серебряные пластинки; среди индейцев племен каранки и кильясинга ходили «карато» — бусы из глиняных шариков, которые принимались также некоторыми восточными племенами Эквадора².

Развитие товарообмена положило начало расслоению айлью — появлению частной собственности. Некоторые земельные участки, на которых производился хлопок и кока, были присвоены отдельными семьями, создававшими небольшие обособленные группы, пользовавшиеся экономическими привилегиями. Наряду с этими привилегированными или аристократическими слоями существовали группы людей, находящихся в услужении у первых, такие лица происходили из экономически слабых или побежденных общин.

В некоторых районах, очевидно, существовали собственники земель и крестьяне, обрабатывающие земли. Среди индейцев провинции Имбабура уже появлялись зачатки патриархального рабства³.

В конце XV в. начинается проникновение в районы Эквадора экономически и политически более развитых и объединенных в могущественном государстве инков племен перуанских индейцев кечуа, принесших с собой в Эквадор новые производственные отношения, ускорившие дальнейшее общественное развитие айлью.

Айлью превращается в административно-хозяйственную единицу единой экономической системы империи, по законам которой верховным собственником земли был правитель «инка», передававший ее в пользование общин. Была установлена система землепользования, согласно которой земли подлежали ежегодному переделу в зависимости от количества работоспособных членов семей общинников, объединенных в айлью. При разделении семей вновь образующиеся семьи получали свои участки непосредственно от общины.

Труд общинников продолжал оставаться коллективным, однако продукт труда распределялся уже по иному принципу. Инки вводят систему распределения, при которой продукт труда населения подразделяется на три части: одна часть — инке, его двору и армии, вторая — духовенству и третья — рядовым общинникам. Таким образом, в империи появляется многочисленная социальная группа, живущая за счет труда эксплуатируемого населения. Подобные изменения происходили и в самой общине, где также выделялась группа старейшин «курака», назначавшихся инкой, и жрецов. Эта верхушка айлью со временем превращается в собственников значительной части общинных земель, эксплуатировавших основную массу крестьянства. Возникает частная собственность на землю, находящуюся в руках курака, на домашний скот и т. д.

Монумент Независимости на горе Пичинча — месте исторических боев в период войны за независимость.

Государство инков постепенно превращалось в деспотию. Вся власть концентрировалась в руках небольшой кучки чиновников и военачальников, получавших от инки особые земельные наделы за службу. Переделы земли проводились раз в три года, а затем и вовсе прекратились.

Испанские завоеватели, завладев Эквадором в 20-х годах XVI в., принесли с собой новые формы общественных отношений.

Испанские конкистадоры, разграбив богатства индейских общин, храмов и государственных учреждений инкского государства, постепенно принимаются за эксплуатацию основного богатства Эквадора — его людских ресурсов — индейского населения.

Все земли, завоеванные испанскими колонизаторами, по соглашению между ними и испанской монархией были объявлены достоянием и собственностью испанских королей, которые полностью распорядились ими, наделяя за службу отличившихся участников конкисты земельными владениями (энкомьендами) с приписанными к ним индейцами.

В «Королевской аудиенции Кито», как тогда называлась провинция Кито, уже в XVI в. было 23 энкомьенды, в провинции Гуаякиль — 13, и никто другой, кроме этих энкомьендеро, не обладал правами собственности на индейцев⁴.

В грамотах на владение энкомьендой указывалось точное число индейцев, поручаемых энкомендеро, устанавливались границы владений, форма уплаты налогов, а также число наследников, которым могла быть передана энкомьенда по наследству в случае смерти энкомендеро. Со дня получения грамоты на владение энкомьендой ее владелец, энкомендеро, получал также право «иметь копые, коня и шпагу, в округе города или населенного пункта, который он избирал своей резиденцией»⁵.

Согласно законам испанской монархии, энкомьенда была своего рода опекой над индейским населением завоеванных земель, призванной приучить индейцев «жить в чистоте», исповедовать католическую религию и т. д. Ряд королевских законов регулировал положение индейцев в энкомьендах, запрещая энкомендеро злоупотребления по отношению к индейскому населению. Так называемые Бургосские законы 1512 г. и четыре королевских указа 1513 г. запрещали использовать труд детей моложе 14 лет и труд беременных женщин. Королевские указы от 12 мая 1551 г. и 26 мая 1602 г. запрещали энкомендеро подвергать индейцев принудительным работам, предписывали практику свободного найма и устанавливали нормы оплаты труда в соответствии с необходимым прожиточным минимумом. Королевский указ 1553 г. запрещал использование индейцев для работ в домах энкомендеро без соответствующей оплаты за труд и т. д.

Отдельные распоряжения регламентировали обязательное количество рабочих дней для индейца в энкомьенде, предельный вес тяжестей, которые должен был переносить индеец, запрещали принудительный труд в шахтах и т. д. Однако, как справедливо отмечает эквадорский исследователь Бенитес, «эти распоряжения и законы должны были казаться энкомендеро такими же чудовищными, какими кажутся современному латифундисту-помещику законы о труде и призывы о привлечении индейцев к активному участию в экономической и культурной жизни страны»⁶. Энкомендеро просто не выполняли этих законов, что неоднократно отмечалось королевскими указами.

В королевском указе от 16 марта 1680 г., направленном на имя наместника королевской аудиенции Кито, говорится, что королю стало известно о том, что «индейцы этой провинции страдают от чрезмерного труда, которому их подвергают энкомендеро, заставляя их платить налоги более 40 месо, переносить на спине грузы более четырех арроб (около 25 кг) на расстояние до сорока легуас (более 200 км), в результате чего индейцы погибают»⁷. В указе от 22 ноября 1693 г. говорится о том, что «обращение энкомендеро с индейцами хуже, чем с рабами»⁸.

Кроме энкомьенды, в этот период были и другие формы земельной собственности.

Существовали, в частности, «казенные земли» — участки вокруг крупных населенных пунктов и городов, не являющихся резиденциями энкомендеро. Такие земли принадлежали муниципальным советам городов и представлялись в аренду их населению. Доходы от аренды шли на укрепление городов и их благоустройство. Муниципальные советы сохранили до сего времени свои земельные участки.

Помимо частнособственнических и муниципальных владений в колониальный период сохранилось и общинное землепользование в двух видах: а) земли старой индейской общины айлью, в которой, наряду с коллективным землепользованием, все заметнее намечалась тенденция к переходу участков-парцелл в личную собственность общинника, и б) земли «испанских эхидо», или индейских общин, созданных на основании законов короля Филиппа II, по которым «... в местах, где будут создаваться селения или укрепленные пункты, отводились в общее пользование земли, леса и воды, на которых индейцы могли бы пасти свои стада, не вторгаясь на земли, принадлежащие испанцам...»⁹.

Особой формой собственности была церковная земельная собственность.

Католическая церковь, пришедшая в Эквадор вместе с отрядами конкистадоров, завладела огромными земельными богатствами и превратилась в крупнейшего феодала. Только иезуитам принадлежали 77 крупных хозяйств. Церковная собственность на землю росла настолько быстро, что даже был издан в 1539 г. специальный королевский указ, запрещающий церковникам «приобретать земельные участки, так как от Пастос до Лохи за период менее двух лет они скупили более половины угодий и таким образом через некоторое время смогли бы прибрать к своим рукам все...»¹⁰. Но этот указ не соблюдался церковниками.

Формам земельных владений соответствовали формы эксплуатации местного населения.

В энкомьендах, где земли и крестьяне принадлежали феодалу-энкомендеро, господствовали смешанные формы ренты. Согласно официальному законодательству, крестьяне были обязаны платить за землю феодалу-энкомендеро определенного размера налоги в денежной, отработочной или натуральной форме.

Налоги, уплачиваемые индейцами своим энкомендеро, определялись для каждого района в зависимости от его специализации; одни платили золотом, другие тканями, хлопком, птицей, древесиной, а третьи — кожами; в случае, если не было

этих продуктов, они могли заменяться золотом по их стоимости.

Испанские ученые Хорхе Хуана и Антонио Ульоа, посетившие в 1735—1744 гг. Эквадор и Перу, свидетельствуют: «Теперь [т. е. после введения налога] все [индейцы] обязаны были платить налоги, согласно устанавливаемым нормам, которые только могли изобрести предприимчивые конкистадоры. Если же индейцы не имели того продукта, который от них требовали, их заставляли найти его... От рыбака требовали денег, рыбу, пшеницу, волокно, кожи и множество других продуктов, а от пахаря рыбу и другие неизвестные ему вещи...»¹¹.

Для крестьян провинции Кито налоги были определены в следующих размерах: «три песо в год с каждой души или равное им по стоимости количество продуктов, производимых в провинции: кур или свиней, шерстяные или хлопчатобумажные ткани»¹².

Для энкомендеро фактически была важна не сама земля, а налоги, получаемые с индейцев-крестьян, обеспечивавшие ему доход с энкомьенды в течение всей его и его детей жизни, так как энкомьенда давалась с правом передачи по наследству одному или двум поколениям.

Кроме подушной подати, уплачиваемой энкомендеро, существовало множество других повинностей, которые несло крестьянство в пользу энкомендеро.

Старый институт «янакуны» — домашней прислуги, слуг в государстве инков, в колониальный период превратился в Эквадоре в «уасикамию» — обязательную повинность для крестьян-индейцев.

«Уасикама» — это крестьянин-индеец, который в порядке очереди должен отработать со всей семьей в доме помещика один-два месяца в году за минимальную плату, получаемую только главой семьи. Эта повинность сохраняется до сего времени в поместьях крупных эквадорских помещиков.

Существовали и другие феодальные повинности, как например, подарки крестьян энкомендеро по случаю праздников и т. д.

Помимо эксплуатации крестьян, приписанных к энкомьендам, испанские колонизаторы эксплуатировали и крестьянские общины — «эхидо», созданные по указу Филиппа II. Эхидо — населенные пункты, в которые стогнались индейцы, жившие в отдельных поселках. Обычно редукции устраивались в местах, располагавших водными, земельными и лесными угодьями. Так возникло эхидо, которое, в отличие от индейских общин айлью, «занималось разведением общественного и частного скота»¹³. Как правило, в редукциях группировалось от 80 и больше индейских семей, стогняемых насильно с их родных мест и объе-

диняемых для того, чтобы удобнее было их эксплуатировать. Во главе редуций стояли алькальды, рехидоры и альгуасилы, представлявшие светскую власть, однако главой каждой редукции был духовный ее наставник «доктринеро», или священник, в обязанности которого входило «приобщение индейцев к христианству». На деле «доктринеро» не ограничивался своими непосредственными функциями, а превращался в купца, эксплуататора и собственника индейцев, опутывая их долговыми узами. Он заставлял их покупать у него товары по завышенным ценам и нередко сбывал им товары совершенно не нужные индейцам, вроде открыток с изображением святых и даже очков¹⁴.

С 1531 г. в странах Латинской Америки вводится новая административно-судебная единица «коррехимьенто» — область, во главе которой стояли губернатор и «коррехидор», исполнявший обязанности судьи, в функции которого входило «защищать и опекать индейцев... бедных людей, страдающих от злоупотреблений, чинимых над ними, сдерживать их от пороков, пьянства и идолопоклонства...»¹⁵. Вначале этот институт был создан только в индейских селениях, а с 1555 г. он вводится и в испанских поселениях. По свидетельству Сохорсано-и-Перейра, испанского юриста того времени, коррехидоры должны были назначаться из «лиц, доказавших свою верность христианской религии, доброту и силу воли..., однако очень скоро эти чиновники превращаются из зеркала справедливости в тиранов и грабителей»¹⁶.

Коррехидоры считались государственными служащими и получали от казны «одну третью часть» налогов, собираемых в ее пользу с индейского населения. Коррехидоры очень быстро забыли свои обязанности по «защите и опеке» индейцев и главный упор стали делать на сбор налогов, а под предлогом того, что «невозможно собрать все», стали обманывать королевскую казну. Дважды в год, в конце июня и декабря, коррехидор объезжал свои владения со списками налогоплательщиков. Обложению подлежали все индейцы в возрасте от 18 до 55 лет, но так как коррехидор не интересовался точным возрастом, налог собирался и с детей, едва начавших работать, и со стариков 60—70 лет, едва передвигавших ноги.

В момент уплаты очередного налога необходимо было представить свидетельство об уплате предыдущего, а так как индейцы не понимали значения этих свидетельств и часто теряли их, то должны были уплачивать налог вторично. Если не было денег, коррехидор забирал свинью или корову, принадлежащую индейцу¹⁷. В дальнейшем коррехидоры добились права на ведение торговли с индейцами и тогда «продавали им все, что могли продать, взывая чудовищные цены за церковные книги,

индальгенции, разрешающие есть мясо в постные дни, и т. д. Таким образом, и здесь индейцы попадали в долговое рабство коррехидору, который в случае бегства должника «ловил его и продавал в мастерские-обрахе, где он должен был отработать долг за купленную вещь или неуплаченные налоги». С отменой в 1724 г. института энкомьенды, в ведение коррехидора было передано все индейское население.

Особой формой эксплуатации крестьянского населения Эквадора была так называемая мита — обязательная трудовая повинность крестьян-индейцев, привлекаемых для работ на рудниках и золотых приисках, а также для сельскохозяйственных работ в крупных феодальных поместьях. Начиная с XVII в., мита в Эквадоре остается исключительно лишь форма сельскохозяйственных работ в крупных земледельческих и скотоводческих хозяйствах. Для проведения этих работ каждая индейская община или деревня была обязана выделять одного из пяти или одного из двадцати пяти взрослых жителей для работы в поместье в течение определенного срока.

За свою работу в земледельческих поместьях «митайо» — крестьянин, отбывавший трудовую повинность, получал минимальную денежную плату, а также небольшой надел земли — уасипунго. Мизерная плата и небольшие урожаи, получаемые с уасипунго, не могли прокормить семью митайо, обязанного к тому же платить многочисленные налоги. Крестьянин был вынужден просить займы у помещика и, таким образом, попадал в долговую кабалу.

В скотоводческих поместьях, занимавшихся разведением крупного рогатого скота и овцеводством, условия жизни митайо были еще тяжелее. Так, каждому митайо поручалось определенное число коров или овец, за что он должен был сдать помещику определенное количество молока, сыра или шерсти. Если снижалась удойность, пропадали корова или овца, с индейца спрашивалась недостача, которую он должен был возместить.

За малейшую провинность грозило телесное наказание. По свидетельству современника, «за любую провинность или самый незначительный проступок индейца бросают навзничь, сдирают с него одежду и бьют прутьями, заставляя считать удары, полагающиеся ему по наказанию..., при этом надсмотрщик держит над его телом горящую сухую древесину или тростник так, чтобы горячие искры падали на израненное ударами тело»¹⁹.

Помимо феодалов, помещиков и чиновников, индейцев эксплуатировала также католическая церковь.

Со всех крестьян собиралась церковная десятина, которая распространялась на всех жителей колонии, но особенно тяжелым бременем ложилась на крестьян²⁰.

В XVIII в. размеры церковной десятины были настолько велики и злоупотребления, допускаемые при ее сборе в индейских деревнях, настолько чудовищны, что неоднократно вызвали восстания крестьян-индейцев. «Так, индейцы селения Гуамоте в 1799 году поймали сборщиков церковной десятины, вырвали им глаза, а затем убили»²¹.

Хорхе Хуан и Антонио Ульоа писали, что если в начале конкисты индейцы «были рабами только одного энкомендеро, то теперь они являются рабами коррехидора, и владельцев обрахес, и помещиков, и скотоводов и, что наиболее скандально, самих посланцев божьих; все они, включая священников, обращаются с беззащитными индейцами так же бесчеловечно, как с черными рабами»²².

Испанские завоеватели не ограничивались эксплуатацией местного индейского населения. Освоение тропических районов Косты и Сьерры потребовало новой рабочей силы, способной трудиться в жарком тропическом климате, к которому трудно приспособлялись индейцы нагорья. В Эквадор начинают ввозить негров.

По данным современников, в 1573 г. только в Кито насчитывалось около ста негров, а по переписи XVIII в. в Эквадоре уже было 1164 раба и 5754 свободных негра, живших в провинциях Ибарра, Кито, Имбабура и других центральных провинциях Эквадора²³.

Значительное число негров жило и в прибрежных районах Эквадора.

Положение негров-рабов регламентировалось особыми законами. 11 января 1548 г. городской совет Кито принимает закон о наказаниях негров-рабов за провинности, в частности за попытку к бегству, согласно которым за первое бегство раба налагался «штраф в размере 100 золотых песо на хозяина и 100 ударов плетью рабу; за вторую попытку к бегству: штраф в том же размере с хозяина и отсечение пальцев на правой ноге раба; за третью: штраф в том же размере с хозяина плюс возмещение убытков за поимку раба и смертная казнь для негра...»²⁴.

В эксплуатации негров-рабов особое усердие проявляла церковь. По свидетельству историка Гонсалеса Суареса, бывшего архиепископа Кито, «монахи-иезуиты были владельцами самых крупных поместий, расположенных в жарких долинах и особенно в долине реки Чота, они же были самыми крупными собственниками негров-рабов»²⁵.

В колониальный период основной хозяйственной единицей в горных районах страны оставалось феодальное поместье-энкомьенда — натуральное хозяйство с внутренним замкнутым рынком, с политическим и экономическим господством феодала-энкомьендеро над массой крестьян-индейцев, находившихся в

полной зависимости от феодала. В районах побережья преобладало рабовладение.

Освободительная борьба против испанского владычества, развернувшаяся в Эквадоре в период 1809—1822 гг. и закончившаяся провозглашением наконец независимости Эквадора, не затронула экономическую основу общества и ее основную отрасль — сельское хозяйство. Изменился характер земельной собственности — вся земля, ранее формально принадлежавшая испанским монархам, была также формально провозглашена собственностью «эквадорской нации» (эквадорского государства), а фактически осталась в руках небольшой кучки местной креольской земельной аристократии, которая оставила нетронутыми все феодальные институты в области аграрных отношений. Известный общественный и политический деятель Эквадора Хуан Монтальво, подводя итоги национально-освободительной борьбы эквадорского народа, писал в середине XIX в.: «много лет спустя после победы революции, еще случалось так, что индеец-крестьянин, остававшийся крепостным крупных помещичьих хозяйств и ничего не знавший о провозглашении «Родины», считал, что мита, объектом которой он все еще являлся, налагалась на него от имени испанского короля»²⁶.

До 50-х годов XIX в. сохранялось и рабство негров, работавших на банановых и кофейных плантациях побережья и тропических и субтропических районов.

В районах нагорья продолжала оставаться полуфеодальная система землепользования с сохранением полукрепостнических производственных отношений. В районах побережья начинали постепенно развиваться капиталистические отношения, основанные на интенсивном методе ведения крупного плантационного хозяйства, специализировавшегося на производстве продуктов для экспорта.

Разделению производственной специализации районов содействовали и мероприятия правительственных кругов Эквадора. В 1852 г. президент Урбина отменил рабство негров, предоставляя в распоряжение нарождающейся буржуазии прибрежных районов большое число рабочих рук. В то же время осталось нетронутым полуделегальное рабство огромных крестьянских масс в горных районах. «Прибрежные районы превращаются с этого времени в центр активного либерального движения: там возникает класс зарождающейся буржуазии, развиваются капиталистические отношения ... в то время, как в горных районах усиливаются феодальные отношения, натуральное хозяйство сохраняет чисто колониальные формы»²⁷.

Освобождение негров без земли содействовало установлению капиталистических отношений в крупных земельных поместьях побережья. Сохранение феодальной зависимости кре-

Уасипунгера — бесправный крестьянин. Ему должна принадлежать земля — основное богатство Эквадора

стьянского населения в горных районах тормозило развитие капиталистических отношений и содействовало укреплению полфеодальной системы сельского хозяйства, опирающейся с одной стороны на крупное землевладение небольшой кучки крупных помещиков-латифундистов и массу безземельного крестьянства, обрабатывающего эти поместья за право пользования клочком земли — уасипунго, с другой.

Во время «либеральной революции» 1895 г. наиболее остро стал вопрос о разрешении земельной проблемы. Под натиском могучего крестьянского движения либеральная верхушка местной знати была вынуждена пойти на уступки крестьянству и провести в 1895 г. в жизнь закон о конфискации земельных угодий, принадлежавших церкви. Такие же законы были приняты в 1904 и 1908 гг.

Однако «либеральные» реформы были поверхностными. Они частично затронули лишь надстройку общества — политическую власть в стране, передав ее из рук крупных помещиков-феодалов Сьерры в руки нарождающейся земельной буржуазии Косты, и не затронули экономического базиса страны — ее сельского хозяйства и аграрных отношений.

Либералы, боясь восстаний крестьянства, выступали против долгового рабства — «консертахе», но пытались ликвидировать его путем соглашений с помещиками. Сам лидер либеральной революции 1895 г. генерал Элой Альфаро писал: «я хотел собрать в Гуаякиле владельцев поместий, чтобы они сами выбрали приемлемые условия для удовлетворения интересов помещиков и бедных рабов-консьерто...»²⁸.

В результате таких компромиссов конфискованные у церкви земли перешли в собственность государства, превратившегося в крупного латифундиста, а освобожденные без земли крестьяне превратились в безземельных арендаторов, уасигунтерос и сельскохозяйственных рабочих.

В начале XX в. с новой силой разгорается огонь крестьянских волнений. В 1907 г. самоотверженную борьбу вели крестьянские общины в районе Патате-Урхо, в 1913 г. поднимаются на борьбу крестьяне в районе Чильянес, в 1916 — восстают общины в районе Пилелео.

Особенно остро разгорается классовая борьба в начале 20-х годов под влиянием освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции в России. В Эквадор идеи Октября приходят в период послевоенного кризиса 1918—1923 гг. «Безработица, рост цен на продукты питания, обесценивание национальной валюты, снижение заработной платы, рост спекуляции, насильственный сгон крестьян с земли, голод и нищета явились следствием этого кризиса в Эквадоре»²⁹. Правящие круги Эквадора пытались переложить всю тяжесть экономического кризиса на плечи трудящихся масс.

В октябре-ноябре 1922 г. происходит первое организованное выступление рабочего класса Эквадора. Более двадцати тысяч рабочих Гуаякиля при поддержке крестьян провинции Гуайес вели ожесточенные классовые бои против жандармерии, полиции и правительственных войск. В то же время в 1923—1925 гг. происходят крупные восстания крестьян в селениях провинции Асуай и в селении Лейто, провинции Тунгурау.

Вновь местные либералы, напуганные ростом революционной борьбы, пытаются предпринять ряд мер для успокоения крестьянства. В 1923 г. состоялась первая Ассамблея либерально-радикальной партии, которая приняла «Программу принципов», предусматривавшую «осуществление аграрной реформы, направленной против латифундизма, путем справедливого перераспределения земли между лицами, не принадлежащими к классу помещиков; путем экспроприации пустующих земель и их распределения между крестьянами...»³⁰.

И вновь либеральная партия оказалась неспособной разрешить основную национальную проблему, отделяясь лишь

«Землю — крестьянам!» — требуют трудящиеся сельскохозяйственного кооператива «Санта Виктория»

демагогическими обещаниями аграрной реформы. Положение оставалось прежним.

В Эквадоре еще не было силы, способной возглавить борьбу рабочего класса и крестьянства за свои права, за социальные преобразования в стране. Борьба носила стихийный, неорганизованный характер, что давало возможность реакции быстро подавлять разрозненные выступления рабочих и крестьян.

После первой мировой войны в Эквадор начинает все активнее проникать американский и английский капитал. Если к 1914 г. сумма капиталовложений Соединенных Штатов в Эквадоре составляла всего лишь около 10 миллионов долларов, то к 1920 г. эта цифра удвоилась. Американские капиталы вкладывались в основном в сельское хозяйство, в плантации бананов, какао и др. Английские — в нефтяную промышленность.

Развитие капиталистических отношений вызывало изменения в социальной структуре страны. Растет численность промышленного пролетариата, в деревне происходит дальнейшее обезземеливание крестьянства, ускоренное переходом крупных земельных массивов в руки иностранных монополий.

С ростом рабочего класса растет его организованность, сплоченность, решимость в борьбе за свои права. Начинают появ-

ляться крестьянские организации. Наконец, в 1928 г. в Эквадоре создается Коммунистическая партия Эквадора — боевой авангард эквадорских трудящихся, с самого начала вставший во главе рабочего класса и трудового крестьянства.

Новый подъем революционной борьбы рабочего класса и крестьянства происходит в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., обрушившегося всей тяжестью на плечи трудящихся масс Эквадора. В 1931—1934 гг. происходят семь крупных восстаний крестьян в селениях Саласана, Танлауа, Пальмира, Мачаната, Румишамба, Льякта и Салинас. Именно в эти годы прогрессивная эквадорская общественность выступает с гневными протестами против произвола и репрессий, чинимых помещичье-феодалным государством над крестьянскими массами, против гнета иностранного капитала.

Полоса восстаний и забастовок крестьянства охватила почти всю страну и была настолько мощной, что вынудила временное правительство генерала Альберто Энрикеса Гальо пойти на уступки трудящимся города и деревни и принять, в дополнение к закону об организации и устройстве крестьянских общин от 1937 г., закон о введении Кодекса трудового законодательства, регулирующего трудовые отношения между трудящимися и работодателями. Эти законы предоставляют трудящимся классам Эквадора минимум гарантий от злоупотреблений и произвола помещиков и латифундистов. Завоевания трудящихся нашли свое закрепление и в Конституции 1938 г., в которой провозглашалось, что государство «обязывается проводить в жизнь режим наиболее справедливого распределения земель, раздела латифундий, поощрения развития мелкой собственности и сельскохозяйственных кооперативов»³¹. Но даже эти незначительные уступки носят демагогический характер, так как по давно установившейся традиции законы в Эквадоре не соблюдаются. Крестьянин, осмеливающийся вступать в судебную тяжбу с помещиком, всегда ее проигрывает, причем попадает в еще более тяжкую кабалу к адвокатам и государственным чиновникам. Конституция 1938 г. не была проведена в жизнь. На смену правительства Альберто Энрикеса Гальо пришло другое правительство, и все обещания были забыты.

*

Новый этап борьбы эквадорского крестьянства за землю, за аграрную реформу начинается после окончания второй мировой войны. В 1945 г. происходит крупное восстание крестьян-общинников в местечке Паниатуг, которое было жестоко подавлено. Но крестьянство не останавливается, и борьба приобретает более широкий всенародный размах. В борьбе растет организованность крестьянства.

«Землю — крестьянам! Да здравствует единство рабочих и крестьян!». Демонстрация крестьян на улицах Кито

Выросли такие массовые крестьянские организации как Федерация индейцев Эквадора, Федерация сельскохозяйственных рабочих Побережья, Национальная федерация крестьян, действующие в тесном контакте с Конфедерацией трудящихся Эквадора. «Крестьяне организуются в борьбе за лучшие цены на продукты, за кредиты, за отмену налогов, за снижение арендной платы, за отмену натуральной ренты, за передачу в руки крестьян пустующих и необрабатываемых земель, за раздел латифундий, обрабатываемых их руками, за ликвидацию феодальных пережитков. На эти мирные и справедливые требования крестьян правительство отвечает сносом крестьян с земли, арестами и убийствами крестьянских руководителей, массовыми расстрелами крестьян...»³² Появление крестьянских организаций придает новый характер борьбе масс за землю.

Главной целью революционной борьбы трудящегося крестьянства является ликвидация феодальных пережитков в сельском хозяйстве Эквадора, справедливое распределение земли, демократическая аграрная реформа.

До сего времени для аграрных отношений в Эквадоре характерна концентрация земли в руках небольшой кучки помещиков и безземельность опромных масс крестьянства.

Возьмем официальную статистику экономической комиссии ООН для Латинской Америки (СЕПАЛ) о распределении земельной собственности в восьми горных провинциях Эквадора. Таблица 1 показывает, как была там распределена земля в 1954 г.³³

Т а б л и ц а 1

Размер земельных владений (в га)	Число владений	% от об- щего числа	Площадь (в тыс. га)	% от об- щей пло- щади
Менее 1	2709	11,3	1,3	0,1
От 1 до 5	10948	45,8	26,0	1,5
От 5 до 20	5813	24,3	54,0	3,1
От 20 до 50	1613	6,7	49,5	2,9
От 50 до 200	1791	7,5	161,8	9,4
От 200 до 500	581	2,4	171,0	9,9
От 500 до 1000	214	0,9	145,8	8,4
От 1000 до 2000	130	0,5	177,0	10,3
От 2000 и более	142	0,6	939,8	54,4
Итого	23941	100,0	1726,2	100,0

Таким образом, из 23 941 земельного хозяйства с общей площадью более 1726 тыс. га земли 272 крупным латифундиям, располагающим от 1000 и более га, владельцы которых составляют 1,1% общего числа собственников земли, принадлежит 64,7% всей обрабатываемой земли в восьми провинциях горного района. С другой стороны, 13 657 мельчайшим хозяйствам, или так называемым минифундиям, принадлежит всего лишь 27,3 тыс. га земли, или 1,6% всей обрабатываемой площади.

По данным сельскохозяйственной переписи 1954 г., картина неравномерного распределения земли выглядит еще ярче: 241 крупной латифундии размером более 2,5 тыс. га каждая принадлежит 1 600 тыс. га или столько же земли, сколько имеют 329 тыс. мелких и средних хозяйств. В действительности соотношение еще более резкое, так как среди этих 329 тыс. хозяйств 251 тыс. владеют участками менее 5 га и 92 тыс. менее одного га, «таким образом, с одной стороны, 241 крупная латифундия, а с другой, тысячи и тысячи трудящихся деревни не

имеют достаточного количества земли, чтобы вести хотя бы самое жалкое существование»³⁴.

Примерно такое же положение в каждой из восьми провинций. Вот, например, распределение земли в провинции Тунгурауа, по данным сельскохозяйственной переписи 1954 г.³⁵ (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Размер владений (в га)	Число хозяйств	% от об- щего числа	Площадь (в тыс. га)	% от об- щей пло- щади
Менее 4,9	29 435	93,3	31,2	22,2
От 5 до 19,9	1 332	4,2	11,6	8,2
От 20 до 99,9	617	2,0	20,2	14,8
От 100 до 499,9	125	0,4	25,0	17,8
От 500 и более	20	0,1	52,2	37,5
Итого	31 529	100,0	141,0	100,0

Из табл. 2 видно, что 93,3% минифундий владеют всего лишь 22,2% земли, а 20 крупным латифундиям, или 0,1% всех хозяйств, принадлежит 37,5% земли.

Если исследовать распределение земли на душу населения в той же провинции Тунгурауа, то станет ясно, что небольшой клочок земли мелкого и среднего крестьянина недостаточен для поддержания жизни его семьи³⁶.

Т а б л и ц а 3

Группы населения	Число в груп- пе	% от общего числа	Общая площадь (в га)	На ду- шу на- селе- ния (га)
Уасипунгерос	88 029	7,5	60 200	0,7
Общинники (комунерос)	237 071	19,4	99 645	0,4
Исполщики (апарсеорос)	49 967	4,1	54 000	1,1
Поденщики (айудас)	25 907	2,1	—	—
Мелкие собственники	817 011	66,7	761 000	0,9
Помещики	6 297	0,5	1 472 200	233,8

На каждого члена семьи абсолютного большинства сельского населения провинции приходится всего лишь 0,4—1,1 га земли, тогда как на каждого члена помещичьих семей — по 233,8 га.

Существуют самые различные формы эксплуатации крестьянства, хотя все они сводятся к трем основным, присущим феодальному или полufeодальному способу производства: натуральной, отработочной или денежной ренте, взимаемой помещиком с крестьянина. Наиболее распространенными формами эксплуатации являются: «уасипунгеро», «партидарио», «апарсеро», «йананеро», «сембрадор» и «колоно».

В горных районах уасипунгеро — наиболее массовая форма эксплуатации крестьян. Вот как определяется эта система в отчете СЕПАЛ об экономическом развитии Эквадора.

Уасипунгеро — самый распространенный тип сельскохозяйственного рабочего в крупных поместьях Сьерры (горного района) и, согласно действующему законодательству, получает возмещение за свой труд частично в денежной форме как поденщик, частично в форме пользования земельным участком уасипунго, который выделяется ему помещиком.

Практически денежное вознаграждение сводится к минимуму или просто не выплачивается, так как уасипунгеро обязан отработать определенное количество дней в неделю (обычно четыре) за пользование parcelлой, или уасипунго, имея право в остальное время обрабатывать свой участок или наниматься на работу к помещику за очень низкую плату. Считается, что уасипунгеро может быть уволен помещиком или закреплен за помещьем на неограниченное время за долги перед хозяином, а в случае продажи поместья должник переходит в собственность нового хозяина земли. Можно сказать, что уасипунгеро является разновидностью «крепостного крестьянина»³⁷⁻³⁸.

Под натиском революционной борьбы трудящихся масс эквадорское правительство было вынуждено принять закон о регулировании заработной платы уасипунгеро, устанавливая минимальную денежную плату 3 сукре в день и размер участка, который «должен иметь величину в зависимости от размеров поместья, качества земель, характера производимых продуктов и т. д.»³⁹. Однако, как правило, латифундисты не считают с законодательством, и положение уасипунгеро зависит только от желания и воли их хозяев.

В цитируемой нами книге «Тунгурауа» — исследовании, проведенном эквадорским Институтом антропологии и географии, отмечается, что «ни в одном поместье не соблюдается 8-часовой рабочий день для уасипунгеро, установленный законодательством о труде. Уасипунгеро работает почти 24 часа

«Земля или смерть» требуют участники Конгресса Федерации индейцев Эквадора в 1962 г.

в сутки... Уасипунгеро не знает своих прав. Хозяин забывает свои обязанности»⁴⁰.

По данным эквадорской статистики, годовой доход семья уасипунгеро равняется примерно 940 сукре или менее 3 сукре в день на всю семью, менее 60 сентаво⁴¹ на каждого члена семьи. Сравнивая этот доход с расходами государства на военные нужды, можно сказать, что государство тратит более 3 сукре в день на содержание каждой лошади эквадорской армии⁴².

Кроме отработочной ренты, уасипунгеро обязан исполнять целый ряд дополнительных повинностей в пользу помещика. Основной из них является так называемая уасикамия — предоставление услуг уасипунгеро в городском или сельском доме помещика. Как правило, в порядке устанавливаемой помещиком очереди каждая семья уасипунгеро обязана отработать в течение месяца и более в доме помещика. Глава семьи уасипунгеро получает небольшое возмещение за труд всей семьи. Женщины доят коров помещика, доставляют в поместье воду и дрова, стирают белье, готовят пищу слугам и т. д.

Помимо уасикамии, имеется еще целый ряд повинностей, которые обязаны нести уасипунгеро. Очень распространенной формой замаскированной эксплуатации являются ежегодные

подарки крестьян своему помещику, или «камарис». В день святого покровителя данного поместья крестьяне «дарят» помещику определенное количество продуктов из своих запасов, помещик в свою очередь угощает крестьян алкогольными напитками, спаявая их.

В исследовании «Индийское население провинции Чимборасо» приводится случай, когда один из помещиков получил в качестве дара 2131 яйцо, 52 курицы, 45 куйев⁴³; в свою очередь он «подарил» индейцам три бочки чичи и десять литров спирта⁴⁴.

Другой группой безземельных крестьян являются так называемые арендаторы, или «арримадос». Если положение уасипунгиро в какой-то мере определяется трудовым законодательством, то положение арримадо основывается на устной сделке между помещиком и безземельным крестьянином, которому «сдается в аренду» небольшой клочок земли, за что крестьянин должен отработать на помещика три дня в неделю, 12 дней в месяц, 144 дня в год, не получая никакой платы.

Следующая социальная группа — это «партидариос», или «апарсерос».

Положение апарсеро, или издольщика, не лучше, чем уасипунгиро. Кроме уплаты помещику половины урожая, он обязан содержать еще и наемных рабочих, а также, «по уставившемуся обычаю, обязуется, кроме уплаты половины урожая, отработать на хозяина определенное количество дней». Участки, сдаваемые в аренду апарсеро, не намного превышают размеры уасипунго. «Апарсерия состоит в том, что помещик дает землю апарсеро, но не дает ему сельскохозяйственных орудий, в лучшем случае иногда дает семена, а урожай должен делиться пополам между апарсеро и помещиком, т. е. собственность на землю позволяет последним вести паразитическое существование за счет труда других»⁴⁵.

Наиболее эксплуатируемой группой являются «йанашеро», или «айуда», положение которых можно охарактеризовать так: йанашеро, или айуда, — человек, работающий определенное количество дней в неделю в качестве возмещения за некоторые блага, которые он получает от хозяина⁴⁶. Обычно это «свободные» крестьяне, которые за пользование пастбищами, водой или дровами из лесов и рек, принадлежащих помещику, отработывают в его поместье несколько дней в неделю. Труд «сембрадорес» и «колонос» — применяется на кофейных, банановых и рисовых плантациях прибрежных районов. Отношения между ними и собственниками земли основываются также на основе отработочной, натуральной или денежной ренты. «На побережье положение такое же: арендная плата основывается на разделе урожая. Крестьяне Косты (прибрежного района)

Дети трудящихся

знают, какое проклятье висит над сембрадорес, работающих на рисовых полях... Конечно, крестьянин Косты живет лучше индейца Сьерры. Но и он живет не в раю. Та же нищета, та же бедность, такое же отчаяние»⁴⁷.

Если в горных районах практически не существует наемных сельскохозяйственных рабочих, то в прибрежных районах их много. К числу таких рабочих по трудовому законодательству принадлежит «дестахеро», или сдельщик, и «хорналеро» — поденщик. Эти две категории получают возмещение за свой труд исключительно в денежной форме.

Наряду со всеми этими формами крепостной и полукрепостной зависимости крестьян, существует большая группа мелких и средних собственников земли. В провинциях Манаби, Боливар, Тунгурауа и Асуай сохранилось значительное число крестьян, имеющих в своей собственности небольшие участки земли. На каждого члена семьи мелкого собственника провинции Тунгурауа приходится всего лишь по 0,9 га земли. Положение этих крестьян не слишком отличается от асигунгера, хотя они представляют основную группу трудящихся всего горного района⁴⁸ (см. табл. 3).

Мелкие и средние крестьяне также эксплуатируются крупными помещиками и всякого рода посредниками: кредитными

банками, торговыми, финансовыми и налоговыми организациями. Незначительное количество продуктов, получаемых с небольшого участка, отсутствие кооперированного сбыта продукции не дает им возможности конкурировать с крупными производителями.

Недостаток средств, необходимых даже для простого воспроизводства, толкает мелкого собственника в лапы ипотечных банков, к залому земли. При неуплате в срок долга участок должника продается с аукциона и переходит в руки помещика, покупающего его за бесценок.

В условиях преобладающего в стране крупноземельного хозяйства земли мелких собственников являются островками среди огромных латифундий, владельцы которых покушаются на земли крестьян. В Эквадоре известно много случаев, когда крупные помещики ограждали колючей проволокой целые районы, отрезая их от внешнего мира. Существовая рядом с латифундистами, мелкие и средние крестьяне вынуждены просить у них разрешения на право пользования дорогами, пастбищами, водами и отработывать за это определенное число дней в усадьбе помещика. Узаконена специальная регламентация различных форм отработок, как например, за пользование пастбищами, водой, за сбор дров, за пользование дорогами и т. д.

В проекте программы Коммунистической партии Эквадора говорится: «Мелкий и средний крестьянин, привозя на рынок собранный ими урожай риса, кофе, какао, хлопка и т. д., встречаются с ростовщиком или капиталистом (это то же самое), которые скупают у них продукты по ценам, ими устанавливаемым, и чинят им всяческий ущерб. Крестьяне получают кредиты только под ростовщический процент и попадают в лапы ростовщика.... В итоге возникают тысячи и тысячи судебных тяжб против крестьян, в результате которых крестьяне теряют землю, а это приводит к ликвидации мелких собственников, существующих еще в некоторых провинциях»⁴⁹.

Отдельной социальной группой в сельском хозяйстве Эквадора стоят «комунерос», или крестьяне-индейцы, объединенные в коммуны, сохранившие некоторые характерные черты общины айлью. Все земли коммун делятся на две части: а) земли, обрабатываемые коллективным трудом членов коммуны; б) земли, подлежащие ежегодному переделу между отдельными семьями членов коммун. Почти все существующие коммуны сохраняют семейные наделы.

Безземелье, бесправие, голод, нищета эквадорского крестьянства толкают его на борьбу против эксплуатации, за землю, за аграрную реформу, которая становится основным лозунгом борьбы всех прогрессивных сил Эквадора.

В 1953—1959 гг. возникали крупные восстания крестьян в селениях Поатуч, Пунгала и Сан-Пабло. В 1959—1960 гг. происходят крупные забастовки крестьян и сельскохозяйственных рабочих по всей стране. «За последние годы выступления крестьян развернулись очень широко, особенно это можно сказать о борьбе крестьян-индейцев, которая становится все более решительной и упорной. Имели место забастовки, длившиеся по 12—14 месяцев, во время которых индейцы показали изумительную стойкость»⁵⁰, — отмечал генеральный секретарь ЦК Компартии Эквадора Педро Саад на страницах журнала «Проблемы мира и социализма». Вместе с крестьянами-индейцами на борьбу поднимаются негры-арендаторы плантаций северных районов страны и арендаторы провинций Лоха и др. В борьбу вступают сельскохозяйственные рабочие плантаций, принадлежавших иностранному капиталу. В 1960 г. несколько месяцев бастовали рабочие плантации «Соледад» в провинции Гуайяс, принадлежащей американским компаниям.

В ходе борьбы крестьяне получают поддержку от рабочего класса Эквадора. Конфедерация трудящихся ведет борьбу за создание прочного союза рабочего класса и крестьянства — залога успехов революционной борьбы. В Эквадоре имеется немало примеров такой солидарности между рабочими и крестьянами. В 1959 г. в местечке Кайямбе провинции Пичинча объявили забастовку крестьяне-индейцы. Общее собрание, обсудив обстановку, пришло к выводу, что если крестьяне останутся в селении, то их сопротивление будет сломлено полицией.

Крестьяне решили пойти всем селением в г. Кито и просить помощи у рабочих столицы. В течение 90 дней Федерация трудящихся провинции содержала крестьянские семьи в домах своих членов, организовав сбор средств в пользу бастующих крестьян. Получив поддержку рабочих, крестьяне выиграли забастовку. Аналогичный случай имел место при забастовке сельскохозяйственных рабочих на плантациях Сан-Антонио-дель-Дельта, принадлежащих иностранному капиталу. Бастующие рабочие были отрезаны полицией от всего мира, их пытались сломить голодом. Профсоюзы г. Гуаякиля также организовали помощь своим братьям, и рабочие, прорвав полицейскую блокаду, сумели доставить продовольствие своим товарищам. Забастовка окончилась победой трудящихся.

Коммунистическая партия Эквадора, отмечая бурный рост революционной борьбы эквадорского крестьянства за землю, за аграрную реформу, отмечала в одной из своих листовок: «Если раньше восставали против гнета и произвола помещиков и местных властей лишь отдельные селения и районы, то сейчас восстания охватывают целые провинции страны. Карчи,

Имбабура, Эсмеральдас, Манаби, Чимборасо и другие целиком выступают против правительства олигархии и феодалов, торгующего разрешением самых насущных проблем — воды, света, дорог, школ, больниц, развитие сельского хозяйства...»

Большое влияние на борьбу крестьянства Эквадора за землю оказывает пример Кубинской революции, успешно разрешившей аграрную проблему на Кубе.

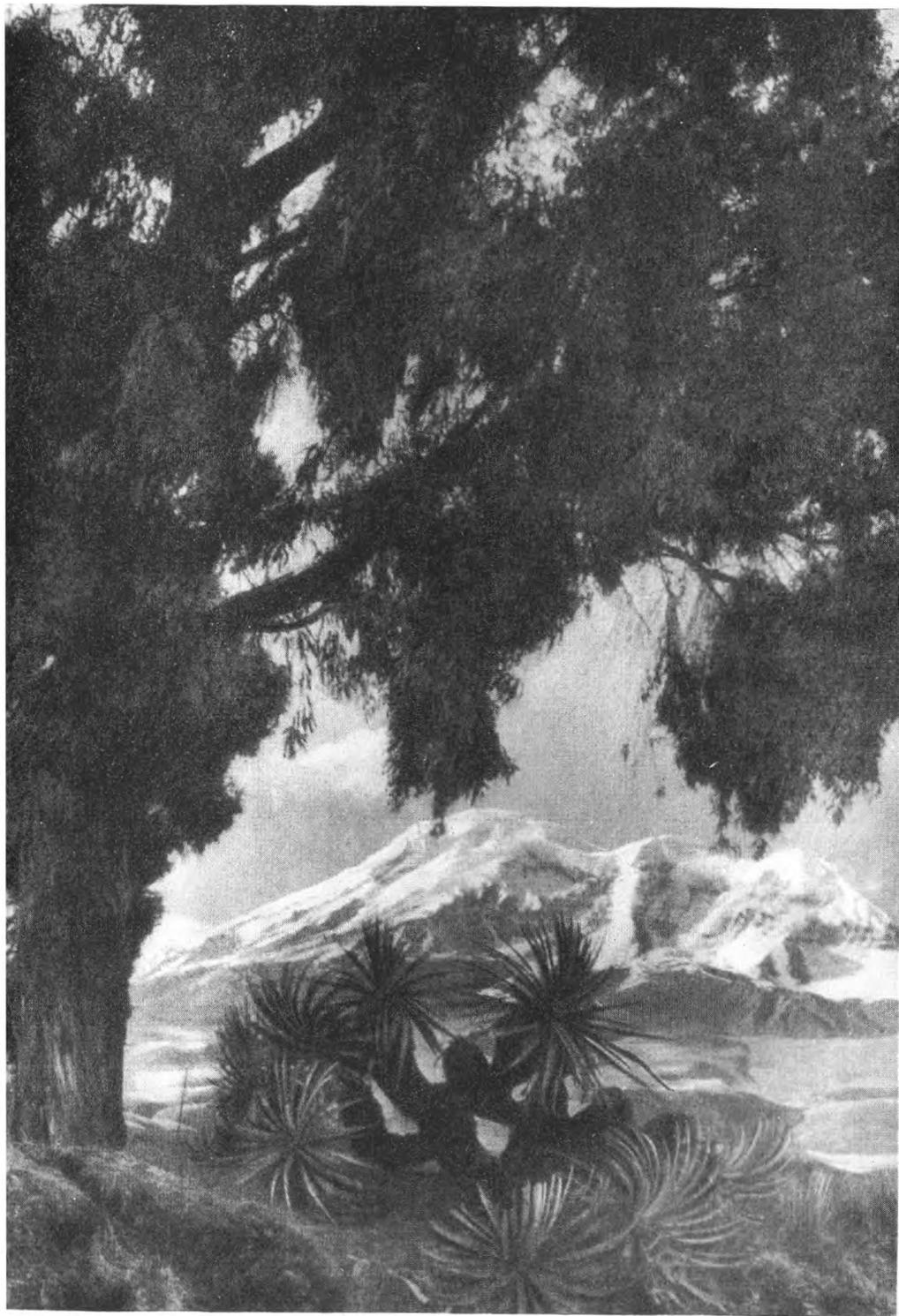
Если прогрессивные силы видят в кубинской аграрной реформе пример решения аграрной проблемы, то реакция видит в ней угрозу для своего существования, и поэтому всеми силами стремится предотвратить развитие революции в Эквадоре, предлагая различные проекты аграрных реформ, проводимых сверху самими правящими классами и в их же интересах.

Программа Компартии Эквадора, принятая на VI съезде партии в 1957 г., давая оценку создавшемуся положению в стране, указывала, что даже реакционные классы, «стремясь затормозить нарастающую революцию в стране, прибегают к демагогии и обману крестьян, болтая о необходимости покончить с феодализмом и латифундизмом, являясь сами его непосредственными представителями, стараются популяризировать планы «колонизации» пустующих земель... имея одно намерение: под маской фальшивых обещаний сохранить и защитить феодализм...»⁵¹.

Один из таких планов колонизации, или освоения пустующих земель и малоосвоенных районов, начал проводиться в жизнь еще с 1945 г., когда на основании Закона о колонизации и пустующих землях, принятого в 1937 г., при Министерстве экономики был создан Департамент пустующих земель и их колонизации. В функции департамента входило: а) управление пустующими землями и ведение их распределением, б) освоение этих земель и в) осуществление функций арбитража по земельным спорам, а также предоставление технической помощи сельскохозяйственным производителям.

Департаменту предоставлялось широкое поле деятельности в области колонизации (освоения) огромных площадей пустующих земель и малоосвоенных районов. Из 30 миллионов га общей земельной площади страны обрабатывается всего лишь 4,5% и около 4,1% заняты натуральными пастбищами, т. е. используются всего лишь 2,6 миллиона га всей земельной площади⁵².

Не пригодны для обработки 15,9% всей земли, 74% земель страны покрыты лесами и представляют собой огромные резервы земельной площади, пригодной для освоения при условии проведения некоторых работ, как-то: использования системы подсечного земледелия и раскорчевывания лесных массивов, не представляющих производственной ценности. Кроме того,

Вид на гору Чимборасо

Лагуна Кольта у подножья горы Чимборасо

имеется около 0,5 млн. га земли, пригодной для обработки при условии орошения, борьбы с эрозией и строительства путей сообщения. Все эти земли могли бы служить широким полем деятельности для департамента колонизации.

Однако с первых же дней своей работы департамент столкнулся с рядом больших трудностей. Обнаружилось, во-первых, что значительное количество этих земель (причем никто не знает какое, так как в стране не существует никакой переписи и учета земель) принадлежит частным владельцам и не подлежит ведению департамента, а, во-вторых, — другая часть принадлежит государству, и департамент также лишен права распоряжения ею, ибо она подлежит ведению департамента социального обеспечения. Таким образом, департамент колонизации остался без земель, освоением которых он должен был заведовать.

С 1945 г. по 1950 г. департамент распределил во временное и окончательное пользование всего лишь 135,8 тыс. га. Распределение земель производилось на основе заявлений просителей, поддержанных административными и общественными властями района, в которых предоставляются земли. В связи с этим наблюдалось множество случаев злоупотреблений и спекуляции земельными участками.

Раздел земли должен был сопровождаться оказанием технической помощи лицам, получающим земельные участки. С этой целью в 1954 г. правительство Эквадора подписало соглашение с Межамериканской сельскохозяйственной корпоративной службой (ССИА), предусматривающее оказание технической и административной помощи эквадорским организациям, ведающим распределением земель.

Кроме того, в стране была изменена и система управления пустующими землями. Из ведения Департамента пустующих земель они перешли в ведение Национальной сельскохозяйственной палаты, при которой была создана серия специализированных учреждений, занимающихся развитием той или иной отрасли сельского хозяйства: ИНЕКАФЕ — занимается развитием производства кофе; АНВЕ — производством бананов; АНКО — пропагандой овцеводства; КОНДАЛ — хлопка и т. п.⁵³

Однако, несмотря на значительное число различных учреждений, занимающихся распределением земли, за период с 1955 по 1959 г. было распределено всего лишь 195,4 тыс. га, т. е. распределялось в среднем по 39 тыс. га в год, а стоимость содержания всех этих бюрократических организаций только в 1959 г. обошлась эквадорскому народу около 6,5 млн. сукре⁵⁴. Таким образом, планы развития и освоения пустующих земель обходятся очень дорого эквадорскому народу, который и не

участвует в их распределении, хотя все это делается с «благими намерениями» улучшить уровень жизни крестьянина и создать класс мелких сельскохозяйственных производителей, «способствовать улучшению и процветанию сбыта сельскохозяйственных продуктов, содействовать созданию горизонтальной (освоение новых земель) и вертикальной (переселение старых земель) экономической целостности страны»⁵⁵, развитию крестьянских общин и т. д.

По признанию Национальной хунты планирования и экономической координации, исполнение планов страдает такими серьезными дефектами как... «передача земель в постоянное пользование, в результате чего государство навсегда теряет право на эти земли; плохое использование земель, которые распределяются без учета экономических и районных особенностей; земли раздаются без всякого отбора заявлений по экономическим и социальным признакам; существует спекуляция распределяемыми землями; создаются фиктивные кооперативы с единственной целью прибрать к рукам государственные земли»⁵⁶.

Автору этой статьи во время его пребывания в Эквадоре в августе-сентябре 1961 г. удалось видеть проведение в жизнь части плана колонизации «пустующих» земель в районе Санто-Доминго-де-лос-Колорадос. 20 августа 1961 г. автор присутствовал при вручении грамот на владение землей общинам индейцев племени колорадо, населяющих этот район. В присутствии министров, чиновников, ведающих распределением земли, иностранных гостей, после длинных торжественных речей президент Веласко Ибарра вручил девяти индейским общинам грамоты, в которых подписями президента Республики и министра экономики удостоверялось, что 460 семей индейцев племени колорадо «получают» право владеть 11 149 га земли, которой испокон веков владели их предки без всяких грамот.

Кроме планов колонизации, в плане экономического развития признается, «что страна остро нуждается в пересмотре ее аграрной структуры, но тут же делается оговорка, что к «такому сложному и трудному вопросу» нужно подходить со всей ответственностью. Предполагается выкупить латифундии у частных владельцев, раздробить их, а затем перепродать крестьянам.

В плане излагается сущность политики государства в области аграрной реформы и говорится, что проведение реформы необходимо начинать с земель, принадлежащих государству. на основе специальных изысканий, которые с 1962 г. должны проводиться экспертами специального фонда Организации Объединенных Наций. По мнению Хунты, необходимо разработать и принять закон об аграрной реформе, а для этого пред-

Индейцы племени колорадо в районе Санто-Доминго-де-лос-Колорадос.

варительно изучить такие понятия как «латифундия», «минифундия», произвести классификацию земель и земельных владений, систему возмещений за экспроприированные земли и т. д., и затем осторожно говорится, что лишь в «крайних случаях на первом этапе осуществления аграрной реформы прибегать к экспроприации излишков земель, находящихся в частной собственности». План считает, что до начала проведения аграрной реформы необходимо подготовить население к его осуществлению путем обучения крестьян грамоте, подготовки техников и специалистов. По плану даже предусматривается возможность привлечения в Эквадор значительного числа иммигрантов — «крестьян с высоким уровнем развития, которые могли бы выполнить роль надсмотрщиков и управляющих в поместьях Сьерры и Косты и служить примером для местных крестьян»⁵⁷.

Таким образом, можно сказать, что эквадорские латифундисты могут быть спокойными. Их владениям в течение долгого времени ничто не угрожает. Эквадорское государство действует в соответствии с рекомендациями различных планов и проектов реформ, подготавливаемых для латиноамериканских стран в Соединенных Штатах Америки. Ведь «План немедлен-

ного развития», предлагаемый Хунтой планирования и экономической координации, составлен по рецепту «Союза ради прогресса» и обрекает эквадорское крестьянство на пассивное ожидание благ от реформистской деятельности правящих классов.

Это хорошо понимают прогрессивные деятели Эквадора и других стран Латинской Америки, ищущие действенных путей разрешения коренной проблемы существования своих народов. Видный чилийский экономист Педро Тейшер в статье «Экономическая революция и индустриализация Латинской Америки», давая оценку планам американской «помощи» латиноамериканским странам пишет, что «будущий путь для перестройки экономики стран Латинской Америки очень тернист. И он будет таким до тех пор, пока США будут считать, что раздел крупных частных латифундий является коммунизмом. Но без такой радикальной реформы в большинстве стран Латинской Америки почти невозможен прогресс, и чем дальше откладываются основные преобразования в экономической структуре латиноамериканских стран, тем более жестокими будут неизбежные революции»⁵⁸. Эквадорские помещики-латифундисты и крупная буржуазия, напуганные размахом революционной борьбы крестьянских масс, оказываются вынужденными признавать на словах необходимость аграрной реформы и в то же время всеми силами стремятся сохранить нетронутыми свои латифундии, не мешать проникновению империалистов в экономику страны, сохранить и укрепить, обманывая народ, свое экономическое и политическое господство.

Критикуя проекты таких «реформ» Коммунистическая партия Эквадора указывает: «Называют аграрной реформой вручение грамот на владение землей индейцам Санто-Доминго-делос-Колорадос, грамот на земли, которыми они владели сотни лет тому назад, на земли, урезанные помещиками-феодалами. Или называют аграрной реформой так называемые «планы развития» Института колонизации, которые ничего не решают, или попытки распродажи земель... Все эти планы предпринимаются правящими кругами потому, что они испытывают неуверенность, так как видят, что трудящиеся ставят вопрос об аграрной реформе перед своей партией, оплотом революционной борьбы рабочих и крестьян, и что эти требования приближают себе дорогу»⁵⁹.

Народ Эквадора не желает ждать кудрых реформ сверху, он сам берется за проведение в жизнь демократической аграрной реформы, которая ограничила бы размеры латифундий, конфисковала лишние и необрабатываемые земли, предоставила крестьянству возможность получения кредитов на льготных условиях для закушки машин и семян и тем самым положила бы конец уродливой полуфеодальной системе аграрных

Столица Эквадора Кито — город церквей

отношений в стране. Вместе с тем народ Эквадора требует проведения в жизнь планов индустриализации страны, создания национальной промышленности, которая способствовала бы расширению внутреннего рынка для сельскохозяйственных продуктов.

Эти требования находят свое отражение в решениях Первой национальной конференции крестьян, состоявшейся 15 октября 1960 г. в городе Амбато. Конференция, представляющая абсолютное большинство крестьян и сельскохозяйственных рабочих страны, разработала и приняла «Основные положения аграрной реформы», в которых от имени всех тружеников села провозглашаются основные цели аграрной реформы:

1. Положить конец нищете и поднять уровень жизни крестьянства, составляющего абсолютное большинство населения Эквадора.

2. Покончить с господством латифундий и феодального способа производства в сельском хозяйстве и ликвидировать последствия этого господства в экономике страны.

3. Содействовать развитию национальной промышленности путем расширения внутреннего рынка и снабжения промышленности достаточным количеством дешевого сырья.

4. Содействовать разрешению проблемы растущей безработицы в стране.

5. Поднять производительность труда и снизить цены на предметы первой необходимости, что позволит улучшить условия жизни всего народа⁶⁰.

Эта справедливая программа подлинно демократической аграрной реформы отвечает интересам большинства эквадорского народа, который, видя в ней осуществление своих вековых чаяний, борется за ее реализацию.

В поддержку решений первой национальной конференции крестьян выступают: Федерация эквадорских индейцев, Федерация сельскохозяйственных рабочих побережья, Национальный совет крестьян и Конфедерация трудящихся Эквадора. Борьбу крестьян и рабочих за аграрную реформу поддерживают: Революционный союз эквадорской молодежи, Федерация студентов университета Эквадора, Национальный союз работников просвещения, Демократическая федерация учащихся средних школ, Революционное университетское движение, Народно-революционное движение — единый народный фронт, объединяющий Коммунистическую партию, социалистическую революционную партию, и другие прогрессивные партии и организации страны, словом, абсолютное большинство народа.

Лишь небольшая кучка помещиков-латифундистов и их ставленников в правительстве Эквадора сопротивляется осуществлению аграрной реформы.

«Народ требует аграрной реформы, передачи земли крестьянам, а на его требования отвечают расстрелом индейцев в Колумбии; поддержкой земельных магнатов, которые не платят заработной платы индейцам; арестами крестьян в Вильянуэва и в Лос-Риос; арестами руководителей крестьян»⁶¹, — говорится в обращении Коммунистической партии к эквадорскому народу.

Эквадорский народ, возмущенный антинародной политикой правительства Веласко Ибарра, восстал против этого правительства.

Одновременно был дан отпор реакции, пытавшейся установить в стране военную диктатуру, и оказана всенародная поддержка Карлосу Хулио Аросемена — новому президенту страны, на правительство которого эквадорский народ возлагал свои надежды.

Расширенный пленум ЦК Компартии Эквадора, состоявшийся в декабре 1961 г., давая оценку правительству Аросемены, указывал, что его правительство, «возникнув из народного движения... должно понять свою историческую роль, бороться за разрешение национальных проблем, принять меры для удовлетворения чаяний рабочих, служащих, ремесленни-

На собраниях были выработаны и одобрены мероприятия, требующие неотложного решения:

1. Повышение заработной платы уасипунгерос до 5 сукре в день и до 10 сукре для наемных рабочих;

2. Немедленная отмена всех феодальных повинностей индейцев; ликвидация долговой задолженности индейцев помещику, которая, переходя из поколения в поколение, превращает их в рабов.

3. Немедленная и бесплатная передача уасипунго в собственность уасипунгерос.

4. Отмена налогов, взимаемых с крестьянских общин, и возвращение им отнятых земель.

5. Национализация водных ресурсов, необходимых для орошения крестьянских земель.

6. Строительство школ в сельской местности.

7. Всеобщее избирательное право.

16 декабря 1961 г. более 20 тыс. крестьян-индейцев со всех концов горных районов страны вышли в поход «за аграрную реформу», направляясь к столице Кито, где состоялась грандиозная демонстрация, главным лозунгом которой было «земля тем, кто ее обрабатывает».

Демонстрация крестьян была поддержана рабочим классом столицы.

Правительство Аросемены было вынуждено пообещать народу и крестьянам немедленно удовлетворить их требования и передать на рассмотрение Национального конгресса Эквадора проект закона о передаче уасипунго в собственность уасипунгерос.

Однако при попытке осуществить эти справедливые требования крестьян-индейцев правительство Аросемены встретило яростное сопротивление помещиков-латифундистов. В листовке КПЭ, опубликованной в январе 1962 г., отмечалось: «Напуганная декабрьскими демонстрациями индейцев и крестьян... реакция замышляет переворот⁶³. На это же указывала боливийская газета «Ла Насьон» в статье, посвященной проблеме «уасипунго» в Эквадоре, подчеркивая, что обещания правительства Аросемены удовлетворить требование индейцев «...вызывали ответную реакцию помещиков, не желающих добровольно отдавать свои земли уасипунгерос...»⁶⁴. В стране создается блок национальной реакции, выступающей против прогрессивной внешней и внутренней политики Аросемены. Местную реакцию поддерживают американские империалисты, которые не могут простить Аросемене его выступления в поддержку Кубинской революции на совещании министров иностранных дел стран Организации американских государств

В декабре 1961 г. на улицах столицы Эквадора — Кито — появились многочисленные демонстранты, требующие проведения аграрной реформы. Женщины-участницы демонстрации.

в г. Пунта-дел-Эсте в январе 1962 г. Реакционным силам удалось совершить в марте 1962 г. переворот в Эквадоре и заставить Аросемону разорвать дипломатические отношения с Кубой и приостановить использование обещаний аграрной реформы, данных им в декабре 1961 г.

В Эквадоре вновь усилилась волна репрессий против растушего крестьянского движения. В марте 1962 г. забастовали рабочие банановых плантаций «Тенгель» в провинции Гуаяс, принадлежащих американской монополии «Юнайтед Фрут Компани», действующей в Эквадоре под флагом «Эквадорской банановой компании». Против бастующих рабочих, требующих повышения заработной платы и улучшения условий труда, были брошены полицейские отряды и войска, открывшие огонь.

Управляющий компании сообщал, что положение на плантациях очень серьезное, так как рабочие не отступают перед атаками вооруженных полицейских, защищая подступы к плантациям⁶⁵.

В программе Компартии Эквадора говорится: эквадорский народ борется за осуществление национально-освободительной революции, которая принесет с собой разрешение таких вопросов, как «...достижение подлинной политической независимости страны, осуществление демократической аграрной реформы и ликвидации феодальных пережитков, что подорвет основы экономического господства американского империализма, даст толчок развитию национальной промышленности, приведет к улучшению уровня жизни народа, демократизации общественной жизни, проведению независимой внешней политики, основанной на принципах мира и дружбы со всеми народами, развитию экономического и культурного сотрудничества со странами Латинской Америки, странами социалистического лагеря и со всеми странами мира». Программа КПЭ подчеркивает, что «...эквадорский народ твердо идет по этому пути»⁶⁶.

Приложение

РЕШЕНИЯ ПЕРВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КРЕСТЬЯН ЭКВАДОРА «ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ»

(15 октября 1960 г., г. Амбато)

I. Основными целями аграрной реформы является:

- а) положить конец нищете и поднять уровень жизни крестьянства, составляющего абсолютное большинство населения Эквадора;
- б) покончить с господством латифундий и феодального способа производства в сельском хозяйстве и ликвидировать последствия этого господства в экономике страны;
- в) содействовать развитию национальной промышленности путем расширения внутреннего рынка и снабжения промышленности достаточным количеством дешевого сырья;
- г) содействовать разрешению проблемы растущей безработицы в стране;
- д) поднять производительность труда и снизить цены на предметы первой необходимости, что позволит улучшить условия жизни всего народа.

II. В чем состоит аграрная реформа?

Аграрная реформа состоит в разрушении латифундий как формы земельной собственности и передаче земли крестьянам по принципу «землю тем, кто ее обрабатывает».

III. Земли, подлежащие разделу по аграрной реформе. Ограничение земельной собственности. Передача земли крестьянам.

1. Будут распределены по аграрной реформе:

- а) поместья, принадлежащие государству и его учреждениям;

б) частные латифундии, независимо от характера их принадлежности национальным или иностранным гражданам;

в) пустующие и необрабатываемые земли.

2. Не подлежат действию закона об аграрной реформе:

а) земли мелких собственников;

б) земли, занятые уасипунгерос, арримадос, арендаторами, использующими и другими крестьянами; эти земли будут переданы в бесплатное пользование тем, кто их обрабатывает в соответствии с нижепоименованными нормами;

в) земли индейских общин и других крестьянских объединений;

г) земли колоний и кооперативов мелких собственников;

д) земельная собственность, предназначенная для промышленных нужд;

е) земли, предназначенные для животноводства, которые подлежат специальному изучению с тем, чтобы не нарушить снабжение населения продуктами животноводства;

ж) земли, предназначаемые для пополнения резервов лесного хозяйства.

3. Максимальная площадь земельных владений на побережье не должна превышать 400 (четырёхсот) га; максимальная площадь земельных владений в районах нагорья будет определена по каждому району отдельно в соответствии с качеством земель и условиями их орошения. Все излишки земель, превышающих эти размеры, будут экспропрированы государством.

4. Земли, экспроприированные у вышеупомянутых собственников, передаются крестьянам в следующих формах:

А. Каждый крестьянин бесплатно получает земельный надел. Этот надел в районах побережья будет равен 50 га, в горных районах площадь надела будет определена по каждому району отдельно, в соответствии с качеством земель и условиями их орошения, но обязательно удовлетворяя нужды крестьянской семьи, развития производства и улучшения уровня жизни крестьянина.

Б. Указанные наделы получают в бесплатное пользование:

а) крестьяне, занимающие земли в качестве уасипунгерос, издольщиков, арримадос, арендаторов, сембрадорес, колонов, обрабатывающих пустующие земли;

б) наемные сельскохозяйственные рабочие поместий;

в) безземельные или малоземельные крестьяне, населяющие данные районы;

г) безработные городов, изъявляющие желание обрабатывать землю своим трудом.

В. Получают землю в бесплатное пользование:

а) муниципалитеты сельских районов, испытывающие в ней нужду;

б) крестьянские общества, стремящиеся создать кооперативы для разведения своего скота;

в) уасипунгерос, издольщики, арендаторы, арримадос, сембрадорес и другие лица, не владеющие земельной собственностью, получают в бесплатное пользование земельные наделы в местах их жительства; в случае, если занимаемый ими в настоящее время земельный участок меньше по размеру устанавливаемой нормы, они получат дополнительные наделы земли; если занимаемый участок превышает установленный минимум, эти лица имеют право выкупить у государства излишки земли по устанавливаемым ценам с рассрочкой платежей на двадцать лет.

IV. Порядок возмещения за экспроприированные земли:

1. В соответствии с вышеизложенными принципами земля передается крестьянам бесплатно. Земля передается от имени государства, которое экспроприрует латифундии.

2. Частные собственники земель получают возмещение за экспроприированные участки в следующей форме:

а) стоимость земель устанавливается в соответствии с оценочной стоимостью, определяемой муниципалитетами;

б) соответствующая сумма будет выплачена в бонах в течение двадцати лет.

3. Не выплачивается возмещение собственникам усадеб за земли, занятые уасипунтерос, исполщиками, арримадос, арендаторами, сембрадорес и другими безземельными крестьянами.

4. Теряют право на получение возмещения:

а) собственники земель, отнятых у крестьян и крестьянских общин;

б) помещики, которые окажут сопротивление проявлению народной воли, все те, кто развяжет борьбу против крестьян и народа, осуществляющих аграрную реформу.

V. Национализация всех водных ресурсов, для орошения земель и их распределение.

1. Все водные ресурсы объявляются собственностью государства.

2. Никто не может иметь в личной собственности водные ресурсы в количестве большем, чем это необходимо для орошения его личного участка, все излишки воды переходят в собственность государства без всякого возмещения за их конфискацию.

3. Государство осуществляет бесплатное распределение между крестьянами воды для нужд орошения в соответствии с их потребностями.

4. Признается право общин и мелких крестьян на пользование водами.

5. Государство разработает план орошения земель в целях удовлетворения нужд крестьянства.

VI. Отмена феодальных повинностей:

уничтожение латифундий и феодальных производственных отношений приведет к отмене феодальных повинностей, лежащих на крестьянстве. Однако необходимо особо подчеркнуть необходимость полного уничтожения таких феодальных повинностей как уасикамиа, церковная десятина и им подобные, которые запрещаются и не могут существовать ни под каким предлогом.

VII. Признание прав общин на общинные земли. Возвращение отрезанных земель индейским общинам и вообще крестьянским общинам.

VIII. Кредит. Техническая помощь. Жилища. Медицинское обслуживание. Дороги. Культура.

Все крестьянство будет пользоваться следующими благами:

1. Отмена земельного налога с земель мелких собственников. облагаются налогом только земельные наделы стоимостью выше 30 тыс. сукре.

2. Предоставление отдельным крестьянам и объединениям крестьян кредитов на долгий срок и под низкий процент.

3. Создание новых рынков сбыта для экспортных сельскохозяйственных продуктов путем развития торговых отношений со всеми странами мира, особенно с теми, которые платят более высокие цены за сельскохозяйственные продукты.

4. Действенная техническая помощь государства путем создания технических центров в районах земледелия и животноводства.

5. Предоставление крестьянским семьям жилищ, отвечающих правилам санитарной гигиены, питьевой воды, электроэнергии, медицинской помощи, культурных учреждений и т. д.

6. Бесплатное медицинское обслуживание; строительство одной больницы в районах и амбулатории в каждом селе.

7. Осуществление планов дорожного строительства, связывающих центры производства и потребления.

8. Строительство сети сельских школ.

9. Осуществление специального краткосрочного плана ликвидации неграмотности в стране.

10. Признание для школ горных районов языка кечуа в качестве основного, наряду с испанским.

IX. Создание кооперативов.

1. По мере передачи земель в личное пользование крестьян, государство будет поощрять создание кооперативов, предоставляя им особую помощь.

2. Организация кооперативов будет проводиться на строго добровольном принципе вовлечения крестьян.

3. Государство будет продолжать оказывать помощь некооперированному крестьянству.

4. Государство будет содействовать превращению крестьянских общин в производственные кооперации на основе добровольных желаний крестьян.

X. Государственные организации по проведению аграрной реформы:

1. Государственный институт аграрной реформы, который возьмет на себя проведение ее в жизнь.

2. Государственный институт аграрной реформы будет исполнять следующие функции:

а) изучение и планирование сельскохозяйственных ресурсов страны в целях проведения в жизнь закона об аграрной реформе;

б) пересмотр прав на земельную собственность, ее эксплуатацию и владения земель;

в) распределение и раздел земель в соответствии с нормами, устанавливаемыми законом об аграрной реформе;

г) организация и осуществление технической и экономической помощи крестьянству в целях исполнения закона об аграрной реформе.

3. Персонал Государственного института аграрной реформы будет сформирован из представителей крестьянства побережья и горных районов.

4. Государственный институт аграрной реформы для исполнения своих функций имеет в своем составе следующие отделы: финансов, кредита, планирования и технической помощи; народного образования и социальной помощи, статистического управления и юридической консультации.

¹ Кока — вид растений семейства кокаиновых — небольшие кустарники, распускающие в горах Южной Америки. Из листьев кока добывается кокаин.

² O. E. Reyes. Breve historia del Ecuador. Quito, 1949, p. 45.

³ O. E. Reyes. Op. cit., p. 46—47.

⁴ L. Benitez. Ecuador: Drama y Paradoja. México, 1950, p. 90.

⁵ Ibid., p. 107.

⁶ L. Benitez. Op. cit., p. 90.

⁷ L. Benitez, Op. cit., p. 108.

⁸ Ibid., p. 109.

⁹ L. Benitez. Op. cit., p. 106.

¹⁰ L. Benitez. Op. cit., p. 106.

- ¹¹ C. G. Mayorga. La reforma agraria en el Perú. Lima, 1957, p. 66—67.
- ¹² O. E. Reyes. Op. cit., p. 186.
- ¹³ C. G. Mayorga. Op. cit., p. 56.
- ¹⁴ O. E. Reyes. Op. cit., p. 188.
- ¹⁵ O. E. Reyes. Op. cit., p. 189.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ O. E. Reyes. Op. cit., p. 191.
- ¹⁸ Ibidem.
- ¹⁹ L. Benitez. Op. cit., p. 111.
- ²⁰ O. E. Reyes. Op. cit., p. 117.
- ²¹ O. E. Reyes. Op. cit., p. 117.
- ²² L. Benitez. Op. cit., p. 112.
- ²³ O. E. Reyes. Op. cit., p. 198—199.
- ²⁴ O. E. Reyes. Op. cit., p. 198—199.
- ²⁵ L. Benitez. Op. cit., p. 124—125.
- ²⁶ L. Benitez. Op. cit., p. 194.
- ²⁷ L. Benitez. Op. cit., p. 210.
- ²⁸ Osvaldo Albornoz P. Semblanza de José Peralta. Quito, 1960, p. 43.
- ²⁹ S. Ramos. Rasgos salientes de la tragedia historica de noviembre de 1922. Guayaquil, 1958, p. 4.
- ³⁰ O. E. Reyes. Op. cit., p. 532.
- ³¹ A. P. Diezcanseco. Historia del Ecuador. Quito, 1958, vol. IV, p. 280.
- ³² P. Saad. La revolución ecuatoriana y sus características. Suplemento de «Bandera Roja», septiembre de 1961, p. 58.
- ³³ Desarrollo económico del Ecuador. Mexico, 1954, p. 75.
- ³⁴ P. Saad. La reforma agraria en el Ecuador. «Bandera Roja», N 1, 1960, p. 10.
- ³⁵ Tungurahua. Quito, 1961, p. 255.
- ³⁶ Tungurahua. Quito, 1961, p. 289.
- ^{37—38} Desarrollo económico del Ecuador, p. 77.
- ³⁹ L. Gordillo. El derecho del trabajo al alcance de los trabajadores. Quito, 1960, p. 203—204.
- ⁴⁰ Tungurahua, p. 282.
- ⁴¹ Сентаво — $\frac{1}{100}$ сукре.
- ⁴² P. Saad. La reforma agraria en el Ecuador, «Bandera Roja», N 1, 1960, p. 13.
- ⁴³ Куй — мелкое домашнее животное из семейства грызунов.
- ⁴⁴ P. Saad. Op. cit., p. 13.
- ⁴⁵ Ibid., p. 15—17.
- ⁴⁶ L. Gordillo. Op. cit., p. 203.
- ⁴⁷ P. Saad. Op. cit., p. 14.
- ⁴⁸ Tungurahua, p. 288.
- ⁴⁹ Proyecto del programa del Partido Comunista del Ecuador. Quito, 1961, p. 19.
- ⁵⁰ «Проблемы мира и социализма», 1961, № 3, стр. 79.
- ⁵¹ Democracia, independencia y Paz para el pueblo del Ecuador. Quito, 1957, p. 14.
- ⁵² Desarrollo económico del Ecuador, p. 43.
- ⁵³ Plan inmediato del desarrollo. Junta nacional de planificación y coordinación económica, t. II. Quito, 1961, p. 12.
- ⁵⁴ Plan inmediato del desarrollo..., p. 14; Tungurahua, p. 310.
- ⁵⁵ Plan inmediato del desarrollo..., p. 149.
- ⁵⁶ Plan inmediato del desarrollo..., p. 154—155.
- ⁵⁷ Plan inmediato del desarrollo..., p. 193.
- ⁵⁸ «Cuadernos americanos». Mexico, 1961, N 2, p.

⁵⁹ P. S a a d. Sobre la alianza obrero campesina. «Bandera Roja», N 3, 1961, p. 44—45.

⁶⁰ Bases para la Reforma agraria. «Bandera Roja», N 1, 1961 p. 73—77. Подробно см. в приложении.

⁶¹ Abajo las oligarquias! Manifiesto del PCE. «Bandera Roja», N 2, 1961, p. LVIII.

⁶² «El Pueblo», 16.XII 1961.

⁶³ Листовка «Partido Comunista denuncia e los incendiarios». Guayaquil, 1962.

⁶⁴ «La Nación», 19.I 1962.

⁶⁵ «La Nación», 20.III 1962.

⁶⁶ «Noticias de Hoy», 29.III 1962.

ИНДЕЙЦЫ ЭКВАДОРА

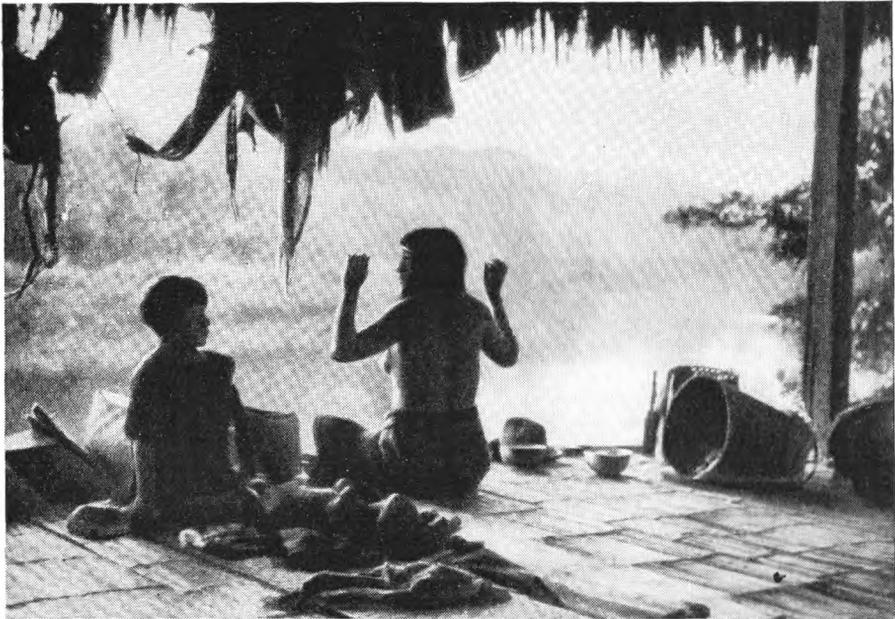

История эквадорских¹ индейцев распадается на несколько периодов, отличающихся друг от друга существенными чертами в области историко-этнических процессов. Каждому периоду свойственны специфические социально-экономические отношения и политическое устройство, своеобразные лингвистические особенности и т. п.

Условно можно выделить четыре таких периода. Это, во-первых, доинкский период, продолжавшийся примерно до середины XV в. н. э. На смену ему приходит кратковременный период господства инков на значительной части территории современного Эквадора. Затем в начале четвертого десятилетия XVI в. испанские захватчики сокрушают господство инков, и эквадорские индейцы после героической, но неравной борьбы попадают под гнет испанской короны. В первой четверти прошлого века Эквадор освобождается от испанского ига, однако обретенная страной независимость мало что меняет в положении индейцев, продолжавших испытывать жестокий феодальный гнет. Четвертый период начинается лишь в конце прошлого столетия, когда возникают капиталистические отношения.

Эквадорские индейцы до инкского завоевания. Наименее изученным является, естественно, первый, доинкский период. Хронисты времен конквисты описывали довольно подробно историю собственно Перу, а не окраин «империи» инков, коими являлись земли нынешнего Эквадора. В трудах Франсиско Лопеса де Гомара, Съеса де Леон, Агустина де Сарате и, наконец, знаменитого Гарсильясо де ла Вега эль Инка упоминаются в основном события, связанные с инкским завоеванием, либо непосредственно предшествующие ему. Однако и эти немногочисленные, скудные и часто неточные данные позволяют сделать вывод о сложном и своеобразном процессе исторического развития эквадорских индейцев в первый период.

Подробное описание жизни, быта и исторических судеб северной части Тауангисуйо («империи» инков) появилось лишь в XVII в. Оно вышло из-под пера монаха-иезуита Хуана де Веласко, который пользовался как непосредственно народными

Индейцы-каяпа поклоняются солнцу

преданиями, жившими еще среди индейцев, так и информацией многочисленных католических миссионеров. Сам труд был написан Веласко вдалеке от Эквадора, в Италии. И хотя многие исследователи берут за основу труд этого историка, обогащая и развивая начертанную им картину с использованием других данных, некоторые крупные латиноамериканские ученые (и между ними выдающийся эквадорский лингвист и археолог Хихон-и-Кааманьо) относятся к нему весьма скептически.

На наш взгляд, время исследования (XVIII в.), его источники, а также место написания заставляют подходить к работе Веласко настороженно, хотя мы и не намерены полностью отвергать ее значения.

Если суммировать данные исследований по этому вопросу, история индейцев Эквадора в доинкский период предстает в общих чертах в следующем виде.

Этно-лингвистическая карта Эквадора в доинкский период отличалась крайним многообразием. По мнению Хихона-и-Кааманьо, лишь в горном и прибрежном районах существовало по меньшей мере тринадцать языков. Другие исследователи насчитывают меньшее или большее число языков. Однако почти ни у кого не возникает сомнения в существовании различных языков и различных этнических групп на территории современного Эквадора вообще, в Горном районе в частности.

В конце I тысячелетия н. э. среди множества индейских групп возвышаются индейцы кара. Относительно их этнической и языковой принадлежности, как и их прародин, существуют самые различные мнения. Их отождествляют или сближают с майя, с карибами, с гуарани². Есть и такие ученые, которые склонны считать кара чуть ли не «протокечуа», принесшими язык кечуа в Андское нагорье³. Согласно традиции, кара пришли в Горный район с побережья, где уже давно существовала меновая торговля. Это обстоятельство способствовало относительно быстрому разложению у них первобытно-общинных отношений и возникновению строя военной демократии к концу I тысячелетия н. э. Латинамериканские историки часто подчеркивают агрессивность кара. Поиски богатств привели последних в район эквадорских Анд, где уже давно процветали древние земледельческие культуры. Покорив местные племена, кара создали могущественный союз племен, известный в латинамериканской литературе под наименованием «Царство Киту» либо «Царство Шири». В дальнейшем в этот союз вошли сильные племена каньяри и пуруа, и «царство» Киту начинает превращаться в рабовладельческое государство типа восточной деспотии.

Покорение территории Эквадора инками. Примерно в шестом десятилетии XV в. в царство Киту вторгаются инки. Военные действия носили длительный и ожесточенный характер. Инки так и не смогли полностью сломить сопротивление местных индейцев, и война закончилась династическим браком инки Уайна-Капака с принцессой Пакча, дочерью Качи, последнего, умершего во время войны, правителя царства Киту. Несколько позже инки сумели подчинить также прибрежные территории страны и прилегающие к ним острова. Инкская рабовладельческая деспотия не принесла с собой коренных социально-экономических изменений раннерабовладельческого общества царства Киту. Была лишь усилена централизация государственного аппарата, углубилась эксплуатация труда обличников, еще большему обожествлению стала подвергаться личность верховного правителя. Иными словами, был лишь ускорен и до этого протекавший в Киту процесс превращения племенного союза в рабовладельческую деспотию. В то же время кратковременное, длившееся значительно менее века инкское господство сыграло роль в изменении этнического облика страны. Желая избежать восстаний покоренных племен, инки переселили из завоеванной страны в различные районы своего обширного государства значительное число местных индейцев. На их место были переселены многочисленные группы индейцев с территории современного Перу и Боливии. Эти переселенцы, так называемые митимаесы (mitimaes), являлись верной

Изображение бога солнца из золота периода инков

социальной опорой инкской деспотии и немало содействовали внедрению кечуа (официального языка «империи») среди разноязыкой массы покоренного края. В частности, митимаесы появились в современной провинции Имбабура, в районе города Кито и т. д.⁴ Уже в то время, таким образом, берет начало процесс слияния отдельных племен в единую народность, одним из главных отличительных признаков которой становится язык кечуа.

Время существования царства Шири и инкского государства знаменуется некоторым развитием производительных сил, которое вызвало к жизни самобытную и богатую материальную и духовную культуру эквадорских индейцев. В сельском хозяйстве все шире начинает применяться орошение и использование удобрений. В сочетании с освоением новых видов сельскохозяйственных культур это привело к быстрому росту производительности труда в земледелии. Различные виды деятельности начинают отпочковываться от сельскохозяйственного труда. Появляется многочисленная прослойка ремесленников, поэты-профессионалы, артисты, художники. На эквадорской земле растут города, украшенные храмами и дворцами. Кито по

своему великолепию соперничает с Куско, столицей инкской «империи».

Завоевание Эквадора испанцами. Испанское завоевание обрушило на индейцев Эквадора, как и на все туземное население Америки, жестокие страдания, уничтожение и разграбление материальных ценностей, памятников духовной культуры. Жестокость испанских захватчиков переходила в бессмысленный садизм. Очевидец монах Маркос де Ниса пишет: «Схватили здесь множество индейцев и битком набили ими три просторных дома. Затем дома подожгли, и индейцы, не совершившие ни малейшего преступления против испанцев, сгорели. И случилось, что священник по имени Оканья вытащил из пламени одного мальчика, но появившийся рядом испанец схватил мальчика и вновь бросил его в огонь»⁵. Неслыханные жестокости конкистадоров имели целью терроризировать местное население, сломить у него всякую волю к сопротивлению, создать благоприятную обстановку для превращения индейцев в послушную рабочую силу.

Первоначально эксплуатация покоренного населения имела неорганизованный характер. Она проявилась в безудержном ограблении материальных богатств, накопленных веками, и прежде всего драгоценностей. Испанцы захватывали знатных индейцев, членов их семей, приближенных к ним рядовых индейцев и подвергали их варварским пыткам, требуя золота или изумрудов. Несчастливым жертвам жгли ноги на медленном огне, отрезали уши и носы, отрубали руки. Вскоре, расширяя сферу своих завоеваний, конкистадоры стали использовать индейцев (прежде всего Горного района) в качестве вспомогательной силы в борьбе против других племен. Испанцы набирали из них отряды носильщиков, совершенно не заботясь об их питании, считая, что в случае их смерти всегда можно найти новые сотни и тысячи индейцев. Так, покорение Западного района стоило жизни, примерно, ста испанцам и десяти тысячам индейцев⁶. Вскоре после завершения завоевания эксплуатация индейцев принимает более организованные формы, отнюдь не теряя своего хищнического, бесчеловечного характера.

Эксплуатация индейцев в колониальный период. На территории современного Эквадора стала широко применяться энкомьенда, институт феодальной эксплуатации в испанской Америке.

На основании королевского указа от 1509 г. испанские завоеватели «распределяли» между собой значительную часть завоеванных земель и проживавших на них индейцев. «Репартименто» и означает на испанском языке «распределение». Распределенные индейцы обязаны были работать на своих господ, будучи прикреплены к земле. Держатель земли обязан

был заботиться об индейцах, опекать и просвещать их. Индейцы как бы поручались ему королем, поэтому он и назывался энкомендеро (дословно — «тот, кому поручено»). Нечего и говорить, что «забота и опека» всегда превращались в свою противоположность — в безудержную, большей частью ничем не регламентированную эксплуатацию⁷. Наряду с этим существовали и формы рабовладельческой эксплуатации местного населения: мита и обрахе. Мита существовала уже во времена инков. Так называлась трудовая повинность общинников, которую они несли при постройке и ремонте дорог, на золотых приисках, на строительстве складов, крепостей и т. д. и т. п. Испанцы стали использовать эту форму в значительно более широких масштабах, нежели инки. От каждых 25 — 5 жителей выставлялся один индеец, отправлявшийся на миту, главным образом в рудники, на добычу цветных и благородных металлов. Как правило, митайо (т. е. человек, отбывающий миту) уже не возвращался к своей семье, хотя по закону срок миты не должен был превышать шести месяцев. По уходящему на миту часто справляли такой же обряд, как и по умершему. Так, только на рудники Самора (в Восточном районе) в течение пятидесяти лет было послано около двадцати тысяч митайо. Из них лишь пятьсот человек остались живы и вернулись в свои деревни⁸. Однако, начиная с XVII в., добыча металлов в Эквадоре резко снижается. Область применения миты суживается до рамок сельского хозяйства, и она превращается здесь в одну из разновидностей феодальных повинностей крестьянина-индейца в пользу сеньора-феодала.

Не менее тяжелой эксплуатации местное население подвергалось в так называемых обрахе, которые представляли собой мастерские, как правило, текстильные. Иногда это были совсем небольшие предприятия, иногда довольно внушительные. Имелось три вида обрахе: принадлежавшие казне, частные, но разрешенные властями, и, наконец, мастерские, работавшие без какого-либо официального разрешения. Разница между ними сводилась лишь к тому, что владельцы последних должны были сами искать себе рабочую силу, в то время как владельцы предприятий первых двух видов пользовались для этого помощью колониальной администрации. Очевидцы следующими словами характеризуют условия труда индейцев в обрахе: «Чтобы ясно представить себе, что такое обрахе, нужно рассматривать их в качестве галер, которые никогда не прекращают плаванья. Их весла непрестанно движутся, они все дальше удаляются от порта, не достигая его, хотя бы гребцы работали без конца.

Работа в обрахе начинается еще до рассвета. Индеец приходит в мастерскую... и здесь ему дают соответствующее задание. После этого мастер запирает мастерскую на замок и

оставляет индейцев взаперти. В полдень он открывает дверь, чтобы могли войти женщины, принесшие своим мужьям скудный обед, который длится очень недолго. После этого индейцев снова запирают. Когда приближается ночь и темнота не позволяет работать дальше, приходит мастер, чтобы проверить выполнение заданной работы. Тех, которые не успели закончить ее, наказывают с необъяснимой жестокостью, не слушая никаких оправданий. Превратившись в палачей, нечестивцы обрушивают на несчастных индейцев сотни ударов плети и в завершение наказания оставляют их заключенными в том же помещении... Имеется специальное место, где их забивают в колодки...»⁹

Сплошь и рядом индейцев приковывали к ткацкому станку на все время рабочего дня. Из мизерной оплаты высчитывалась подушная подать и содержание священника, остальные деньги шли на оплату одежды и лекарств, которых индейцы, как правило, не видели или получали за баснословно высокую цену. Индеец всегда оставался должником владельца обрахе; в случае смерти работника долг переходил на его жену, детей, братьев, что обеспечивало постоянный резерв рабочей силы в обрахе.

Тяжелой повинностью была для индейцев и уплата подушной подати (*tributo*). Казалось бы, размеры ее были невелики. Формально она взималась только с мужчин от восемнадцати до пятидесяти лет и составляла три песо серебром в год, два куска шерстяной ткани, несколько куриц, небольшое количество овощей. Но вследствие произвола, царившего в колониях, размеры подушной подати возрастали во много раз. Она обогащала не только казну, но все звенья колониального аппарата, начиная от вице-короля и кончая простым сборщиком податей. Индейцы, как правило, не имели представления о подлинных размерах подати, а местные власти были только заинтересованы поддерживать это незнание. Фактически вся семья должна была трудиться от зари до зари, чтобы ее глава мог вовремя внести требуемую сумму. Не меньшие злоупотребления практиковались и при взимании с местного населения десятины на содержание католической церкви. Еще одним из способов колониально-феодальной эксплуатации покоренного населения была принудительная продажа индейцам часто совсем им не нужных товаров по высоким ценам.

На фоне этой мрачной картины гнета и произвола выделяются индейские общины, сохранившие некоторую свободу, управлявшиеся выборными лицами из среды индейцев же. Положение этой группы населения было значительно легче, чем основной массы индейцев. Взимание подушной подати здесь было более упорядочено. Определенное число таких общин имелось прежде всего среди индейцев, обитавших в южной части Горного района: пуруа, каньяри и др.

Существование «свободных» общин явилось следствием героической борьбы как вышеупомянутых индейских племен, так и всех индейцев Эквадора против чужеземных захватчиков и поработителей.

Борьба индейцев против чужеземного господства. В роковой ноябрьский день 1531 г., день пленения испанцами, в г. Кахамарка инки Атауальпа, неподалеку от города стояла в полной боевой готовности пятитысячная армия эквадорских индейцев, возглавляемая полководцем Руминьяви. Услышав залпы огнестрельного оружия, поняв, что испанцы атакуют Атауальпу и его свиту, Руминьяви вместо того, чтобы кинуться на помощь своему повелителю, как это было условлено заранее, приказал войскам отойти от города и продвигаться форсированным маршем на север. Некоторые исследователи клеймят этот шаг как предательский, утверждая, что отступление эквадорского полководца решило судьбу Атауальпы и, таким образом, всей «империи» инков. Мы склонны присоединиться к тем латиноамериканским ученым, которые оправдывают этот шаг. Для успешной борьбы против пришельцев нужно было собрать силы, поднять боевой дух эквадорских индейцев, разоблачить испанцев как поработителей, выдвинув лозунг защиты независимой родины. Руминьяви так и сделал и, если при этом он преследовал личные корыстные интересы, прибегая подчас к весьма крутым и даже жестоким мерам, то это все же не дает основания для отрицания объективной правильности его действий. Руминьяви отказался участвовать в выкупе Атауальпы, считая, что его смерть неизбежна. Ближайшие события подтвердили его предвидение. 29 августа 1533 г. испанцы казнили Атауальпу. Руминьяви стал полновластным правителем Киту. И когда испанцы вторглись в страну, их ждала беспощадная партизанская война. Руминьяви отклонил все переговоры о мире, он жестоко карал тех, кто был готов на сговор с врагами. Лишь в начале 1535 г. захваченный врасплох Руминьяви попал в руки испанцев. В поражении Руминьяви большую роль сыграли индейцы-каньяри — старые противники государства Киту, ставшие на сторону пришельцев. Для храброго полководца наступило время нечеловеческих страданий. Его ежедневно подвергали пыткам, требуя от него золота, которое он скрыл от испанцев. Несмотря на невыносимые пытки, Руминьяви молчал. Иногда, дабы получить передышку, он называл своим мучителям отдаленные местности, где им якобы было запрятано золото царства Киту.

Возвращаясь ни с чем, разъяренные испанцы подвергли плененного полководца еще более жестоким истязаниям. Наконец, они взяли Руминьяви с собой в очередные поиски клада и, не найдя богатств, казнили его.

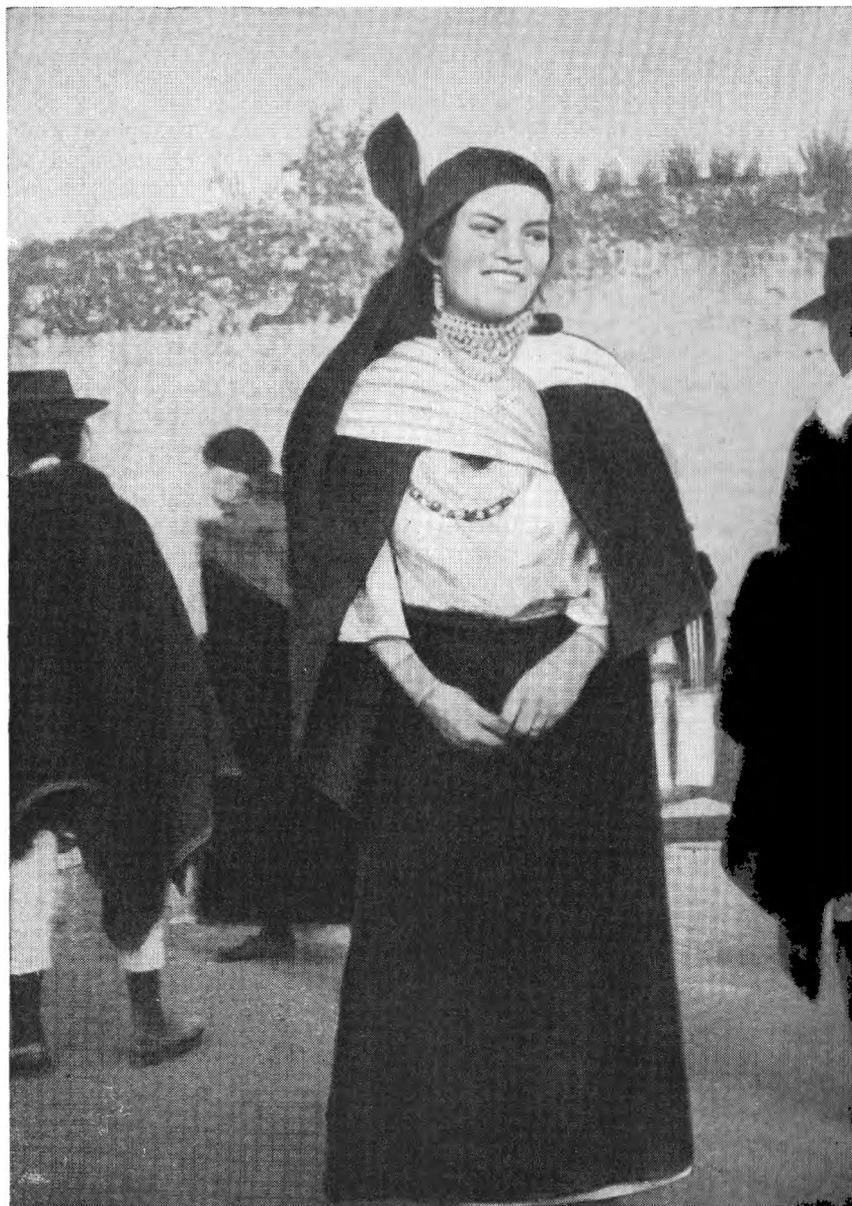
Легенда по-иному описывает конец индейского героя. Поняв неизбежность своего поражения, он бросил в глубокую бездонную пропасть все золото и сам сел на краю обрыва. Когда появились испанцы, он выпрямился и, медленно сагая, исчез.

Разумеется, борьбу индейцев Эквадора под руководством Руминьяви нельзя отделять от борьбы индейцев остальных районов государства инков, в частности от военных действий армии полководца Кискиса и инки Уайна-Палкона, от восстания Манко-Капака II и образования «новоинкского» государства в районе Вилькапампа (Перу). Они были проявлениями неравной, но упорной борьбы которую вело туземное население Андского нагорья против своих поработителей, как и восстания и волнения эквадорских индейцев в период колониального господства.

Волнения и восстания индейцев на территории нынешнего Эквадора продолжались по существу непрерывно, но особенно сильно колониальная испанская система была потрясена ими во второй половине XVIII в. В 1765 г. индейцы, живущие в городе Кито, приняли активное участие в восстании городской бедноты. В 1770 г. восстали индейцы в Патате (провинция Тунгурауа). Через два года оказалась объятой восстанием почти вся территория нынешней провинции Имбабура. В 1778—1779 гг. пламя восстания бушевало в провинции Чимборасо, а еще год спустя грандиозное восстание Тупак-Амару II в Перу вызвало многочисленные, долго не затихавшие волнения почти во всем Горном районе нынешнего Эквадора, подавленные лишь в 1783 г. Конец века был ознаменован новыми волнениями и восстаниями.

Движение индейцев в колониальный период имело характер национально-освободительной борьбы. Главная движущая сила его — закрепощенное и жестоко угнетаемое индейское крестьянство, а также городская и сельская беднота. Борясь против иноземных угнетателей, крестьяне-индейцы боролись прежде всего за возврат (или за сохранение) общинных земель, за ликвидацию миты, обрахес, церковной десятины и т. д. Четкое совпадение классовых различий с этническими обусловили органическое переплетение классовых и национально-освободительных моментов индейского движения. В рассматриваемую нами эпоху в Эквадоре не было класса, который мог бы политически возглавить антифеодальное, национально-освободительное движение крестьян-индейцев. Восстания неизбежно заканчивались поражением. Однако их значение как фактора, распавшего испанскую колониальную систему и способствовавшего развитию освободительных традиций, весьма велико.

Обретение страной независимости в первой четверти прошлого века не повлекло за собой никаких существенных изменений

Индеанка на рынке в Отовало

в положении индейца. Независимость не затронула социально-экономической (феодалной) структуры эквадорского общества; как и раньше индеец-крестьянин продолжал подвергаться феодальной эксплуатации, как и раньше он поднимался на восстания¹⁰, которые подавлялись с наименьшей жестокостью, чем во времена испанского господства. Даже подушная подать (tributo), взимаемая испанцами с побежденных индейцев, была отменена лишь в 1852 г. В этом же году было отменено рабство.

Формирование народности кечуа. Рассматриваемые нами выше социально-экономические и политические факторы (инкское, а затем испанское завоевание, эксплуатация индейцев, их борьба против чужеземных угнетателей) оказали серьезнейшее влияние на изменение этнического облика населения страны. В Эквадоре имел место процесс, наблюдаемый также и в остальных странах Испанской Америки: появление прослойки креолов и многочисленного слоя метисов, по отношению к которым индейское население оказалось на низшей ступени социальной лестницы.

Помимо этого, весьма глубокие этнические преобразования протекали в среде самого индейского населения. Выше говорилось, что политика переселения митимайо в завоеванную область в сочетании с обязательным изучением языка кечуа позволила инкам добиться первых результатов на пути кечуанизирования эквадорских индейцев и их вовлечения в единую кечуанскую народность, процесс сложения которой успешно завершился в исконных землях государства инков. Однако это были лишь первые шаги, успех которых сильно парализовался как разобщенностью и враждебностью между различными этническими группами эквадорских индейцев, так и враждебным отношением эквадорских индейцев в целом к инкской рабовладельческой деспотии, к ее языку и культуре, к ее жителям. Испанские завоеватели сравнивали в бесправии все племена как Эквадора, так и «империи» инков в целом. Ужасы конккисты, а позднее — жестокая эксплуатация стерли в сознании эквадорского населения представление об инках как о господствующем слое. Изменилось отношение к языку инков, к их культуре. Очень быстро отошли на третий план противоречия и враждебность между различными эквадорскими племенами. В ряде случаев отдельные этнические группы, особенно активно борющиеся против конкистадоров, бежали со своих мест. Иногда это было переселение больших групп, которые, сталкиваясь на новом месте обитания с мелкими местными группами, довольно быстро ассимилировали последних. Иногда, наоборот, сравнительно крупные племена распадались на мелкие группы, растворяясь в соседних областях. В Эквадоре осело немало кечуа-

язычных инкских воинов из отрядов, стоявших гарнизонами в этой стране. Немало кечуаязычных индейцев бежало в Эквадор из более южных районов бывшей империи инков, тщетно надеясь спастись здесь от испанских колонизаторов. Сами испанцы, отправляя десятки тысяч индейцев на миту, в обрахе и даже в асьенды, совершенно не считались с их этнической принадлежностью.

Со своей стороны церковь, столкнувшись с разноязыкой массой, использовала для своих проповедей официальный «всеобщий» язык «империи», т. е. кечуа.

Эти и подобные им явления создавали благоприятную обстановку, во-первых, для слияния разноязыких эквадорских племен в более или менее единую общность и, во-вторых, для сближения и постепенного слияния этой общности с кечуанской перуанско-болливийской народностью. В течение XVI—XVIII вв. в Горном районе страны совершенно исчезают местные языки, уступая место языку кечуа. Процесс этнической консолидации шел не только по языковой линии. Вместе с языком воспринимались легенды, песни, танцы, музыкальные инструменты и т. д. Большую роль в этом процессе играло освободительное движение индейцев, особенно восстание Тупак-Амару II. Это и другие восстания неизбежно влекли за собой тесное общение и совместные действия индейцев, принадлежавших к различным этническим группам. Они часто сопровождались значительными явлениями миграционного порядка, а главное, они пробуждали и ускоряли развитие самосознания кечуанской народности лозунгами изгнания чужеземцев и восстановления былой независимости. К моменту начала борьбы за независимость индейцы Горного района страны, где сосредоточена подавляющая часть индейского населения Эквадора, представляли собой относительно однородную массу, которая по своим языковым, психологическим и культурно-историческим чертам может быть рассматриваема как часть общекечуанской народности.

Современное индейское население Эквадора можно разбить на три категории. Это, во-первых, эквадорские кечуа, живущие в Горном и частично Восточном районах. Затем идут индейцы не кечуа Восточного района, первое место по численности среди которых занимают хибаро. Кроме того, на Востоке остались небольшие группы индейцев кофан, аушири, канело, сапаро. К западу от Кордильеры в виде небольших островков среди моря испаноязычного, главным образом метисного населения, сохранились незначительные по численности группы индейцев колорадо, каяпа, коайкер. Рассмотрим эти три категории эквадорского индейского населения, каждую в отдельности.

Кечуа. При постановке любой проблемы, связанной с эквадорскими кечуа, с особой остротой встает вопрос об их численности. Перепись 1950 г. дала неожиданно небольшое число, говорящих на языке кечуа, всего 172 646 человек. Эта цифра столь противоречила общепринятому мнению, основанному на повседневной практике, что, насколько нам известно, ни один исследователь не принял ее всерьез. Выяснилось, что переписчики часто не имели физической возможности произвести перепись в том или ином районе. Тысячи индейцев-кечуа по этой причине оказались вне учета ¹¹. Следует учитывать, что большая часть эквадорских кечуа, наряду с родным языком, в той или иной степени владеют также испанским. Двуязычные индейцы, по утверждению эквадорского исследователя Карлоса Родригеса, также выпали из графы «индейцы».

Кроме того, индейское население отнеслось к проведению переписи отрицательно. Четырехвековая эпоха эксплуатации, злоупотреблений и обмана научили индейцев не доверять «белым», относиться настороженно ко всем их мероприятиям. Власти не провели предварительной широкой разъяснительной работы. В ряде районов провинций Чимборасо (Гуамоте, Ликто, Пунгала, Флорес) и Каньяр начались волнения среди индейцев-кечуа, которые, угрожая переписчикам смертью, так и не пустили их на свою территорию. Там же, куда переписчику удавалось проникнуть, индейцы старались преуменьшить численность своей семьи, опасаясь введения новых налогов.

Большинство исследователей считают, что численность эквадорских кечуа колеблется, примерно, от 600 тыс. до полутора миллионов ¹².

Как было указано выше, основная область расселения эквадорских кечуа — это Горный район (центральная часть страны). Компактные группы кечуа живут также в Восточном районе по течению рек Бобонаса, Вильяно, Напо и по притокам последней: Ансуни, Хатун Яку, Тена, Паямино и др. Эта группа кечуанской народности называется по-разному: юмбо, кихо, алама. Есть предположение, что она сложилась в результате слияния индейцев-кечуа, бежавших на восток от ужасов конкисты и колониальной эксплуатации, с местным населением, в частности с индейцами канело ¹³.

Основная масса эквадорских кечуа — крестьяне. Большая часть их лишена собственных наделов и, арендуя на кабальных условиях небольшие участки земли у помещиков, находится в феодальной зависимости от последних. Затем следует довольно значительный слой независимых общинников. Небольшое число кечуа работают в промышленности (добыча золота, нефти, пищевая промышленность) и на транспорте. Кечуанская буржуазия в Эквадоре относительно слаба и малочисленна.

Индийские женщины на рынке в Отавало

Ее деятельность протекает в сфере посреднической торговли, а также производства некоторых «индейских» товаров (главным образом предметов одежды).

Важнейшей сельскохозяйственной культурой является кукуруза. Помимо нее выращивают рожь, ячмень, пшеницу, чечевицу, картофель, капусту, различные сорта перца, петрушку и т. д. Низкий уровень сельскохозяйственного производства, слабое применение современной техники, отсутствие удобрений определяют низкую урожайность всех культур и в крупных помещичьих хозяйствах, и на общинных землях, и тем более, на земельном клочке крестьянина-издольщика¹⁴.

Пища. Характер сельскохозяйственного производства обуславливает и характер питания кечуа. В его пище преобладают растительные продукты, он почти не видит животных жиров, мяса, яиц. Это малокалорийная пища с явно недостаточным содержанием белковых веществ. Нельзя сказать, чтобы эквадорские кечуа совершенно не занимались животноводством. В высокогорных районах разводят лам и близких к ним альпака, правда в значительно меньших масштабах, чем в Перу и Боливии. Повсеместно держат кроликов, куйев, кур, овец, свиней, коров. Однако продукты животноводства используются прежде всего для продажи на рынке. Лишь иногда по праздникам кечуа ест мясо куйев, которое считается изысканным лакомством. Что касается растительных продуктов, то их обычно размалывают и варят в воде, пока не получится густая каша, куда добавляют немного соли. Зерновые и клубневые продукты иногда поджаривают или пекут, в таком виде их обычно потребляют во время работы или путешествия. Кечуа, живущие по берегам озер и рек, а также в Восточном районе, используют в пищу продукты рыбной ловли и охоты.

Ремесла. Помимо земледелия, скотоводства, рыбной ловли и охоты эквадорские кечуа занимаются ремеслом. Важное место в этой области принадлежит ткачеству. Из шерсти лам, альпака, овец и коз местные ткачи изготавливают шали, накидки, пончо и т. д. Среди некоторых групп кечуа ткачество стало играть первостепенную роль в хозяйстве, оттеснив на второй план земледелие и скотоводство. Особенно славятся своими изделиями кечуа района Отавало, на севере страны, работающие часто на рынок. Мелкое товарное производство индейских ткачей постепенно порождает капиталистические предприятия мануфактурного типа и определенный слой кечуанской торгово-промышленной буржуазии. Отдельные кечуанские предприниматели имеют сравнительно широкие торговые связи не только внутри страны, но и за ее пределами. Однако тяжелое положение эквадорской экономики в целом, развитие фабричного производства индейских тканей ведет к разорению основной массы

кечуанских ремесленников, к их пролетаризации. Широко известные за пределами страны шляпы-панамы — также результат труда эквадорских кечуа. Этим ремеслом занимаются во многих местностях Горного района, но особенно он развит в провинциях Каньяр и Асуай. Обычно в плетении шляп принимают участие все члены семьи, свободные от сельскохозяйственных работ. Среди небольшой части кечуа производство шляп для продажи начинает занимать первостепенное значение. В данном случае, как и в ткацком производстве, появляются скупщики и перекушники, постепенно превращающиеся в капиталистических предпринимателей, эксплуатирующих труд своих соплеменников. В качестве сырья для изготовления панам используется заболонь — разновидность высокогорной пальмы токилья. Древнее индейское искусство плетения предметов обихода из растительных волокон применяется не только при производстве шляп. Из волокон агавы, бамбука, тростника и т. п. вырабатываются высококачественные ковры, циновки, корзины, мешки, сумки, веревки и т. д.

Гончарное производство, хотя и потеряло свои высокохудожественные качества, которые были свойственны ему в древности, но до сих пор играет немалую роль в хозяйственной деятельности и быте кечуа. Методы его самые разнообразные — с применением гончарного круга и без него, с обжигом готовых изделий и с просушкой их на солнце.

Одежда и украшения. С ремесленным производством кечуа тесно связан такой важный элемент их материальной культуры, как одежда. В своих главных чертах — это общенациональная кечуанская одежда, неотъемлемыми частями которой являются короткие брюки и пончо у мужчин и широкие юбки и шаль-накидка у женщин. Мужская и женская индейская одежда в Эквадоре отличается множеством особенностей, которые имеют, в свою очередь, большое число местных, порайонных и функциональных вариантов. Имеется, например, несколько видов пончо. Один из распространенных видов называется кушма. Это прямоугольное пончо небольших размеров, очень узкое, окрашенное в черный цвет, с красной, либо фиолетовой каймой. Надевается кушма поверх рубашки. Употребляется в повседневной носке, а также при поездках в соседнюю деревню и в город. Но прежде всего это рабочая одежда: короткая и узкая кушма легко может быть перехвачена поясом и не стесняет движений человека. Также употребляется обычное пончо или херга. Херга намного превосходит кушму по размерам, ее кайма часто висит на уровне запястья. Раскраска херги зависит от места ее выработки. Она может быть в полоску (черная с белым, красная с черным), совершенно черной с разноцветной вышивкой по краям, красной с широкими

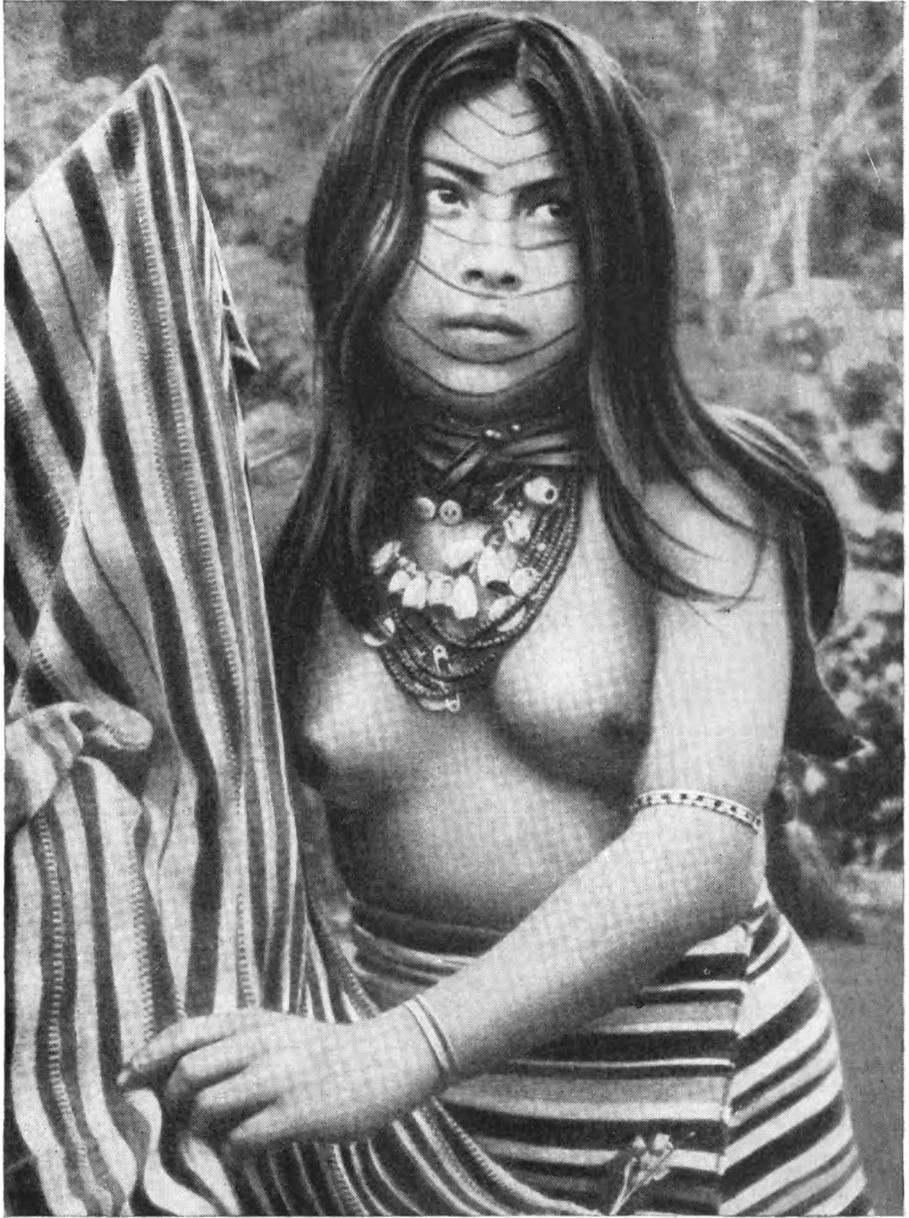
зелеными или голубыми полосами и т. д. Большие размеры херги обусловлены ее назначением. Она призвана защищать ее хозяина от холода, который на высоте 2 тыс. и более метров над уровнем моря бывает весьма ощутимым. Иногда индейцы-кечуа надевают с этой целью две-три херги поверх рубашки и кушмы.

Упомянем также пончо каписайо. Это праздничное одеяние. Если в праздник холодно, каписайо носится поверх двух-трех херг и кушмы. Ткется оно обычно из тонкой хлопчатобумажной нити лучшими мастерами. Процесс его окрашивания сложен и требует особых знаний и немалой затраты времени. Наиболее распространенный цвет каписайо — светло- или темно-голубой с белыми полосами, отделенными от основного фона красными линиями. По краям каписайо украшен бахромой, обычно красного цвета. Каписайо надевается на свадьбу, во время «взятия жезла» (т. е. утверждения выборов общинного вождя), на религиозных празднествах и т. д. Некоторые каписайо ценятся особенно высоко из-за своего качества и передаются от поколения к поколению. Помимо указанных видов пончо, существует еще много других как ручного, так и фабричного производства.

Мужчины и женщины кечуа носят шляпы разных фасонов. В этом, пожалуй, состоит единственное серьезное различие в одежде между эквадорскими кечуа и их перуанско-боливийскими собратьями, головной убор которых состоит из чульо (вязаная из шерсти разноцветная шапочка) и горро (плоский матерчатый головной убор, надеваемый поверх чульо).

Характерным для крестьян-кечуа является употребление многочисленных деталей одежды, которые защищают их во время работы от колючих растений, от раскаленных камней, от соприкосновения с любым острым предметом.

Основой женской одежды является длинная рубашка, обычно из грубой бумажной ткани (льенсильо) белого цвета, с разнообразными вышивками на передней верхней части. В некоторых наиболее отсталых районах вместо рубахи женщины используют разновидности шерстяной блузы, опускающейся несколько ниже пояса (укунчина). Как и в других районах расселения кечуа, женщины носят анако и ликлю. Анако — это прямоугольный кусок ткани, который обертывается вокруг нижней части тела от бедер до икр. Ликля обычно изготавливается из байки, либо фланели. Форма ликли — прямоугольная, окраска самая различная. Назначение ликли — прикрывать спину, спереди ее концы скрепляются обычно бронзовыми застежками (тупу). Из женских украшений широко применяются серьги, бусы, браслеты. Браслеты состоят из бус, нанизанных на нити и обернутых несколько раз вокруг запястья. Как

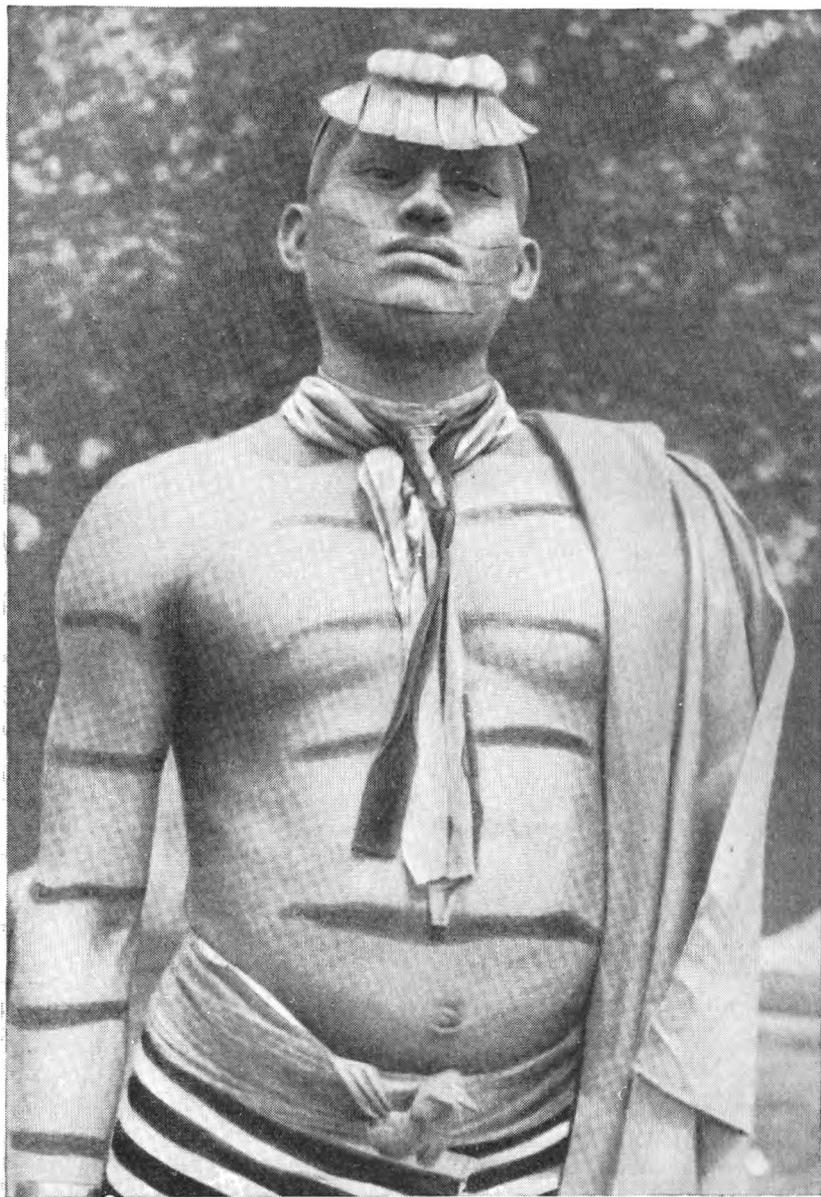
Девушка из племени колорадо

правило, все эти украшения — дешевые поделки из стекла, орехов тагуа, кораллов и других недорогих материалов.

Непрерывной составной частью и женской и мужской одежды является шигра — сумочка из волокон питы (разновидность агавы). Имеется много видов шигр, разнообразные формы и размеры которых зависят от возраста и пола их владельцев.

Поселения, жилища. Селения кечуа в Эквадоре точно так же, как в Перу и Боливии, бывают двух типов: кучевые и рассеянные, состоящие из отдельных хуторов. Центром селения является небольшая площадь, вокруг которой расположены церковь, лавки, административные учреждения. Эта площадь используется для базаров, религиозных и предпраздничных процессий, собраний.

Жилищная проблема в районах преобладания индейцев стоит необычайно остро. Даже по официальным данным ценза 1950 г. в Горном районе из 385 474 жилых построек 146 038 были определены как хижины. Но и оставшиеся 239 436 жилищ, фигурирующие под рубрикой «дома», далеки от того, чтобы отвечать требованиям гигиены и комфорта¹⁵. Жилые постройки почти не изменили своего облика за время, прошедшее после открытия Америки. Стены подавляющего большинства кечуанских домов сплетены из прутьев и обмазаны глиной. Делают также стены на каркасе, промежутки между перекладинами заполняются камнями и замазываются глиной. Крыша настилается из соломы. Окон в доме нет, свет проходит через дверное отверстие. Иногда внутреннее помещение бывает разделено на две «комнаты» перегородкой, сплетенной из рогожи, либо опять-таки из прутьев, промазанных глиной. Обычно же в доме одна единственная комната, используемая и в качестве кухни и в качестве спальни. Мебель, как правило, отсутствует; сидят на циновках. В доме хранятся различные кухонные принадлежности, одежда. Сквозь вечный полумрак на стенах можно видеть фигурки святых и иконы. Очаг разводится прямо в доме, копоть и дым густым слоем оседают на стенах и предметах, находящихся в помещении. Чердак используется для хранения урожая и рабочего инвентаря. Иногда перед домом строится нечто вроде небольшого сарая. В нем хранятся дрова, здесь стоит ткацкий станок, здесь же женщина проводит родовой период. Лишь у небольшой группы кечуа (юмбо или кихо), живущих в Восточном районе, поселения и жилища имеют иной характер. Они строят некое подобие «длинных» домов; в каждом доме размещается сразу по несколько семей. При постройке жилища среди кечуа широко развита взаимопомощь. Родственники и соседи оказывают застройщику помощь как рабочей силой, так и строительными материалами. В то же время владелец будущего дома обеспечивает строителей питанием,

Индец-колорадо

чичей, а после завершения строительства устраивает небольшое празднество.

Частые землетрясения ухудшают и без того острое состояние жилищной проблемы. Так, землетрясение 1949 г. привело к перенаселенности жилых помещений, ухудшив их и без того незавидное санитарное состояние.

Здравоохранение. Система медицинского обслуживания индейского населения крайне неэффективна и слаба. До сих пор в Горном районе среди индейцев свирепствуют такие заболевания, как тиф, дизентерия, оспа, чума. Так, в 1945 г. в Эквадоре, даже по официальным (заниженным) данным, было 1999 случаев заболеваний тифом, из них 93% приходилось на долю жителей Горного района. Провинция Лоха известна как территория, где упорно держится оспа и чума. В 1942—1943 и в 1950—1951 гг. провинции Лоха и Чимборасо стали районами страшных вспышек бубонной чумы. В 1944 г. при детальном обследовании кантона Отавало было обнаружено, что в подавляющем большинстве случаев жертвами заболеваний становятся дети до десяти лет. Более поздние обследования школьников показали, что 80% их страдают от кишечных паразитов, 50% физически ослаблены в результате недостаточного питания и предрасположены к туберкулезу; 50% детей поражены кожными заболеваниями¹⁶. Особенно велика смертность среди детей до четырехлетнего возраста. В целом по стране на этот возраст падает 56,1% всех смертных случаев, что касается индейцев-кечуа, то среди них этот процент намного выше. Так, в Кисапинча (провинция Тунгурауа), где население на 77% состоит из кечуа, на каждую тысячу жителей приходится 549 смертных случаев среди детей¹⁷. Хотя приводимые данные относятся, в основном, к прошлому и даже позапрошлому десятилетию, положение с тех пор осталось без изменения. Почти полное отсутствие современного квалифицированного медицинского обслуживания ведет к тому, что лечение больных находится в руках колдунов, «врачевателей», «предсказателей» (*brujos, curanderos, adivinos*). Нельзя сказать, чтобы деятельность этих лиц была совершенно бесполезной. В своей практике они, наряду с магией, широко используют опыт народной медицины. Им известны десятки трав, из которых они изготавливают лекарства. Иногда и «магические» действия приносят пользу, выполняя функции психотерапии. Однако, с другой стороны, действия невежественных врачевателей часто не только не помогают больному, но и наносят ему вред и ведут к распространению инфекционных заболеваний.

Образование. Не лучше обстоит дело и с системой образования. Эквадорским правительством был принят декрет о введении преподавания на языке кечуа. Однако этот закон остался

на бумаге. Практически индейским детям образование недоступно ни на кечуа, ни на испанском. По переписи 1950 г., 43,7% населения Эквадора было неграмотным. Что касается индейцев-кечуа, то неграмотность среди них колеблется от 70 до 90%. Примерно одна треть детей кечуа школьного возраста посещает школу. Однако это посещение весьма нерегулярно, редко ребенок имеет возможность пройти весь курс даже начальной школы¹⁸. В результате крохи полученных знаний очень быстро исчезают в обстановке тяжелого труда и беспросветной нужды.

Духовная культура эквадорских кечуа. Несмотря на тяжелые социально-экономические условия существования эквадорских кечуа и в прошлом и в настоящем, их духовная культура находится на высоком уровне развития и является серьезным вкладом в общекечуанскую культуру. Письменная литература на языке кечуа представлена прекрасными поэтическими произведениями. Широко известна за пределами Эквадора «Элегия на смерть Атауальпы» («Atahualpa huani»), автором которой принято считать касика Тумбако¹⁹. В этом произведении, наполненном яркими и самобытными образами, нашли свое отражение страдания индейцев, попавших под гнет испанской монархии. Написанная более четырех веков назад «Элегия» до наших дней пользуется большой популярностью. Значительный вклад в поэзию эквадорских кечуа сделал Луис Кордеро, выдающийся общественный деятель. Он перевел на язык кечуа много басен и написал замечательное по форме стихотворение «Я ухожу, Родина, ухожу!», в котором рассказывается о тяжелой доле индейца, терпящего притеснения и произвол со стороны сильных мира сего. Необычайным богатством отличается устное творчество, фольклор эквадорских кечуа. Первое место среди образцов устного фольклора занимают песни. Большая часть их лирического характера; во многих опять-таки звучат ноты боли и печали, обусловленные тяжелой жизнью народных масс кечуа. Часто эти социальные чувства выражаются в скрытой форме, в виде своеобразного плача по умершим родителям. В качестве примера приводим перевод одной такой песни-плача:

Мама родная,
Ты была такой доброй.
После твоей кончины,
Кто посмотрит
На меня, сироту?
Ты теперь навсегда потерялась,
Чтобы уйти к богу.
Ай, мама родная!
Как добра была ты,

Породившая меня на свет!
Теперь я совсем сирота,
Мама, родная,
Добрая мама.
Ты ласкова была всегда
И вдруг умерла.
О, женщина, меня породившая!
Ты оставила меня сиротой!

Социальный смысл этого плача станет нам понятней, если мы вспомним, что остаться сиротой, попасть в чужой дом в услужение — одно из самых больших зол для индейца.

Социальные мотивы, мотивы страдания и боли и одновременно мотивы неумиряющей надежды, прослеживаются в поговорках и пословицах кечуа. Например, *Cunap, сауа, шаујап рунлла Инти чингтага!* (Сегодня ли, завтра ли, в другой ли день, но солнце взойдет!).

Существенное место в эквадорском кечуанском фольклоре занимают легенды и сказы. Это очень поэтичные произведения, полные ярких образов с увлекательными сюжетами. Так, например, в одной из легенд рассказывается о пленении молодой индейки могучим кондором, принявшим облик юноши, о появлении у индейки ребенка, покрытого перьями и о трагической смерти матери, сына и отца.

Интересно, что многие легенды и сказы связаны с историческими событиями, иногда уходящими в глубокую древность. Известны легенды, восходящие к доинкским временам. В одной из них повествуется о царстве Киту, о том, как его жители выбирали место для строительства своей столицы. Более поздние исторические события, в частности эпоха испанского завоевания, также нашли свое отражение в кечуанском фольклоре. Мы уже упоминали о легенде, рассказывающей о кончине полководца Руминьяви. Один из сказов посвящен прекрасной Палле, одной из жен Атауальпы, хранительнице несметных сокровищ неприступной скалы Лянганатис. Опечаленная смертью своего супруга от рук испанских конкистадоров Палля не показывается больше людям. Но поколения индейцев ждут того дня, когда вновь предстанет перед ними во всей своей несравненной красоте хранительница индейских богатств.

В последнее время язык кечуа в Эквадоре начинает использоваться в радиовещании и в печати. Федерация индейцев Эквадора — массовая прогрессивная организация — выпускает газету на кечуа и испанском, что же касается радиовещания, то пока что оно находится в руках американских «проповедников идей христианства» — протестантских пасторов, проводников проникновения идеологии американского империализма в Латинскую Америку.

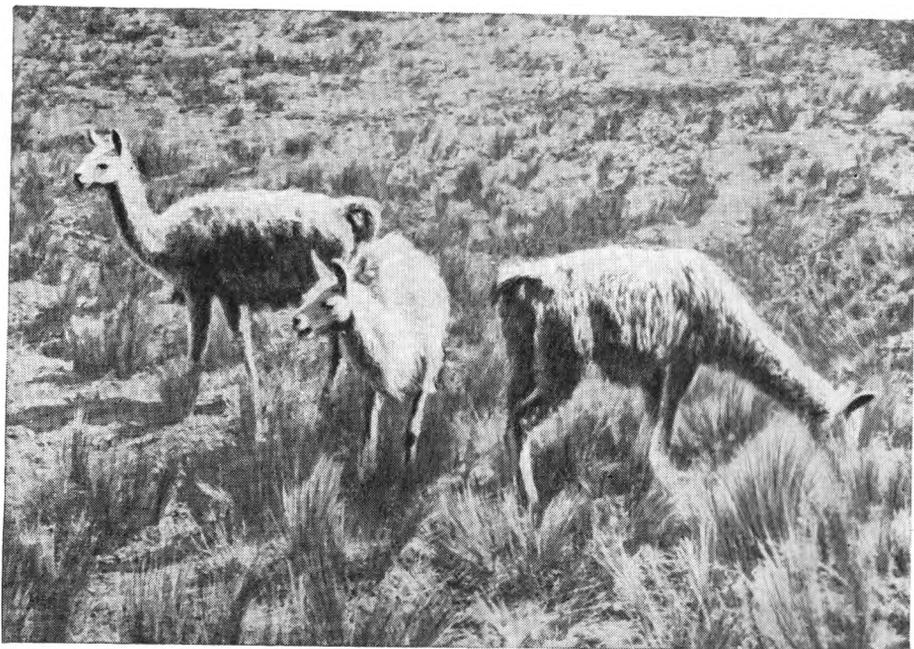
Девочка из племени отовало

Индейцы кечуа (в частности эквадорские) отличаются большой музыкальностью. В основе народных кечуанских мелодий остается древнеинкский музыкальный лад (пентатоника). Он же используется современными композиторами, строящими свои произведения на основе индейской музыки, в частности, эквадорским композитором Инга Велес. Помимо того, что практически каждый мужчина кечуа умеет играть на каком-либо музыкальном инструменте (обычно это простые флейты различной длины, либо флейта пана), в каждом селении кечуа имеется, как правило, свой небольшой оркестр, состоящий из 3—5 человек. Ни одно празднество, ни одна церемония не обходятся без выступления такого оркестра. Наиболее употребительные музыкальные инструменты — флейта и барабан. Чаще всего флейты изготавливаются из тростника. Но встречаются также флейты из кости, бронзы и даже серебра. Барабаны у кечуа навесные, обтягиваются чаще всего овечьей

шкурой. Наряду с упомянутыми инструментами употребляют-ся, но значительно реже, арфа, гитара, мандолина. Музыкаль-ные инструменты окружены у кечуа своеобразным культом. Лишь достигнув половой зрелости мужчина может считать себя «законным» собственником барабана или флейты. Что же касается женщин, то для них музыкальные инструменты на-ходятся почти под запретом.

Народные празднества также являются ярким выражением культуры кечуа. И хотя большинство празднеств заключено в религиозную оболочку, привнесенную католицизмом, индей-ское народное искусство (песни, музыка, хореографическое и драматическое искусство) находит в них яркое выражение. В некоторых праздниках, признанных католической церковью, можно видеть корни древнейших местных верований. Таково, например, празднество, посвященное святому, ведающему зем-летрясениями, которые извечно доставляют множество хлопот и неприятностей населению Горного района.

Индийский вопрос как национальный. Национально-рево-люционное движение. Индийский вопрос, проблема националь-ного развития различных этнических групп и взаимоотноше-ния между ними стоят в Эквадоре очень остро. Особенности исторического развития привели к образованию здесь, как и в Перу и Боливии, значительного слоя креолов и метисов, кото-рые стоят выше индейцев на социальной лестнице и по отно-шению к индейским племенам и народностям являются угне-тающими национальностями. Ряд ученых, вольно или невольно становясь на шовинистически-ассимиляторские позиции, отри-цают за индейцами способности к дальнейшему этническому развитию, несмотря на их богатейшие культурные традиции. Эти исследователи не в силах усвоить мысль о возможности развития различных национальностей в едином многонацио-нальном государстве. Так, эквадорский историк Альфредо Па-реха Диескансеко утверждает: «Индеец как биологическое и социальное явление обречен на исчезновение. Стараться поддер-жать его в чистом виде... это значит стремиться к невозможно-му, к тому, чтобы одна нация, обладающая своими характерны-ми чертами, жила бы в едином государстве рядом с другой нацией»²⁰. На наш взгляд Диескансеко был бы прав, только ес-ли бы речь шла об индейце в «чистом виде» в условиях современ-ного Эквадора. Но ведь те ученые и общественные деятели, кото-рые ставят индийский вопрос в Андских странах как нацио-нальный, говорят не о «чистых» индейцах, а исходят из того, что речь идет о многомиллионной, сложившейся из различных этнических компонентов, народности кечуа. Остальные индей-ские племена и народности в силу своей немногочисленности и отсталости в социальном отношении при существующих в

Ламы в районе Чимборасо

Эквадоре и других Андских странах социально-экономических условиях действительно могут быть (хотя и не обязательно) поглощены более крупными этническими образованиями, между прочим, и кечуанской народностью.

Кечуанская народность обладает в наши дни лингвистическим единством; диалекты кечуа мало разнятся между собой, и кечуанец из Эквадора прекрасно понимает своего соплеменника из Перу и Боливии. Вековая эксплуатация породила непосредственно и опосредствованно существенные элементы национального сознания и общности психологического склада кечуа. Проявления народной культуры кечуа весьма сходны между собой, начиная от Кордильеры Чилтасон (Северный Эквадор), кончая аргентинской провинцией Сантьяго-дель-Эстеро. Область расселения кечуа, хотя и разрезана границами нескольких государств, представляет собой единую территорию.

Имеется, правда, целый ряд объективных моментов, препятствующих дальнейшей консолидации кечуанской народности и превращению ее в нацию. Главная причина замедленного этнического развития кечуа — социально-экономическая отсталость Эквадора, Перу и Боливии вследствие зависимости их от американского империализма. Эта отсталость проявляется прежде всего в отсутствии единого внутреннего рынка, ибо

продукция этих стран предназначалась в своей подавляющей массе на экспорт, и в наличии многочисленных феодальных и полуфеодальных пережитков, главным образом в Горном районе — национальной территории кечуа. Имеются и другие, менее важные, но не менее существенные причины, тормозящие процесс национальной консолидации кечуа: наличие государственных границ, разделяющих единую этническую общность, натянутые отношения между Перу и Эквадором и т. д.

Однако все перечисленные выше моменты, тормозя процесс сложения кечуа в нацию, не в силах остановить его полностью. По нашему мнению, правы те исследователи и общественные деятели, которые рассматривают индейцев-кечуа как национальную общность, отличную от испаноязычной национальной общности. Крупный эквадорский ученый Виктор Габриэль Гарсес прямо ставит вопрос об Эквадоре, как о государстве различных национальностей²¹. Примерно такого же мнения придерживается эквадорский исследователь Антонио Сантьяна: «С небольшими локальными вариантами и деталями единая этническая группа занимает сегодня Андское плоскогорье. Эта группа — наследник многочисленных слившихся доиспанских групп... Индеец представляет собой по существу национальность, над которой возвышается... новая метисно-белая национальность»²².

Складывающаяся кечуанская нация таит в себе огромные революционные возможности. С конца прошлого века (точнее с 1882 г.) в Эквадоре произошло около двадцати индейских восстаний. Некоторые из них носили большой размах и продолжались длительное время. Так, восстание в провинции Асуай, начавшееся в 1920 г., продолжалось пять лет.

Поскольку в Эквадоре этнические и социальные различия тесно переплетаются между собой, в движении кечуа классовые моменты органически сочетаются с национально-освободительными. Местные власти жестоко расправлялись с повстанцами; восстания заканчивались поражением. Однако это отнюдь не умаляет их значения. Они являлись своего рода преградой для алчных устремлений эквадорских помещиков, стремящихся к захвату всех индейских земель и прежде всего общинных. Кечуанское национально-революционное движение содействовало и продолжает содействовать ослаблению феодальных и полуфеодальных отношений в эквадорской деревне.

Главные причины слабости национально-революционного движения кечуа заключались в отсутствии союзника и политического руководителя. С выходом эквадорского пролетариата на передний край социальной жизни индейское движение вступает в качественно новый этап. В 1910 г. в стране возникают первые рабочие организации. Под влиянием Великой Ок-

Индец из горного племени

тябрьской социалистической революции происходит быстрое революционизирование народных масс. В 1926 г. была создана социалистическая партия, принятая вскоре в Коминтерн. В 1928 г. была образована Коммунистическая партия Эквадора. Таким образом, у индейского (крестьянского в своей основе) движения появился руководитель и мощный союзник в лице пролетариата и его авангарда.

Борьба передовых сил эквадорского народа за руководство индейским движением протекает в весьма сложных и трудных условиях. Как указывает генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Эквадора товарищ Педро Саад²³, раньше, пытаясь сломить боевой дух крестьян-кечуа, помещичьи круги использовали силы армии, полиции, приходского священника, местных властей. Сейчас применяются новые методы, более тонченные, под объединенным руководством католического духовенства и американского империализма при полной поддержке со стороны реакционных помещичьих кругов. Некоторые религиозные ордены и официальные представители церковной католической иерархии, в частности епископы Риобамбы и Гуаранды, совместно с так называемой «Андской миссией» (Misión Andina), контролируемой и субсидируемой американскими монополиями, стараются всеми силами подчи-

нить индейское движение своему влиянию. Они пытаются достигнуть поставленной цели, воспитывая покорных руководителей кечуанских общин. Прикрываясь фиктивными лозунгами «просвещения» индейцев, они создали в провинции Чимборасо специальную школу, которая призвана готовить реакционную империалистическую агентуру в индейском движении.

Нужно сказать, что классовая дифференциация среди кечуа ведет к образованию зажиточной верхушки (некоторые общинные вожди, торговцы, владельцы крупных ремесленных мастерских и т. д.), на которую и ориентируются прежде всего реакционные силы. Несмотря на широкий размах их подрывной работы, она в конечном счете обречена на провал. Реакционные силы — американский империализм, помещичьи круги, католическая церковь, — в силу своей классовой сущности никогда не смогут удовлетворить чаяния трудовых масс кечуа.

Объективный ход истории в сочетании с настойчивой повседневной работой и глубоким изучением природы индейского вопроса обеспечивает Коммунистической партии Эквадора серьезные успехи в деле организации и политического руководства индейским движением. Партия считает, что хотя кечуа в своей подавляющей массе крестьяне, индейский вопрос не сводится к крестьянскому. «Масса индейцев неоспоримо обладает рядом характерных национальных черт: языком кечуа, ... традицией и самобытной культурой»²⁴. Поэтому, помимо лозунга аграрной реформы, Коммунистическая партия Эквадора выдвигает требование ликвидации любой дискриминации в отношении индейцев; преподавания на языке кечуа и на других индейских языках; содействия развитию национальной индейской культуры; права избрания индейцами своих властей.

Позиция коммунистов завоевала им большой авторитет среди индейцев. Федерация индейцев Эквадора превратилась в массовую организацию и серьезную силу. Она принимала активное участие в ноябрьских событиях 1961 г., приведших к срыву империалистического заговора в Эквадоре. В декабре 1961 г. Федерация организовала массовую демонстрацию с участием примерно двадцати тысяч индейцев, с требованием прогрессивных преобразований и прежде всего проведения аграрной реформы.

В результате настойчивой воспитательной работы Коммунистической партии и других прогрессивных организаций индейские массы все более осознают общность своих коренных интересов с интересами трудовых масс метисов и креолов.

Большое влияние на индейское движение, на его организованность и идейно-теоретический уровень оказала Кубинская революция. Эквадорские индейцы с восторгом следят за успехами народа героической Кубы, его пример вдохновляет их на

Семья индейцев-колорадо

дальнейшую борьбу за освобождение и полную независимость страны.

Движение индейцев-кечуа за свои права сливается в наши дни с борьбой всех прогрессивных сил Латинской Америки за мир, за демократические преобразования, против засилия американского империализма.

Индейцы Восточного района. На востоке за время колониального господства не произошло и не могло произойти столь серьезных этнических преобразований, как в Горном районе. Это и понятно. На востоке среди местного населения до сих пор преобладают первобытнообщинные отношения, при которых различные племена, даже родственные, никак не могли слиться в народность. Тем более среди них не могли возникнуть процессы национальной консолидации.

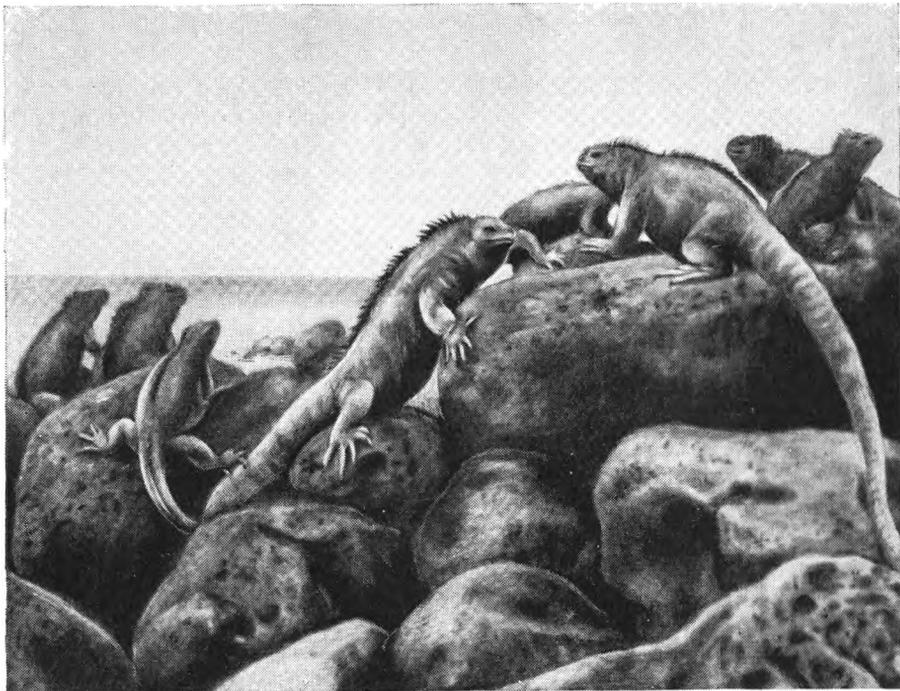
Хибаро. Самой крупной племенной группой индейцев не кечуа, живущих на востоке, являются хибаро. В настоящее время они занимают территорию в южной части Восточного района по притокам рек Пастаса и Сантьяго, принадлежащих к бассейну Амазонки. Численность индейцев-хибаро колеблется между десятью и двадцатью тысячами²⁵⁻²⁶. Когда они занимали значительно большую территорию, и их численность была намного выше сегодняшней. Язык хибаро принадлежит к аравакской группе. По мнению некоторых эквадорских ученых, лет за шестьсот до инкского вторжения индейцами-хибаро

была захвачена нынешняя южная провинция Лоха, в которой стал преобладать их язык. Впоследствии эта часть хибаро подверглась кечуанизации и вошла в состав народности кечуа. Подобные явления до настоящего времени наблюдаются и на востоке, где некоторые группы хибаро постепенно переходят на язык кечуа, одновременно усваивая ряд новых элементов материальной и духовной культуры. На протяжении всей своей истории хибаро мужественно боролись за свободу. Инки, пытавшиеся покорить хибаро Восточного района, вели военные действия на протяжении нескольких десятилетий, так и не достигнув успеха. В XVI в. один из вождей хибаро — Кируба сумел сплотить на время своих соплеменников и поднять их на мощное антииспанское восстание. Повстанцы овладели городами Севилья-де-Оро и Логроньо-де-лос-Кабальерос и разрушили эти опорные пункты испанских колонистов. Колониальные власти ответили на восстание зверской расправой, в результате которой погибла значительная часть индейцев-хибаро. Их затравливали собаками, сжигали живьем, вешали, подвергали смертельным пыткам. Однако до настоящего времени хибаро сохраняют остатки независимости и непримиримо относятся к посягательствам на свою свободу. В наши дни главная опасность для хибаро исходит от империалистических монополий и миссионеров. Индейцам грозит захват их земли, превращение их в рабов на плантациях, приисках, нефтепромыслах. Их порабощение подкрепляется проповедью христианского смирения и терпения. Непокорным, как и раньше, угрожает жестокая расправа. Племенные связи среди хибаро слабы. Социальной ячейкой является большая полигамная семья, включающая в себя в общей сложности тридцать — сорок человек.

Несмотря на слабость племенных связей между семьями, они все же существуют. В случае опасности, празднества, какой-либо церемонии глава одной семьи может созвать членов соседних семей.

С этой целью используются барабаны-тундули, изготавливаемые из полого куска древесного ствола.

Основой хозяйственной деятельности и быта хибаро является охота и собирательство. В качестве средств охоты используется и оружие старого типа (лук, сарбакан, стрелы, копья), и оружие, заимствованное у белых: ружье, металлические ножи и кинжалы. Одежду носили только взрослые. Она состояла из небольшого куска шерстяной или хлопчатобумажной материи, придерживаемого при помощи ремня и обернутого вокруг тела от пояса до икр. Миссионеры пытаются распространить среди хибаро, как и среди других восточных индейцев, современную одежду: брюки, рубахи. Подобная «цивилизация» влечет за

Стадо игуана на Галапагосских островах

собой самые губительные последствия. В условиях восточных джунглей охотнику или воину, редко бывающему под кровлей и возле огня, приходится почти круглые сутки ходить в сырой одежде. Последствия — заболевание верхних дыхательных путей, туберкулез, ревматизм.

Наиболее распространенный вид украшений среди хибаро, как и среди других индейцев Восточного района, это бусы из зубов обезьяны, либо из ярких птичьих перьев. Иногда бусы носят в несколько рядов. Из птичьих перьев изготавливают головные уборы.

Хибаро украшают себя также небольшими деревянными палочками, вставленными в отверстия, проделываемые в носу, в щеке, в ушной раковине.

Хибаро приобрели в мире славу сомнительной ценности «охотников за головами». Впрочем, этот ритуальный акт совершается довольно редко.

Другие индейцы Восточного района. До прихода испанцев в Восточном районе, помимо хибаро, обитало много других групп индейцев: оа, газ и семигаз, кофан, канело, аушири и т. д. Одни группы исчезли полностью, большинство других находится на пути к исчезновению. Судьба некоторых из них

была поистине трагичной. Так, индейцев гаэ и семигаэ испанские колонизаторы превращали в рабов или истребляли. В результате уже в конце XVIII в. индейцы этих двух родственных групп исчезли полностью.

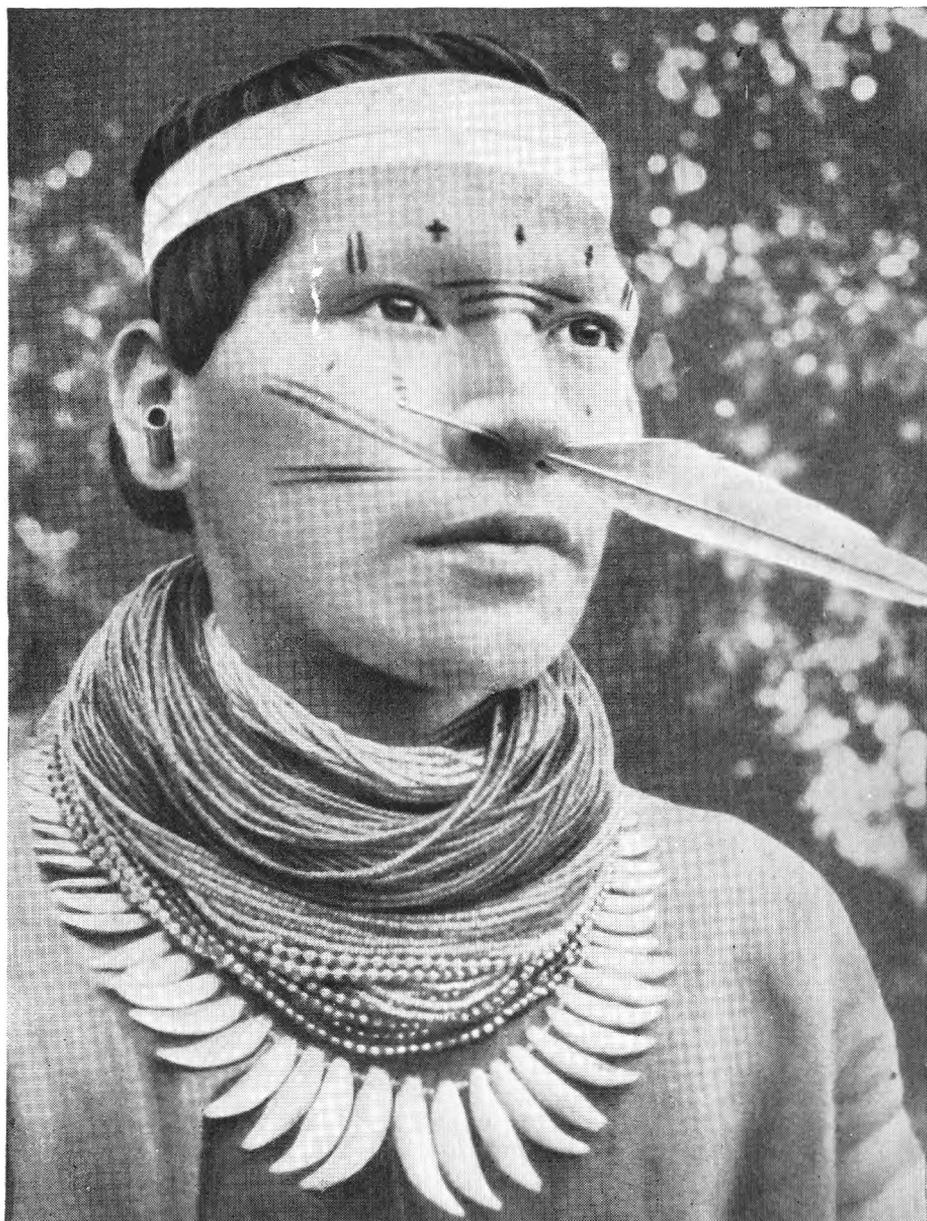
В 1676 г. испанские колонизаторы направили карательную экспедицию против индейцев-аушири (аука), не желавших принимать христианство.

Большинство индейцев Восточного района все еще не имеют племенной организации. Численность их точно неизвестна, во всяком случае она невелика. Основная масса восточных индейцев живет в труднодоступных районах, избегая какого-либо контакта с белыми. Хозяйственная деятельность их сводится к охоте, собирательству и рыболовству, иногда примитивным формам земледелия.

Индейцы-аушири (аука) живут по течению реки Курараи и ее притокам, а также по притокам реки Напо. Вероятно, память о жестокости колонизаторов заставляет аушири избегать общения с белыми. Они держатся обособленно и от других индейских групп Восточного района. Помимо собирательства, охоты и рыболовства аушири занимаются также примитивным земледелием, выращивая юку и кукурузу. «Деревни» аушири состоят из 6—8 домов, отстоящих друг от друга на расстоянии примерно 2,5 километров. Дома строятся из дерева. Спят в гамаках. Язык их относится, по-видимому, к языковой семье тупи́. Численность аушири колеблется от 600 до 3000 человек.

Еще более скудными и неясными сведениями мы располагаем об индейцах сапаро, живущих по течению притоков реки Пастаса: Шиона Яку, Корьентес и др. Группа индейцев-сапаро, проживавшая западнее указанной территории, подверглась кечуанизации на протяжении последних двух веков. Лингвистическая принадлежность сапаро не ясна. Но скорее всего они также принадлежат к языковой семье тупи́. Более или менее достоверных сведений об этой группе не имеется.

На территории, прилегающей к верхнему течению рек Агуарико и Сан-Мигель живут индейцы-кофан. У них, наряду с собирательством, охотой и рыболовством, существует подсечное земледелие; выращивают кукурузу, юку, бананы. Языковая принадлежность кофан не определена. Одежда состоит из подбоя длинной туники, свисающей до щиколоток. На территории расселения кофан так же, как и на остальной части территории Восточного района, все чаще появляются католические и протестантские миссионеры, агенты различных компаний, прежде всего нефтяных, разного рода скупщики, авантюристы и т. д. Проникновение в сельву этих элементов капиталистического общества представляет серьезную угрозу существованию индейцев Восточного района.

Индеец-кофан из района Путумайо

Индейцы Прибрежного района. Судьба индейцев Прибрежного района сложилась еще трагичней. Если их собратья из Восточного района могли частично избежать «прелестей» цивилизации, углубляясь в сельву, то западным индейцам уходить было некуда. На востоке их ждали уже завоеванные испанцами горы, холодный климат, который был к тому же губителен для жителей тропической зоны, на западе Тихий океан клал предел их миграциям. Западным индейцам, попавшим под власть пришельцев, оставался один путь — путь борьбы.

В ожесточенной и длительной борьбе многие племена были уничтожены, другие разбиты и рассеянные, подверглись быстрой испанизации и метисации. Лишь три небольших группы индейцев избежали участи своих собратьев, найдя убежище в тех местностях, где оставалась неуничтоженной западная сельва. Это — индейцы каяпа, колорадо и коайкер (или пасто). Все три группы принадлежат к языковой группе чибча-муиска. Коайкер в Эквадоре совсем немного, не более двухсот человек в северо-западном углу провинции Эсмеральдас, недалеко от границы с Колумбией. В Колумбии и находится основная масса данной этнической группы, насчитывающей более 2 000 человек. И в Колумбии, и в Эквадоре коайкер ведут полукочевой образ жизни, занимаясь собирательством и охотой. Коайкер не знают племенной организации и небольшие родственные группы их живут обособленно друг от друга.

Каяпа. Индейцы-каяпа занимают небольшую территорию в тропических лесах провинции Эсмеральдас по течению рек Каяпа, Онсоле и другим небольшим притоком реки Сантьяго. Ведут полукочевой образ жизни. Основное занятие — охота, рыболовство и примитивное земледелие. Выращивают юку и бананы. Рыбная ловля обычно ведется с пирога. Пирог является и основным транспортным средством. На охоте употребляют как традиционное оружие, так и пороховые ружья. Каяпа живут небольшими родственными группами, которые входят в более крупные объединения, возглавляемые касиком. Однако племенные связи чрезвычайно слабы, и касик скорее выполняет роль посредника между отдельными группами, чем их вождя.

Природные условия определяют особенности жилища индейца-каяпа. Это свайные постройки, на высоте примерно двух метров над землей²⁷. В дом ведет лестница из бамбука. Крыша кроется соломой. Имеется большое различие между женской и мужской одеждой. Женщины обычно довольствуются коротким передником, оставляя обнаженной остальную часть тела. Мужчины же носят длинные, иногда по щиколотки, пончо и брюки. У каяпа сохраняется обычай разрисовывать свои тела (лицо, грудь, плечи, ноги) разноцветными линиями красными, голубыми и черными. Каяпа известен способ муми-

фицирования трушув, который употребляется в случае смерти соплеменника вдалеке от родины. После транспортировки тела на родину, его хоронят в земле. Несмотря на доступность территории каяпа для официальных властей, индейцы совершенно незнакомы с медицинским обслуживанием и школьным образованием. Роль врачей у них выполняют разного рода заклинатели и колдуны.

Индейцы-колорадо. Индейцы-колорадо — ближайшие родственники каяпа. По мнению некоторых исследователей, окончательное разделение между этими двумя группами произошло совсем недавно, лишь в прошлом веке. Спасаясь от эксплуатации и преследований, остатки колорадо вынуждены были мигрировать на восток, к самым предгорьям. Ныне эта интереснейшая этническая группа занимает незначительную территорию в западной части провинции Пичинча, на юго-запад от городка Санто-Доминго-де-лос-Колорадос. Численность их также весьма невелика; самые оптимистические подсчеты дают нам цифру в 500 с небольшим человек²⁸. Несмотря на то, что язык колорадо принадлежит к группе чибча-муиска, он успел вообрать в себя значительное количество кечуанских слов, относящихся к системе счета, названиям некоторых животных, предметов одежды и т. д.

В приходе Санто-Доминго имеется так называемый национальный комиссар, возглавляющий местную полицию и обладающий некоторыми судебными полномочиями, он же обязан «наблюдать» за колорадо, опираясь на их представителей. С этой целью была создана неоплачиваемая должность «генерального правителя», которую должен занимать индеец-колорадо. В настоящее время «генеральным правителем» является Авраам Каласаюн, пожилой колорадо, имеющий славу замечательного исцелителя-знахаря. Правитель должен заботиться о благосостоянии своих подчиненных, наказывать преступников, разрешать споры между отдельными лицами и семьями. В свою очередь «генеральный правитель» назначает «лейтенантов» в качестве вождей отдельных территориальных групп. Разумеется, все это «самоуправление» носит чисто внешний характер, ибо «генеральный правитель» полностью подчинен такому незначительному чиновнику, каким является приходский национальный комиссар, и обязан выполнять все требования последнего. К заслуге Авраама Каласаюна нужно отнести тот факт, что он сумел добиться официального закрепления нескольких тысяч гектаров земли за территориальной группой чиуипа.

Продолжая заниматься рыболовством и охотой, колорадо достигли известных успехов в области земледелия. Главная культура, которой они уделяют особое внимание, это ачиоте (bixa

orellana). Сок плодов ачиоте они используют для раскрашивания лица; ачиоте употребляется также в качестве приправы к пище. Помимо ачиоте, выращивают юку, кукурузу, бананы, а в последнее время и ананасы. Преобладает подсеочное земледелие. Семена любимых культур бросают в землю, совершенно не обрабатывая участка ни до посева, ни после. К участку возвращаются не раньше, чем созреет урожай. Лишь при посадке ананасов колорадо разрыхляют почву небольшими мотыгами, приготавливают гряды и пропалывают землю. Колорадо совершенно незнакомы с применением удобрений. Из домашних животных разводят лошадей, коров, свиней, куйев, собак, кошек, домашнюю птицу. Несмотря на наличие сильных традиций первобытнообщинных отношений, среди колорадо развилась резкая имущественная дифференциация. Так, вождь (лейтенант) группы чиуипэ владеет 50 гектарами земли, лошадью, четырьмя свиньями и т. д., и в то же время одна семья, входящая в состав этой группы, лишена какого-либо имущества, и ее глава работает поденщиком в находящемся неподалеку имении одного эквадорского офицера.

В пищу колорадо употребляют продукты земледелия, охоты, рыболовства и скотоводства. Пища зажиточных семей существенно отличается от пищи бедняков, в которой преобладают продукты растительного происхождения.

Свои жилища колорадо строят из дерева. Это довольно просторные дома, имеющие около 5 м ширины, 12—13 м длины, около 5 м высоты. Двухскатная крыша кроется соломой. Жилище разделено на две части. Одна из них — крытая, здесь горит очаг, здесь же рядом с людьми находят пристанище кошки, собаки и кролики. Вторая половина — открытая веранда с навесом. Эта своего рода гостиная, там же обычно хранятся рыболовные и охотничьи принадлежности, ткацкий станок, музыкальные инструменты.

Из домашних ремесел развито более или менее ткачество. Сырьем для него служит хлопчатобумажная нить, покупаемая в соседнем городке Санто-Доминго-де-лос-Колорадос, либо у бродячих торговцев, которые посещают селения колорадо.

Одежда состоит из нескольких предметов. Это прежде всего набедренная повязка (мапчозмп), которая закрепляется при помощи длинного пояса (береке), обертываемого два-три раза вокруг талии. Кроме того, на левом плече колорадо носит большой кусок яркой хлопчатобумажной ткани (красной, желтой), редко шелковой (панью). Вечером они закутываются в некоторое подобие тоги — большой кусок хлопчатобумажной ткани всегда белого цвета (хали). Несмотря на крайне неблагоприятные условия своего существования на протяжении нескольких веков, колорадо сохранили целый ряд элементов своей духовной

Жилище индейцев-хибаро

культуры, которая проявляется в устном народном творчестве, в тонком подборе цветов при изготовлении тканей и при раскраске лица. К сожалению, католические и протестантские миссии, орудующие в районе расселения колорадо, несут с собой упадок последних проявлений самобытной духовной культуры колорадо.

Положение индейцев Эквадора, степень их этнического развития полностью определяются господствующими в стране социально-экономическими отношениями. Индейский вопрос составляет одну из актуальнейших проблем современного Эквадора. Этот вопрос может быть решен лишь при проведении в стране глубоких социальных преобразований, которые покончат прежде всего с зависимостью от североамериканского империализма и выведут все народы Эквадора на дорогу подлинной независимости, свободы и прогресса.

¹ На протяжении столетий территория современного Эквадора несколько раз меняла свое название: царство Киту (также царство Шипри), губерния, королевская аудиенция, южный округ. Во избежание усложнения текста мы условно применяем термины «Эквадор», «эквадорский» применительно ко всем историческим периодам (*Прим. автора*).

² A. Pareja Diezcanseco. Historia del Ecuador, vol. 1. Quito, 1954, p. 23.

³ J. Santa Cruz. Los indigenas del Ecuador. Quito, 1957, p. 31—92.

⁴ A. Santiana. Panorama ecuatoriano del India. Quito, s. a., p. 71.

⁵ Цит. по книге L. Benitez de Vinuesa. Ecuador: drama y paradoja. México — Buenos Aires, 1950, p. 71.

⁶ L. Benitez de Vinuesa. Op. cit., p. 84.

⁷ Подробнее о энкомьенде см. статью А. А. Разливахина «Аграрные отношения», помещенную в данной книге, стр. 65.

⁸ A. Pareja Diezcanseco. Op. cit., vol. 2, p. 27.

⁹ L. Benitez de Vinuesa. Op. cit., p. 112.

¹⁰ O. Albornoz P. Las comunidades Indigenas y la reforma agraria. «Bandera Roja», 1961, № 3, p. 14.

¹¹ P. Paraja de Costales, A. Costales Samaniego. El Chagra. Quito, 1960, p. 16.

¹² Ibid., p. 15; N. R. Salz. The Human Element in Industrialization. «American Anthropological Association», vol. 57, № 6; part. 2. Memoir № 85, december, 1955, p. 29; J. L. Gonzales A. Nuestra Crisis y el Fondo Monetario Internacional. Quito, 1960, p. 166.

¹³ L. Benitez de Vinuesa. Op. cit., p. 28; A. Santiana. Op. cit. (Conclusión), p. 40.

¹⁴ Подробно о современном сельскохозяйственном производстве в Эквадоре, об аграрных отношениях и т. п. см. статью А. А. Разливахина, помещенную в данной книге.

¹⁵ P. Peñaherrera de Costales, A. Costales Samaniego, F. Jordan Bucheli. Tungurahua. Ecuador, 1961, p. 339—342.

- ¹⁶ B. R. Salz. Op. cit., p. 72—74.
- ¹⁷ P. Pañaherrera de Costales, A. Costales Samaniego, F. Jordan Bucheli. Op. cit., p. 153.
- ¹⁸ B. R. Salz. Op. cit., p. 65.
- ¹⁹ A. Arias, A. Montalvo. Antología de Poetas Ecuatorianos. Quito, 1944, p. 5.
- ²⁰ A. Pareja Diezcanseco. Op. cit., vol. 4, p. 12.
- ²¹ V. Gabriel Garces. Indigenismo. Quito, 1957, p. 23.
- ²² A. Santiana. Op. cit., p. 141.
- ²³ P. Saad. La reforma agraria. «Bandera Roja». Revista bimestral del Comité Central del Partido Comunista del Ecuador, 1961, № 1, p. 16.
- ²⁴ «Paz, independencia, soberanía, democracia, progreso y cultura. Por un estado de Democracia Nacional. Programa del Partido Comunista del Ecuador. Proyecto. Quito, s. a., p. 30.
- ²⁵⁻²⁶ A. Santiana. Op. cit. (Conclusión), p. 41.
- ²⁷ F. Terán. Geografía del Ecuador Quito, 1955, p. 259.
- ²⁸ A. Costales Samaniego. Los indios Colorados. Quito, 1956, p. 15.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ ЭКВАДОРА

ожалуй, ни в какой другой латиноамериканской стране католическая церковь не приобрела таких сильных позиций, не вызывала к себе такой ненависти, не возбуждала таких страстей, как в Эквадоре. В колониальный период католическая церковь в этой стране, как и в других испанских колониях, была не только духовной опорой колонизаторов, но и сама активно участвовала в эксплуатации местного населения. После провозглашения независимости церковь стала главной вдохновительницей реакции, основными силами которой были латифундисты и иностранные торговцы-спекулянты. Результатом объединения всех реакционных сил была кровавая диктатура Гарсии Морено (1861—1875) — одна из самых черных страниц в истории Эквадора. Гарсиа Морено стремился превратить страну в теократическое государство. Его фанатизм и жестокость вызвали бурную реакцию народа, ненавистный режим был свергнут, а сам тиран убит.

Церковь и после этого стремилась вновь захватить власть в свои руки, пользуясь своим влиянием на верующих. Либеральная буржуазия оказалась не в состоянии ограничить влияние церкви на верующих, более того, с ростом национально-освободительного движения церковники стали находить поддержку у своих бывших врагов — либералов. И в настоящее время католическая церковь продолжает пользоваться влиянием на народные массы Эквадора и выступать с реакционных позиций.

«Католическую религию в Эквадоре, — пишет эквадорский историк Пареха Диескансеко, — вряд ли можно назвать католической. Это фанатический ритуал с большой дозой язычества, в котором страх перед наказанием и возможность избавиться от недостатков посредством исповеди занимают центральное место. Разве вы не видели, как изображения святых переворачивают вверх ногами, требуя от них чуда? Разве вы не были свидетелями того, как торгуются с богом, предлагая ему взамен за расположение соответствующую мзду? В нашей вере имеется магия, примитивизм, дешевое чудотворство, предрассудки и мошенничество»¹.

Особенно большое влияние оказывает церковь на индейцев, подвергая их упорной идеологической обработке уже в течение многих столетий.

Современные индейцы не понимают тонкостей католической религии, как не понимали и их предки. Индейцы относятся к представителям церкви и к церковной службе с суеверным страхом, ибо многовековый опыт научил их, что неповиновение священнику, на стороне которого сила и власть, приносит им только горести и страдания в земной жизни и, по-видимому, еще более ужасные муки в загробном мире.

«Страх, — пишет американский исследователь Райкрофт, — один из наиболее действенных инструментов церкви, при помощи которого она влияет на индейцев. За каждое прогрешение индейца ждет жестокое и беспощадное наказание, ужасные, нескончаемые и неотвратимые муки в загробной жизни. Наглядно это представлено на картине ада, висящей перед алтарем иезуитского собора в Кито. На ней изображены все виды грешников и постигших их наказаний. Дикий зверь пожирает внутренности богохульника, неверную жену раздирают пантеры, одного грешника душит сам черт, а его подручные режут другого и т. д. Эта картина, утверждают знатоки, производит большее впечатление на индейцев, чем десятки миссионерских проповедей»².

В данном очерке мы попытаемся дать краткую историю католической церкви в Эквадоре с колониального периода по настоящее время.

Завоевание Эквадора испанскими конкистадорами связано с известным драматическим эпизодом: захватом, а затем убийством инкского правителя Атауальпы. В этих событиях деятельное участие принимал доминиканский монах Висенте Вальверде, духовник и политический советник Писарро и один из первых представителей католической церкви на землях Эквадора.

Когда Атауальпа согласился явиться на переговоры с Писарро в Кахамарку, его встретил Вальверде с крестом в одной руке и с библией в другой и прочел ему Рекеримьенто — своеобразный ультиматум, сочиненный испанскими теологами и предъявлявшийся индейцам конкистадорами. В Рекеримьенто заключалось требование беспрекословного подчинения индейцев испанской короне с ссылкой на дарование папой римским вновь открытых земель испанскому королю. В противном случае, говорилось в Рекеримьенто, испанцы объявят индейцам войну, силой захватят их земли и обратят их в рабство.

После того, как речь Вальверде была переведена, Атауальпа ответил: «Этот папа должно быть был пьян, когда дарил не принадлежащие ему земли»³.

Тогда Вальверде сунул Атауальпе библию, утверждая, что эта «священная» книга подтверждает требования испанцев. Атауальпа приложил библию к уху и, подержав немного, бросил ее на землю, сказав, что она ему «ничего не говорит».

Вальверде казалось только и ожидал этого. Он стал вопить: «Караул! Мы должны отомстить! Эта собака презирает закон Иисуса Христа и бросает наземь Евангелие!»⁴.

На призыв доминиканца откликнулись конкистадоры, которые во главе с Писарро вышли из укрытия и набросились на Атауальпу. Перебив большинство сопровождавших инкского правителя людей, конкистадоры пленили оставшихся в живых, в том числе самого Атауальпу.

В течение долгих месяцев индейцы сносили испанцам золото и другие драгоценности в надежде таким образом выкупить своего правителя. Когда индейцы принесли конкистадорам все золото, которое у них имелось, Вальверде потребовал предать Атауальпу смерти. Монах сам состряпал «обвинительный акт», согласно которому Атауальпе вменялись такие «преступления», как идолопоклонство и многоженство. Составленный из тех же конкистадоров «суд» признал Атауальпу «виновным» и приговорил к сожжению на костре. Инки, балзамировавшие тела умерших, считали, что если тело будет сожжено, то душа лишится бессмертия. Воспользовавшись этим, Вальверде уговорил свою жертву принять перед казнью католичество. Крестным отцом выступил сам предводитель головорезов Писарро, в честь которого Атауальпа был наречен Франсиско. Тем самым инкский правитель удостоился от своих палачей «великой милости»: вместо сожжения его удушили. Это произошло 29 августа 1533 г. Даже иезуитский историк наших дней Рубен Варгас Угарте вынужден признать, что во всей истории с Атауальпой поведение Вальверде «не было столь безупречным, как того бы хотелось»⁵.

Некоторое время спустя, Вальверде был назначен епископом Куско и получил титул «покровителя индейцев». В 1541 г. он, наконец, получил по заслугам: его убили индейцы неподалеку от Гуаякиля. Доминиканский орден считает Вальверде великомучеником и святым, однако даже иезуит Варгас Угарте выражает сомнения, достоин ли Вальверде столь высоких титулов⁶.

Но Вальверде не был исключением. Также враждебно относились к индейцам монахи Ходоко, Педро Нуньес, прозванный за свое пристрастие к огнестрельному оружию «Мушкетник» (Arcabuzero) и другие миссионеры — участники конкисты⁷.

Ритуальная маска в процессии «тела Христова»
в Сакисили, провинция Котопахи

Поработив индейцев, испанские завоеватели и сопровождавшие их представители церковных кругов принялись уничтожать памятники индейской культуры: храмы, «идолов» и другие предметы индейского культа и искусства. Один из церковников Франсиско де Авила хвалился в своих воспоминаниях, что уничтожил лично свыше 30 тыс. идолов и 3 тыс. гробниц, которым поклонялись индейцы. «Другие поступали так же», — писал Авила⁸.

Будучи не в состоянии утаить эти общеизвестные факты миссионерского вандализма, современные церковники пытаются разными софизмами оправдать разрушительную деятельность своих предшественников периода конкисты. Вот что по этому поводу пишет иезуит Варгас Угарте: «Было бы ошибочно оценивать эту деятельность согласно нашим современным взглядам. В те времена не только в Перу, но и в самых культурных районах мира не придавали особого значения этим древностям и не заботились об их сохранности. В Греции и

Риме, в Египте и Ассирии, где были воздвигнуты древними цивилизациями столь замечательные памятники, бремя времени, равнодушие, а также разрушения, совершенные людьми, нанесли им непоправимый вред, о чем мы сегодня сожалеем, но многие прошлые поколения взирали на это с полным равнодушием... Кроме того, уничтожение идолов в большинстве случаев являлось необходимостью из-за сильной склонности индейцев относиться к ним, как к предметам религиозного поклонения. Многие из этих идолов были простые фетиши, предметы ничего не стоящие, которые по своей форме, цвету или другим особенностям обращали на себя внимание индейцев, превращавших их в амулеты. Ничего не терялось с их уничтожением, и устранился, таким образом, повод для многих суеверий и беспочвенных верований, характерных только для варваров и людей низкой культуры»⁹.

Разумеется, в древние времена по разным причинам гибли цивилизации и вместе с ними и памятники культуры. Общеизвестно, что памятники римской культуры подверглись истреблению и разрушению христианами, как только христианство стало господствующей религией Рима. Варгас Угарте, однако, подтасовывает факты, когда говорит, что в XVI в. истребление памятников древности соответствовало духу времени. Нет, именно в этом веке — веке Возрождения — Европа, в первую очередь Италия, стала открывать и ценить погребенное и забытое в результате христианского фанатизма искусство древних, и даже папы римские, повинувшись этому «духу времени», собирали и водружали на площадях Рима древние римские и греческие статуи. Участники же конквисты действовали как раз наоборот, ибо они представляли дух контрреформы, в индейцах они видели не «разумных существ», а варваров, которых следовало силой обратить в католическую веру. Впрочем, сам Варгас Угарте недалеко ушел от своих облаченных в рясы предшественников, для него индейцы продолжают оставаться варварами, а их предметы культа — фетишами, достойными уничтожения.

Индейцев обращали в христианство силой, «как баранов», — отмечает индейский хронист Гуаман Пома де Айала. Часто их приводили к священнику связанными, и единственным способом обрести свободу было согласиться на крещение. Проповедники обращались к индейцам, как правило, по латыни или в лучшем случае через местных переводчиков, плохо знавших испанский язык, которые посвящали индейцев уже по-своему в тайны христианской мистики. «Имея таких учителей, — не без грусти отмечает Варгас Угарте, — и не получая другого таинства за исключением крещения, индейцы никоим образом не могли воспринять христианские обычаи и предать забвению

идолопоклонство; по этой причине среди наших туземцев наблюдается так мало прогресса в области веры»¹⁰. Миссионерская деятельность церковников, если она не подкреплялась силой, не давала результатов. Об этом можно судить на примере францисканцев, которые вели в течение двухсот лет миссионерскую работу среди индейцев андаки в районе Путумайо и Какета.

В 1747 г. в Кито был основан Колледж пропаганды веры — «Nuestra Señora de la Gracia», возглавляемый францисканцами, который стал центром миссионерской работы в Эквадоре и прилегающих к нему районах. Система обращения индейцев была очень простой. Захватывая силой или хитростью индейцев, миссионеры сосредоточивали их в поселениях — «редукциях», где под присмотром солдат заставляли работать на себя. Индейцы при первой же возможности восставали или бежали в девственные леса (*selva*), и миссионеры вновь начинали свою «работу».

«Различные документы свидетельствуют, — пишет колумбийский исследователь Хуан Фриде, — о тесном сотрудничестве в то время между солдатами и миссионерами. Церковники выдавали свидетельства о помощи, оказываемой солдатами миссиям, и о хорошем выполнении солдатами их обязанностей, что служило основой для выдачи им жалованья. Неоднократно миссионеры выражали солдатам благодарность за поддержку при поимке бежавших в девственный лес индейцев»¹¹.

Индейцы оказывали светским и духовным колонизаторам отчаянное сопротивление. В конце 1792 г. миссионер Хуан Антонио дель Росарио Гутьеррес писал: «Все потеряно: миссии, интересы короля, миссионеры убиты... Миссии разрушены, девять селений покинуты и сотни душ вернулись или к идолопоклонству, или разлагаются во власти собственных пороков. Все это огорчает меня»¹².

Неудачи миссионеров обостряли противоречия как среди церковников, так и между ними и светскими колонизаторами.

В 1791 г. коррехидор Фелипе Гутьеррес в докладе вице-королю Новой Гранады, в юрисдикцию которого входила провинция Кито, обвинил миссионеров в том, что они полностью провалились в деле евангелизации, цивилизации и воспитания индейцев, находящихся на их попечении. Миссионеры, писал Гутьеррес, отсиживают в городах, боясь общения с индейцами; преувеличивают число обращенных индейцев с тем, чтобы преумножить свои доходы, так как им платили соответственно числу новообращенных; ведут контрабандную торговлю с португальцами (граница с Бразилией, подчиненной Португалии, проходила вблизи населенного андаки района); торгуют воском, собираемым индейцами в диком лесу; жестоко наказывают индейцев по любому поводу; вызывают своими действиями

ненависть индейцев ко всему испанскому; считают себя выше всех и не подчиняются гражданским и военным властям; не сотрудничают с сопровождающими их войсками; не выполняют королевских инструкций касательно миссий; пытаются изолировать индейцев от светских колонизаторов¹³.

На обвинения Гутьерреса ответил миссионерский гвардиан (guardian de misiones) монах Фермин Ибаньес. Он признавал, что миссионеры не достигли результатов в своих попытках обратить индейцев андаки в христианство, но во всем винил самих индейцев. Туземцы, писал Ибаньес, подобны животным, они пьяницы и развратники, людоеды и не верят ни в какого бога. «После того, — писал Ибаньес, — как миссионер прочтет им проповедь и объяснит, что существует бог — создатель всех вещей, которому они должны поклоняться и который наказывает плохих после смерти в аду, в этом месте пыток и страданий, а хорошим дарует вечную благодать, индейцы начинают смеяться, а те, кто менее из них грешит гордыней, в лучшем случае говорят: „Возможно, так и есть“»¹⁴.

Ибаньес отвергает ответственность миссионеров за ничтожные результаты их деятельности; результаты, утверждает он, зависят от божественного провидения, пути которого неисповедимы. Что касается обвинения, выдвинутого Гутьерресом против миссионеров, в том, что они предпочитают осеживать в городах, то Ибаньес утверждает, что тому виной убийственный климат в районах, где приходилось им действовать. «Но разве священники, — писал с возмущением Ибаньес, — должны жертвовать даже своей жизнью, оставаясь в этих местах до смерти?... Когда они посвящают себя своему делу, они не отказываются и не могут отказаться от естественного права, обязывающего их сохранять свою жизнь»¹⁵.

Оказывается миссионерам, по крайней мере в Эквадоре, все не был присущ дух самопожертвования и идеализма, как это утверждают апологеты католической церкви. Фриде на основе изучения архивных документов приходит к выводу, что «при первых же трудностях миссионеры оставляли поле битвы»¹⁶. Миссионеры, отвечает все тот же Фриде, исходили из твердого убеждения, что за их проповедь индейцы были обязаны платить им даровым трудом. Индейцы, однако, придерживались на этот счет другого мнения. Они, как жалуется Фермин Ибаньес, требовали от «святых отцов» за свой труд платы в виде различных орудий труда (топоров, ножей и т. п.) или предметов (тканей, зеркал и т. п.), а когда миссионеры отказывали им в этом, то называли их «злыми отцами» (padres malos) и при первой возможности уходили от них в лес.

К концу колониального периода миссионеры вынуждены были признать, что их усилия обратить в христианство индей-

цев, обитавших у истоков Амазонки, потерпели полный провал. Архиепископ Санта-Фе неоднократно отказывался направлять миссионеров в этот район, так как, писал он, «не мог и не должен был рисковать своими подчиненными и бесцельно жертвовать их жизнью в подобной обстановке»¹⁷.

Своим поведением на завоеванных землях «святые отцы» мало чем отличались от других завоевателей. Они были так же жадны на золото и жестоки к местному населению, как и светские колонизаторы. Эквадор в этом отношении не был исключением. «Если бы я рассказал о всех подлостях, совершенных монахами и клириками, — писал хронист XVI в. Сиеса, — мой рассказ длился бы бесконечно, и слух христиан был бы оскорблен»¹⁸.

Архиепископ Кито, Федерико Гонсалес Суарес, автор семитомной истории Эквадора, вышедшей в конце XIX в., вынужден многократно признавать, что поведение духовенства в Эквадоре в колониальный период не имело ничего общего с пресловутой христианской добродетелью. Более того, он пишет: «Распущенность колониального духовенства не имеет себе равных в анналах католической церкви. Величайшим бедствием для нашего общества в колониальный период несомненно была скандальная распущенность наших монахов»¹⁹.

В Эквадоре действовали мерседарии, францисканцы, доминиканцы, иезуиты. Борьба за влияние часто приводила к вооруженным столкновениям между сторонниками различных орденов, ибо монахи с легкостью необычайной пускали в ход оружие. Монастыри они превратили в настоящие притоны, где находили, как пишет Гонсалес Суарес, «не только приют и покровительство, но даже почет и высокие должности испанские беглые монахи, изгнанные из орденов и осужденные на галеры за свои преступления...»²⁰.

Еще в начале конкисты церковники захватили почти половину всех земель в провинции Кито, и хотя специальный королевский указ в 1539 г. запретил им приобретать недвижимое имущество, продолжали концентрировать в своих руках земельную собственность²¹. К концу колониального периода, по данным Гонсалеса Суареса, в руках церковников находилось 77 имений. Эти данные оспаривает иезуитский историк Веласко, он утверждает, что церковники владели «только» 63 имениями²².

Особенным влиянием пользовался в колонии иезуитский орден. Иезуиты, пишет Гонсалес Суарес, обогащались во всей Испанской Америке с «угрожающей быстротой». Им была присуща — общая для всех монашеских орденов — необузданная жажда земных богатств. Но никакой другой орден не сумел захватить столько богатств, сколько иезуиты. Недвижимая

собственность иезуитов, их поместья принадлежали, несомненно, к лучшим в Эквадоре как по качеству земли, так и по тому, с какой заботой они управлялись. Иезуитские имения управлялись братом-коадьюнктором, в распоряжении которого имелось много подчиненных, готовых выполнять его приказания. В них было более чем достаточно рабочей силы — индейцев в горной зоне и негров-рабов на сахарных плантациях в жарких долинах. Иезуиты были крупнейшими в Кито рабовладельцами и работоторговцами. По данным Гонсалеса Суареса, в иезуитском имении Консепсион было 343 раба, в имении Чаманаль — 148 и т. д.²³

У иезуитов был избыток всего. Они пользовались продуктами всех климатов тропической зоны: вино они вырабатывали в Патате, Тумбако и Пимампиро; домашняя птица, свиньи, козы, огромные отары овец, табуны лошадей и ослов, отличный рогатый скот — все имелось в их поместьях. Обладание такими разнообразными богатствами превращало иезуитов с самых могущественных капиталистов колонии, что не без восторга отмечает Гонсалес Суарес²⁴.

Последователи Игнатия Лойолы не гнушались производить водку и торговать ею. Во всех иезуитских имениях, отмечает Гонсалес Суарес, имелись водочные заводы. Не гнушались иезуиты и ростовщичеством. Торговля находилась под контролем иезуитов, которые, владея почти всеми богатствами колонии, диктовали цены, что вызывало протесты народа и кабильдо²⁵.

Иезуиты были исповедниками и советниками колониальных вельмож, чиновников и помещиков, воспитателями их детей. В колонии не принималось ни одно важное решение без их ведома. «Богатые и знатные люди почитали для себя за честь дружбу с иезуитами и их рекомендательные письма и положительные отзывы очень ценились как креолами, так и самими испанцами, ибо мнение иезуитов оказывало большое влияние и даже решало дела в Королевском совете для Индий», — пишет Гонсалес Суарес.

В 1767 г., когда испанское правительство запретило иезуитский орден и из Эквадора было выслано 182 иезуита, стоимость их недвижимого имущества была оценена в 4 млн. песо, а их годовая рента — в 400 тыс.

Яркое свидетельство о нравах духовенства в первой половине XVIII в. оставил испанский ученый Антонио Ульоа, посетивший Эквадор вместе со своим коллегой Хорхе Хуаном в конце тридцатых годов указанного столетия.

Ульоа писал, что церковники так же обирали и эксплуатировали индейцев и относились к ним с такой же жестокостью, как и светские колонизаторы. «Коррехидоры и священники, — свидетельствовали испанские ученые, — как только учуют, что

индеец продал свою землю, потеряв, как обычно, на своей вынужденной сделке, так начинают одни придиратся к нему, а другие требовать от него подношений, пока крохи, вырученные индейцем, не перекочевывают в их карманы...»²⁶.

Жадность священников, казалось, не имела никаких границ. Чтобы обобрать индейца использовались и церковные праздники и религиозные братства. Когда отмечался день святого, покровителя прихода, то священник, по словам Ульоа, накладывал «руку на все, что индеец сберег в течение года, в том числе на птиц и животных, которых его жена и дети вырастили в своем шалаше, почти лишая себя еды и питаясь только дикими травами»...²⁷.

Обедня в честь святого стоила четыре с половиной песо, проповедь, которая сводилась к двум-трем фразам, оценивалась в ту же сумму, кроме того индейцы оплачивали процессию, свечи и ладан, не говоря уж о курах, яйцах, свиньях и баранах, которых они были вынуждены подносить священнику в течение года.

Один из священников в провинции Кито собирал ежегодно около 200 баранов, 6 тыс. кур и 50 тыс. яиц.

Такому же грабежу подвергали церковники индейцев в «день всех мертвых», когда индейцы вынуждены были принести на могилы своих предков фрукты и другие подарки. Священник прочитывал над каждой могилой краткую молитву и забирал то, что было на нее положено. Церковники требовали от индейцев подносить им вино. Чтобы «облегчить» индейцам эту задачу, священники продавали им бутылку вина, которую индейцы дарили потом тому же «святому отцу». Так за одну бутылку священник иногда выручал столько, сколько стоила бочка первосортного вина.

В 1786 г. алькалд города Риобамбы в отчете королевской аудиенции в Кито почти в тех же словах, что Антонио Ульоа, описывал деятельность местного духовенства²⁸.

Изгнание иезуитов и реформы Карла III несколько ослабили влияние церковников в колониях, в том числе в Эквадоре.

В этой атмосфере стало возможным появление в Кито такой примечательной личности, каким был метис врач Эухенио Эспехо (1747—1795), первый нам известный свободомыслящий ученый Испанской Америки, автор ряда произведений, разоблачающих реакционную деятельность церкви. Инквизиция преследовала Эспехо, он был заточен в тюрьму, из которой вышел с надломленным здоровьем. Преследования и различные лишения преждевременно свели в могилу этого одаренного просветителя и ученого²⁹.

Брат Эспехо, священник Хуан Пабло, выступавший с критикой колониальных порядков, был сослан под строгий надзор

на десять лет в монастырь в Куско (Перу). Преследования не испугали его. В 1809 г., когда народ поднялся на борьбу с испанскими колонизаторами, Хуан Пабло Эспехо стал одним из членов Патриотической хунты.

Освободительная борьба, начавшаяся в Эквадоре несколько раньше, чем в других частях испанских колониальных владений, носила чрезвычайно затяжной характер. Церковные верхи, назначавшиеся испанскими властями, были тесно связаны с колонизаторами, многие же рядовые священники креольского происхождения выступали за свержение испанского господства и провозглашение независимости. В Эквадоре, как и в других колониях, испанцы пытались использовать церковную верхушку и религиозные чувства верующих против патриотов. После подавления ряда восстаний, эквадорцам только в 1820 г. удалось при помощи венесуэльских и новогранадских патриотов свергнуть ненавистный колониальный режим и завоевать независимость. В течение последующих десяти лет Эквадор вместе с Венесуэлой и Новой Гранадой входил в состав Великой Колумбии, правительство которой считало себя наследником патронатского права, некогда присущего испанской короне. Колумбийские власти оказывали покровительство патриотически настроенным священникам и преследовали и наказывали тех представителей духовенства, которые выступали в поддержку испанских колонизаторов.

После окончания войны за независимость правительство Великой Колумбии, пытаясь укрепить свое положение, все больше стало опираться на церковную иерархию. Однако это не только не укрепило его положения, но в значительной степени ослабило, так как лишило правительство поддержки многих прогрессивно настроенных сторонников. В 1830 г. Великая Колумбия распалась, и Эквадор стал самостоятельным государством. Власть перешла в руки Хунты из представителей высшего духовенства и креольских помещиков, возглавляемой генералом Флоресом. Хунта провозгласила в том же году конституцию, которая, отражая интересы местной олигархии, устанавливала высокий имущественный ценз для избирателей и провозглашала католическую религию единственной государственной религией.

В 1835 г. в результате гражданской войны к власти пришел либерал Рокафуэрте. Его правительство несколько ограничило права церкви, оказывало поддержку светскому просвещению.

В 1839 г. власть вновь перешла в руки Флореса, который продолжал покровительствовать церковной знати и даже пытался оказать поддержку клерикально-церковному мятежу в Пасто (Новая Гранада) против либерального правительства в Боготе. В 1845 г. Флорес был опять свергнут. В последующие годы

Сцена конфирмации в Кито

страна неоднократно становилась ареной вооруженной борьбы между сторонниками либеральной и консервативной партий, на которые разделилось эквадорское общество. Либералы представляли интересы торговой буржуазии и передовых слоев интеллигенции, консерваторы — помещиков и церковной аристократии. Либералы сводили свою реформистскую деятельность к антиклерикальным мероприятиям: они выслали иезуитов, секуляризировали кладбища, ограничивали влияние церковников на образование. Приходившие им на смену консерваторы отменяли антиклерикальные мероприятия либералов, возвращали иезуитов, восстанавливали церковные права (*fueros*).

В 1860 г. власть захватил Габриель Гарсия Морено, ставленник помещиков и клерикалов, который установил деспотический режим, просуществовавший 15 лет. Этот период считается одним из самых мрачных в истории Эквадора. Ярый фанатик-клерикал, Гарсия Морено правил страной при помощи церковников, которых он наделил неограниченными правами.

В 1861 г. Гарсия Морено заключил с папским престолом конкордат, в результате которого, как отмечает американский историк Томас, «церковь фактически стала самой могущественной силой в стране, сам же Гарсия Морено выступал в роли исполнителя ее воли. Так, папская корреспонденция проникала

в Эквадор без всякой проверки; церковным судам стали подведомственны все дела, касавшиеся религиозных вопросов, и даже такие, как решение вопросов о завещаниях, браках, наследовании имущества, разводе и преступлениях. Вся система просвещения целиком перешла в руки монашеских орденов, причем господствующие позиции завоевали иезуиты. Для подавления оппозиции были введены в действие суровые законы. Неверующих выдворяли из страны; масонские ложи были закрыты, либеральные мыслители изгнаны. Все книги, журналы и газеты подвергались церковной цензуре»³⁰.

Гарсия Морено обязался перед папским престолом «никогда» не разрешать деятельность в Эквадоре какой-либо церкви, кроме католической, или организации, осужденной Ватиканом. Диктатор поклялся также преследовать всех врагов церкви, т. е. всех инакомыслящих, что относилось главным образом к деятелям либеральной оппозиции, которые в период диктатуры Гарсии Морено подвергались жесточайшим преследованиям.

При Гарсии Морено Эквадор наводнили иностранные церковники, главным образом из Франции и Италии, которые фактически стали управлять страной. В каждой епархии была открыта духовная семинария. Без согласия духовных властей нельзя было ни поступить на государственную службу, ни печататься, ни выезжать из страны.

Огромную власть получили иезуиты, которые вновь вернулись в Эквадор на основе специального соглашения, подписанного с Гарсией Морено. Иезуиты, до этого неоднократно высланные либералами из страны и вновь возвращавшиеся при консерваторах, умудренные опытом включили в соглашение пункт, который предусматривал, что «в случае, впрочем крайне неправдоподобном, запрещения правительством Общества Иисуса, его члены смогут быть высланы из страны или их деятельность прекращена только восемь месяцев спустя после запрещения Общества. В течение этого периода они будут пользоваться конституционными и правовыми гарантиями для того, чтобы подготовить свой отъезд из страны и ликвидировать свою собственность»³¹.

Последующие события показали, что случай, которого опасались иезуиты, не только оказался «правдоподобным», но и произошел быстрее, чем они сами могли предполагать.

Заключение конкордата, фактически отменявшего патронат, и возвращение иезуитов вызвали огромное возмущение не только в Эквадоре, но и в других странах Латинской Америки, где прогрессивное общественное мнение считало деятельность Гарсии Морено предательством не только национальных, но и общелатиноамериканских интересов. Особенно остро реагировала на действия Гарсии Морено Колумбия. По приказу колумбий-

ского президента — либерала Москеры, войска республики вторглись в Эквадор с тем, чтобы, как отмечалось в правительственном заявлении, освободить «братьев-демократов» Эквадора от «теократической тирании» Гарсии Морено. И хотя Москера вскоре отозвал свои войска из Эквадора, в самой стране продолжало нарастать народное негодование. В 1864 г. Гарсия Морено закончил свой президентский срок и, оставив на своем месте надежную марионетку, уехал в Европу. Его отсутствием воспользовались либералы. В стране вспыхнуло восстание. Преемник Гарсии Морено поспешил отменить конкордат и запретить иезуитский орден. Однако в страну вернулся Гарсия Морено, и вновь был восстановлен и конкордат и Общество Иисуса.

В 1869 г. созванное Гарсией Морено учредительное собрание приняло новую конституцию в духе пресловутого «Силлабуса» папы Пия IX³². Первая статья этой конституции была сформулирована следующим образом: «Римско-католическая религия провозглашается государственной религией, все другие религии запрещаются. Римско-католическая религия продолжает пользоваться извечными правами и прерогативами, присущими ей согласно божественному закону и каноническим постановлениям. Гражданские власти обязаны оказывать ей помощь и обеспечить ей уважение сограждан»³³.

Религиозный фанатизм Гарсии Морено, казалось, не знал пределов. Он порвал отношение с Италией в 1870 г., когда Рим был объявлен столицей итальянского государства. Гарсия Морено заставил послушный ему конгресс преподнести Пию IX подарок в 52 тыс. золотых франков в качестве возмещения понесенных им убытков в связи с потерей светской власти.

В 1873 г. послушный конгресс, по приказу Гарсии Морено, посвятил Эквадор «святому сердцу Иисуса».

Этот жестокий и фанатичный диктатор, которого церковники по сей день превозносят как великого патриота, просил Наполеона III присоединить Эквадор к своей империи. Наполеон III, готовившийся к завоеванию Мексики, отказался принять дар диктатора, который, узнав об этом, с сожалением воскликнул: «Моя самая заветная мечта не осуществилась»³⁴. Когда же Наполеон III предпринял интервенцию против Мексики, его эквадорский почитатель встретил это событие с восторгом. Он писал 22 июля 1863 г. «Судьба Мексики открывает новую эру этим несчастным странам. Демагогии нанесен смертельный удар, и Америка теперь начнет дышать»³⁵.

Непримиримым врагом диктатора был страстный патриот, яркий публицист Хуан Монтальво, продолжавший просветительские традиции Эспехо. Его перо беспощадно разило диктатора. «Гарсия Морено, — писал Монтальво, — разделил Эквадор

на три равные части: одну часть он осудил на смерть, другую — на ссылку, третью — на рабство... Говорят, что Эквадор под господством Гарсии Морено достиг больших высот морального прогресса. Но без книг, без чтения, кому доступны образование, цивилизация? Солдат командует гражданином, монах солдатом, палач монахом, тиран палачом, а дьявол тираном, и все это парит в атмосфере всеобщего разложения»³⁶.

Гарсия Морено, пишет Леопольдо Бенитес, купался в крови своих врагов, он заточал их в тюрьмы, ссылал, расстреливал, подвергал порке, избивал палками, пытал. Кровожадность и мстительность его, казалось, не знали предела.

В 1875 г. группа молодых патриотов убила тирана в его дворце. «Если бы Гарсия Морено умер в кровати, — писал Монтальво, — то Эквадор навсегда был бы заклеямен печатью рабства; он пал под ударами кинжалов, и его жертвы получили тем самым право на уважение свободных народов»³⁷.

Однако надежды передовых людей на то, что со смертью тирана положение в стране изменится, не оправдались. Власть перешла в руки реакционных генералов, за спиной которых стояли все те же попы и помещики. Послушный им конгресс провозгласил Гарсию Морено «воскресителем родины и мучеником за католическую цивилизацию» и постановил воздвигнуть в его честь статую со следующей надписью: «Его превосходительству Гарсия Морено, самому великому сыну Эквадора, отдавшему свою жизнь за веру и родину».

В 1876 г. власть захватил генерал Вентимилья, отменивший конкордат. Это вызвало в ряде мест мятежи во главе с церковниками. В следующем году в Кито, во время богослужения в соборе скончался от отравления архиепископ Чека. Хотя выяснилось, что отравителем был священник Андраде, действовавший из чувства личной мести, так как архиепископ понизил его в должности, клерикалы обвинили в смерти Чеки генерала Вентимилью. Давление церковников в конце концов заставило Вентимилью возобновить конкордат с Ватиканом. Попы снова захватили ключевые позиции в республике, которая во второй раз была посвящена «святому сердцу Иисуса». Конгресс выделил крупную сумму на строительство монументального храма в честь «святого сердца».

Борьбу против правившей в Эквадоре генеральской клики возглавил патриот Элой Альфаро, один из участников движения против диктатора Гарсии Морено. После многих лет борьбы Элою Альфаро удалось объединить вокруг себя широкие народные массы и захватить в 1895 г. власть. Церковники, однако, продолжали вести войну против Альфаро. Епископ Гуаякиля — немец Шумахер организовал банды фанатиков, оказывавших вооруженное сопротивление Элою Альфаро. В одной из своих

прокламаций Шумахер писал: «Призывы „Долой попов!“ и „Смерть Иисусу!“, судя по всему, восторжествуют... Выбирайте между богом и сатаной, ибо нет другого выхода. Христианские воины! Кто из вас погибнет в борьбе с греховным радикализмом, тот завоеует себе славу мученика. Да победит господь адские силы! Об этом мы его молим во имя отца, и сына, и святого духа!»³⁸. Ему вторил архиепископ Кито, сравнивавший в одном из своих воззваний либерализм и радикализм с «беспутной вавилонской девкой», о которой говорит св. Иоанн в Апокалипсисе, и призывавший всех верующих к борьбе с отлученным от церкви «безбожником» Элоем Альфаро.

Но эти истошные вопли, пропитанные злобой и ненавистью, прозвучали гласом вопиющего в пустыне. Народ устал от всевластия попов и приветствовал приход к власти Элоя Альфаро, дважды избиравшегося президентом (1895—1901, 1906—1911).

В первый период своего правления Альфаро отменил конкордат, заменив его законом о патронате, ввел гражданский брак, светскую систему образования. Однако он действовал осторожно и пытался не обострять отношений с церковной иерархией. Более того, Альфаро поддерживал личные дружеские отношения со многими прелатами, находился в переписке с папой Львом XIII и даже ходатайствовал перед Ватиканом о канонизации эквадорской «святой» Марины. Его преемник президент Пласа обложил налогом церковную собственность, запретил церкви получать десятину. Пласа провел закон, по которому только гражданский брак и развод признавались законными.

Во второй период своего правления Альфаро решился провести более радикальные реформы. В 1906 г. церковь была отделена от государства, а в 1908 г. национализирована и распродана с торгов церковная собственность. Церковники не могли простить Альфаро этих реформ. В стране постоянно вспыхивали мятежи, инспирированные священниками. По всей стране церковники кляли «еретика, нечестивца, индейца» Альфаро и призывали верующих расправиться с ним. Такой случай представился в 1912 г., когда Альфаро, удалившийся после своего президентского правления за границу, вернулся в страну во время очередного мятежа с намерением выступить в роли примирителя враждующих сторон. Вскоре, однако, он и группа его друзей были арестованы и заточены в тюрьму в Кито, где с ними зверски расправилась банда уголовников, проституток и монахов под возгласы: «Да здравствует религия! Смерть нечестивцам!»

Нельзя читать без ужаса то, что сделали потом эти убийцы с телами своих жертв. Они разрезали их на куски, один из убийц пробил отрубленную голову, освободил от мозгов, наполнил чичей³⁹ и, произнося тосты, стал пить! Часть останков была

брошена бродячим собакам на съедение, а оставшиеся сожжены на костре, специально разведенном в центре города. Правую обугленную руку Элоя Альфаро купил за 1 сукре некий американец в качестве сувенира. Мы опускаем другие омерзительные детали этой кровавой вакханалии, которая подробно описана во многих трудах по истории Эквадора⁴⁰.

Хотя отделение церкви от государства сохранилось по настоящее время и либеральная буржуазия продолжала удерживать власть в Эквадоре в последующие годы, ее отношения с церковью принимали все более дружественный характер по мере роста рабочего движения в стране. После первой мировой войны церковь смогла благодаря этому вновь укрепить свои позиции. Американский исследователь Мэчам указывал в начале 30-х годов текущего столетия, что церковь контролирует в Эквадоре почти все среднее образование, а также вновь обзавелась земельной собственностью, оценивавшейся в 20 миллионов долларов⁴¹.

Церковь продолжала оказывать большое влияние на индейцев. «Среди индейского населения, — писал Мэчам, — влияние католической церкви является решающим, и действенность платонических прокламаций (против этого влияния. — И. Г.), исходящих из Кито, равна нулю. Большинство людей в Эквадоре невежественно, находится во власти предрассудков и примитивных форм христианства, проповедуемых католическим духовенством. В особенности они страдают наказаний, которые, согласно воспринятому верующими учению, ожидают их за прямое неподчинение церковным предписаниям»⁴².

Отношение к церкви различных слоев современного общества отражено в ряде известных произведений эквадорских писателей реалистической школы.

В 1934 г. был опубликован роман тогда еще молодого и малоизвестного эквадорского писателя Хорхе Икаса «Уасипунго». Роман Икасы давно признан классическим произведением современной эквадорской литературы, правдиво отражающим борьбу уасипунгера против помещиков-эксплуататоров, их быт, повседневные заботы, горести и надежды.

Сюжет романа предельно прост. Обанкротившийся помещик Альфонсо Перейра с семьей возвращается из Кито в свое поместье Кучитальбо в районе Ориенте, земли которого обрабатываются уасипунгерами. По заданию американских бизнесменов, Перейра скупает близлежащие участки, богатые ценными породами дерева. Потом, по приказу американцев, Перейра сгоняет с этих земель уасипунгера, которые поднимают восстание, подавленное властями.

Одним из центральных персонажей этой истории является «кура» — священник, постоянно живущий в поместье и сопри-

касающийся с индейцами. Автор даже не наделил его именем, как бы подчеркивая этим, что речь идет не о каком-то особенном, а о типичном представителе духовенства в Эквадоре.

С первых же дней после своего приезда либерал Перейра близко сходитесь со священником. На язвительные замечания некоторых людей «либерал» Перейра гордо отвечает:

«Вы не видите дальше своего носа. У меня свои планы. Этот священник — исключительно важное лицо в данной обстановке»⁴³.

Перейра знает, что он делает. Кура помогает ему купить по дешевке близлежащий участок с «цивилизованными» и «дикими» индейцами на нем, за что священник получает изрядный куш.

Для использования земель Перейры необходимо проложить через них дорогу, а это могут сделать только местные индейцы, но они отказываются трудиться на ее постройке за гроши.

Убедить их принять участие в строительстве, да еще даром, берется все тот же кура, опять за определенное вознаграждение. Сговор происходит в местном питейном заведении, которое содержит доверенное лицо помещика — «политический уполномоченный» — представитель центральной власти. Договорившись с ним и со священником, Перейра посылает уполномоченного к себе в поместье за коньяком, а затем вместе со священником насилует жену уполномоченного в присутствии ее детей.

Священник ежедневно убеждал индейцев принять участие в постройке дороги, обещая за «каждый пройденный метр» тысячу дней индульгенции и «наивысшее благословение» господ-бога.

В то время, как священник отравлял души индейцев с амвона, «либерал» Перейра не скупился на чичу и гуарапо. Результат не заставил себя ждать: индейцы дружно взялись за строительство дороги.

«Для андских индейцев в Эквадоре, Перу и Боливии, а также для индейцев Мексики и Гватемалы, — пишет американский исследователь Райкрофт, — религия главным образом связана с ежегодным праздником в честь святого патрона селения, когда его изображение несут во главе процессии и ее участники иногда одеваются в типичные индейские наряды и носят маски. Несколько дней проходят в танцах, пьянстве и играх, во время которых индейцы расходуют все свои сбережения или даже попадают в долговую кабалу к помещику и ростовщику из ближайшего города. Таким образом, религия является одной из главных причин господствующей нищеты»⁴⁴.

Одной из форм эксплуатации индейцев католическим духовенством является система приостаго. Один из индейцев становится «приосте» праздника (как правило на три года). Приосте обязан покрыть все расходы по проведению праздника.

Не имея для этого средств, он влезает в долги к тому же священнику или местному лавочнику, занимая деньги под проценты. Положение приюсте дает рядовому индейцу на время почувствовать себя полноправным человеком, пользующимся уважением и авторитетом не только среди своих соплеменников, но и среди «белых». Священники всеми силами поддерживают этот авторитет, дабы не исчезала выгодная для них традиция. После праздника индейцу-приюсте лишь по прошествии нескольких лет удастся рассчитаться со своими кредиторами. Нередко долг покрывается не только деньгами, но и продуктами, производящимися в хозяйстве должника, работой на работодателя, личными услугами. Приюстаго, таким образом, является скрытой формой кабальной зависимости.

Хорхе Икаса в своем романе разоблачает эту форму эксплуатации с большим мастерством. Выведенный им приюсте теряет не только состояние, но и жизнь.

Двадцать лет спустя после выхода в свет романа Хорхе Икаса «Уасипунго» исследователи отмечали, что влияние церкви на индейцев в Эквадоре все еще продолжало оставаться значительным. Американский исследователь Бланкстайн объясняет это тем, что «белая» церковная иерархия Эквадора опирается на широкую сеть приходских священников метисного происхождения, живущих в гуще индейского населения⁴⁵. Этнограф Салц обращает внимание на то, что приходские священники в свою очередь опираются на церковные братства, имеющиеся в каждом индейском селении. В их задачу входит сохранение в исправности часовен и церквей, организация церковных праздников и прочих религиозных церемоний. Возглавляет такое братство «синдако» (sindaco) — хранитель ключей от часовни. Его помощники носят название алькалдов; они ответственны за мобилизацию индейцев на работы (mingas, faenas), за ремонт церковных зданий. Другие должностные лица братства — альгвасилы смотрят за порядком во время проведения церковных праздников⁴⁶. По существу эти должностные лица образуют руководство индейской общины, об этом говорит, в частности, и то обстоятельство, что отличительным знаком их власти является посох. Братства являются теперь практически единственной формой индейского самоуправления, поэтому они пользуются авторитетом среди индейского населения и его поддержкой.

Но хотя власть церковников над индейцами все еще остается довольно большой, она уже не столь всеобъемлюща, как прежде.

Монахини на улицах Кито

*

Католическая церковь продолжает вести среди индейцев в ряде районов Эквадора энергичную миссионерскую деятельность. Миссионеры, как правило, иностранцы. 25 миссий содержит только миссионерская община Марии непорочной (Comunidad de Misioneras de Maria Inmaculada, они же Monjas Lauritas). Большинство ее членов — колумбийцы.

Хотя церковь отделена от государства, правительство не только разрешает деятельность миссионеров, но и в значительной мере ее финансирует. В государственном бюджете на 1962 г. выделено 3 млн. сукре миссиям хосефинов, капуцинов и кармелитов (в основном — иностранцы), действующим в провинции Напо (в районе Ориенте). Все школы в этой провинции, а также местные муниципальные власти и даже аэродромы находятся под контролем церковников⁴⁷⁻⁴⁸.

В районе Ориенте миссионерские резервации превращены в настоящие феодальные владения церковников, на которых бесплатно работают тысячи индейцев хибаро.

Наряду с католическими миссиями в стране действуют и протестантские. С 1946 г. в провинции Пичинча (община Пикалки, кантон Педро Монкайо) действует протестантская Объединенная индейская миссия (она же — Misión pro Indigenas Andinos, или Misión Andina).

Между католическими и протестантскими миссиями существует жестокая конкуренция. В общине Саласака, в провинции Тунгурауа действуют почти рядом католическая миссия монахинь ордена Марии непорочной под вывеской «Дом Бартоломе де Лас Касас» и протестантская мужская миссия Христианского альянса.

Вот что пишет об этих миссиях посетивший их в 1956 г. эквадорский исследователь Гонсало Рубио: «На основе бесед с миссионерами обеих миссий мы пришли к выводу, что между ними ведется беспощадная борьба за завоевание индейских душ... Отношения между двумя миссиями нам показались вовсе не христианскими. Если туземец посещал одну из миссий, другая его отвергала; если он ходил к монашенкам, он уже не мог являться к пасторам. „Они друг друга ненавидят“, — заявил нам один молодой туземец»⁴⁹.

Деятельность миссионеров финансируется не только особыми бюджетными ассигнованиями, но и правительственным Национальным институтом колонизации. Так например, этот институт в 1962 г. выплатил различным миссиям в провинции Напо 168 тыс. сукре, миссии хосефинов 50 тыс. сукре, францисканской миссии 40 тыс. сукре, протестантским миссионерам 400 тыс. сукре, католическому прелату Леонидасу Проаньо для финансирования различных проектов колонизации — 280 тыс. сукре и т. д.⁵⁰

Католическая церковь в Эквадоре, земельная собственность которой была формально национализирована в начале этого столетия, давно уже вновь превратилась в крупнейшего латифундиста страны. Только в одной провинции Каньяр церковные поместья оцениваются в 10 млн. сукре. В провинции Чимборасо церкви принадлежат латифундии «Санта Крус», «Кольта Мерсед», «Монхас Корраль», «Сан Висенте» и «Сула», последняя в 12 000 га стоимостью около 120 млн. сукре. Такая же картина и в других провинциях Сьерры.

Основным объектом эксплуатации церковников были и остаются индейцы. В одном из отчетов Эквадорского института антропологии и географии о положении крестьян в провинции Чимборасо говорится: «Труд индейца приносит доходы не только хозяину, собственнику или арендатору земли, но и обеспечивает привольную жизнь приходскому священнику, ибо, согласно установленному обычаю, священник использует каждую возможность — от крестин до похорон — для того, чтобы обобрать индейца. Например, священник в Кочабамбе требует, чтобы каждая индеанка, выходящая замуж, находилась в его услужении в течение месяца под предлогом религиозной подготовки к браку. А будущий супруг должен обслуживать священника, обрабатывать его землю. Кроме этого, за свадебную церемонию индеец должен уплатить 80 сукре»⁵¹.

На землях церковников работают тысячи уасипунгера, подвергаясь той же эксплуатации, что и в поместьях светских латифондистов. Уасипунгера, работающие на землях церковников, не получают даже нищенской зарплаты, установленной законом в 3 сукре, а 1 или 2 сукре, как например, в церковных поместьях в провинциях Каньяр и Асуай⁵².

В церковных поместьях нет школ. В городах церковники содержат торговые кампании, участвуют в финансовых спекуляциях, занимаются ростовщичеством. В одном из отчетов эквадорского Национального планового совета говорится: «Обращает на себя внимание, что большое число ростовщиков состоит из мужчин и женщин, принадлежащих к монашеским орденам»⁵³.

Хотя по заключенному в 1937 г. с Ватиканом соглашению церковникам запрещено участвовать в политической жизни страны, церковные иерархи, пользуясь покровительством правящих классов, принимают самое активное участие в политике.

Эквадорский епископат, возглавляемый кардиналом де ла Торре, ведет систематическую кампанию клеветы и угроз по отношению к прогрессивным силам страны, в частности к коммунистам, выступающим за проведение насущных социальных реформ и борющихся против засилия американского империализма.

Кардинал де ла Торре заявил, что предпочитает, чтобы Эквадор был оккупирован Перу, чем подпал бы под власть «международного коммунизма».

Кардинал де ла Торре неоднократно высказывался в поддержку диктаторов, слуг американских империалистов. О «карибском шакале», доминиканском диктаторе Трухильо, кардинал де ла Торре высказывается так: «Не из чувства низменного преклонения, а из строгого долга справедливости был дан его превосходительству генералу доктору дону Рафаэлю Леонидасу Трухильо Молине славный титул благодетеля и отца родины... Он, верно понимая чувства своего народа, поддерживал тесные и дружеские отношения с церковью, которые завершились подписанием конкордата со святым престолом».

С амвона и в школах церковники ведут антикоммунистическую пропаганду. Коммунисты рисуются в виде чудовищ, для которых не существует чести, благородства, патриотизма, продающих родину России и стремящихся уничтожить церковников и церкви.

С лютой ненавистью относятся церковники к революционной Кубе. Церковники угрожают отлучением всем тем, кто высказывается против попыток американских империалистов задуть Кубинскую революцию.

С яростью встретили церковники отказ Эквадора поддержать заговор американских империалистов против Кубы на конференции в Пунта-дель-Эсте. «С тех пор, — пишет журнал «Маньяна», — под покровительством церкви, с помощью американских долларов, щедро распределяемых посольством США, усиливается кампания продажной прессы и начинается осуществление планов правых партий», цель которых превратить Эквадор в послушного исполнителя воли империалистов США⁵⁴.

Сразу же после конференции в Пунта-дель-Эсте клерикальная партия Христианско-социальное движение исключила из своих рядов министра иностранных дел Франсиско Агосту, который совершил «преступление», отказавшись голосовать против Кубы⁵⁵.

Вслед за этим церковники, реакционные генералы и продажные политиканы, руководимые и финансируемые посольством США в Кито, вступили в заговор с целью свергнуть правительство Аросемены или заставить его проводить угодную Вашингтону политику. Когда в начале 1962 г. вспыхнул военный мятеж в Куэнке, церковники заявили, что «сам Иисус Христос» вдохновляет мятежников. Католическое действо, Католическая университетская молодежь, Католическая рабочая молодежь, Католические профсоюзы и другие клерикальные организации открыто выступили в поддержку взбунтовавшихся военных.

Антиправительственная агитация церковников, клерикалов, маневры продажных генералов, получавших приказы из американского посольства в Кито, в конце концов вынудили правительство Эквадора порвать дипломатические отношения с Кубой, Чехословакией и Польшей. Но эквадорский народ продолжает борьбу за свою свободу и независимость и можно не сомневаться, что в конце концов он одержит решительную и окончательную победу над своими врагами.

*

Факты, таким образом, свидетельствуют, что католическая церковь в Эквадоре, впрочем, как и в других странах Латинской Америки, является оплотом реакции. Она тесными узами связана с интересами помещиков и империалистов. Однако ее влияние на верующих падает. Сама жизнь, повседневный опыт толкают индейские массы, трудящихся Эквадора на борьбу против засилия помещиков, церковников и империалистов.

- ¹ A. Pareja Diezcanseco. Historia del Ecuador, vol. II. Quito, 1954, p. 74.
- ² W. Stanley Rycroft. Religion and Faith in Latin America. Philadelphia, 1958, p. 124.
- ³ A. Pareja Diezcanseco. Op. cit., p. 130.
- ⁴ Ibid., p. 130—131.
- ⁵ R. Vargas Ugarte. Historia de la Iglesia en Perú (1511—1568), t. I. Lima, 1953, p. 137.
- ⁶ Ibid., p. 186.
- ⁷ L. Benites. Ecuador: Drama y para doja. México — Buenos Aires, 1950, p. 93.
- ⁸ R. Vargas Ugarte. Op. cit., p. 119.
- ⁹ Ibid., p. 118—119.
- ¹⁰ Ibid., p. 223.
- ¹¹ J. Friede. Los Andaki. 1538—1947. Historia de la aculturación de una tribu selvatica. México — Buenos Aires, 1959, p. 244.
- ¹² Ibid., p. 247.
- ¹³ Ibid., p. 248.
- ¹⁴ Ibid., p. 251.
- ¹⁵ Ibid., p. 253.
- ¹⁶ Ibidem.
- ¹⁷ Ibid., p. 256.
- ¹⁸ R. Vargas Ugarte. Op. cit., p. 198.
- ¹⁹ F. Gonzales Suarez. Historia general del Ecuador, vol. V. Quito, s. a., p. 495—496.
- ²⁰ Ibid., vol. IV, p. 139.
- ²¹ L. Benites. Op. cit., p. 116.
- ²² Ibid., p. 122.
- ²³ F. Gonzales Suarez. Op. cit., vol. V. p. 249—251.
- ²⁴ Ibid., p. 246—247.
- ²⁵ Кабильдо — городское самоуправление в испанских колониях Америки.
- ²⁶ J. Juan, A. Ulloa. Noticias Secretas de America, t. I. Madrid, 1918, p. 321.
- ²⁷ Ibid., t. II, p. 10.
- ²⁸ См. L. Benites, Op. cit., p. 121—122.
- ²⁹ Более подробно об Эспехо см.: Хесуальдо. Эухенио Эспехо — эквадорский просветитель XVIII в. в кн. «Латинская Америка в прошлом и настоящем». М., 1960.
- ³⁰ А. Б. Томас. История Латинской Америки. М., 1960, стр. 42.
- ³¹ L. J. Mecham. Church and State in Latin America. Chapel Hill, 1934, p. 182—183.
- ³² «Силлабус», или перечень «заблуждений», осуждаемых католической церковью. Издан папой Пием IX в 1864 г. «Силлабус» осуждал науку, свободу печати и слова, свободу совести. «Анафема, — говорится в «Силлабусе», — тому, кто скажет, что римский папа может и должен примириться и вступить в соглашение с прогрессом, либерализмом и современной цивилизацией».
- ³³ L. J. Mecham. Op. cit., p. 183.
- ³⁴ A. Pareja Diezcanseco. Op. cit., vol. III, p. 195.
- ³⁵ Ibid., p. 244.
- ³⁶ Ibid., p. 317.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibid., p. 359.
- ³⁹ Чича — алкогольный напиток.

⁴⁰ J. Peralta. Eloy Alfaro y sus victimarios (Apuntes para la historia). Buenos Aires, 1951, p. 257—258; A. Pareja Diezcanseco. La Hoguera barbara (Vida de Eloy Alfaro). México, 1944, p. 302—309.

⁴¹ L. J. Mecham. Op. cit., p. 190—191.

⁴² Ibid., p. 192.

⁴³ J. Icaza. Huasipungo. Buenos Aires, 1960, p. 30.

⁴⁴ W. S. Rycroft. Op. cit., p. 122.

⁴⁵ G. I. Blankstein. Ecuador: constitutions and caudillos. Berkeley and Los Angeles, 1951, p. 18, 20.

⁴⁶ B. R. Salz. The Human Element in industrialization. A Hypothetical Case Study of Ecuadorean Indians. Menasha, 1955, p. 173—174.

⁴⁷⁻⁴⁸ «Mañana». Quito, № 101, 11.I 1962, p. 10.

⁴⁹ G. Rubio. Promociones indigenas en America. Quito, 1957, p. 332.

⁵⁰ «Mañana», № 115, 19.IV 1962, p. 5.

⁵¹ J. Galarza Zavala. Curas latifundistas y chilqueros. «Mañana», № 82, 31.VIII 1961, p. 6.

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibid., p. 26.

⁵⁴ «За рубежом», № 15 (196), 14.IV 1962.

⁵⁵ «L'Unita», 2.IV 1962.

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

рогрессивное студенческое движение является одним из важных факторов национально-освободительной борьбы в Эквадоре. В последнее время студенческое движение в Эквадоре значительно возросло, приняло массовый характер и находит поддержку среди широких слоев населения. Рассматривая проблемы развития национально-освободительного движения слабо развитых стран Латинской Америки, нельзя опускать вопрос участия студентов в этой борьбе. Студенческая молодежь более свободна от предрассудков прошлого, а образование делает ее более прогрессивной, чем та среда, в которой она росла. Буржуазные правительства, не выполняющие своих обязательств и обещаний, теряют авторитет в глазах молодежи и уже не способны увлечь за собой подрастающее поколение. Студентов привлекают идеи марксизма. Это страшит буржуазные правительства, и они, пытаясь увековечить капиталистическую эксплуатацию, не допустить осуществления вековой мечты трудящихся о свободе, равенстве и братстве, остановить неотвратимый приход нового общественного строя, применяют самые различные средства: обман людей своими мнимыми уступками, открытый террор и т. д. Но каждый грамотный человек понимает, что изменения в общественной жизни Эквадора неизбежны, и в борьбе за их быстрее осуществление активное участие принимает студенческая молодежь.

Кто же из восьмиста двадцати тысяч современных молодых эквадорцев может сегодня поступить в высшее учебное заведение? Лишь половине из них посчастливилось в свое время пойти в начальную школу, хотя по конституции Эквадора все они должны были в возрасте от 8 до 14 лет получить бесплатное начальное образование. Это связано с тем, что в стране острый недостаток школ и учителей. Решению этой жгучей проблемы государство уделяет мало внимания и средств, считая ее второстепенной.

В 1962 г. на нужды образования было выделено на 29,4 млн. сукре¹ меньше, чем в 1961 г., несмотря на общее увеличение бюджета Эквадора.

Обучение в школах ведется на испанском языке, что закрывает двери образования для коренного населения — индейцев, составляющих 51% населения страны. Эквадорская официальная статистика при оценке процента грамотности исключает индейское население страны. Это позволяет правительственным органам занизить процент неграмотности и показать в лучшем свете свою «демократическую» деятельность.

Государственные шестилетние школы существуют лишь в городах, центрах провинций и кантонов; в сельской местности, где живет более 70% населения, преобладают частные платные школы. Занятия в них ведет один учитель, набравший класс из разновозрастных учеников и обучающий их в течение трех-четырех лет до следующего набора учеников. Церковь через своих доверенных лиц основала в Эквадоре большое число одно-двухкомплектных начальных школ, в которых обучается примерно треть всех школьников. Многие дети не посещают школы либо потому, что их родители (часто прекрасно сознающие необходимость получения образования) не могут обойтись без заработка своих детей, либо потому, что в данной местности нет школ. Часть детей вынуждена бросать обучение после одного-двух лет занятий². Фактически заканчивают четвертый класс начальной школы только 12,2% детей, включенных в список учащихся начальной школы.

По окончании шестилетней начальной школы дети могут продолжать обучение в средней школе, или колледжах, но только 5%, окончивших начальную школу, могут пойти в платные шестилетние средние школы. Оканчивают средние школы лишь 4% от общего числа поступивших в первый класс начальной школы. И лишь пятая часть окончивших среднюю школу попадает в университеты.

В семи высших учебных заведениях страны в учебном 1958/59 г. обучалось 7562 студента, что составляет немногим более 0,8% эквадорской молодежи. Индейцев в университетах нет. Обучение в университетах платное. Студенты оплачивают экзамены, консультации. Большие суммы денег (от 350 до 800 сукре) вносятся за право защищать диплом и 2000 сукре за разрешение проводить практическую работу.

В учебных программах предпочтение отдается гуманитарным наукам. Так, в 1960 г. в Центральном университете в Кито изучением агрономии занималось лишь 1,11% студентов, в то время как премудростями коммерции овладевало 75,46% студентов³.

Не все студенты могут полностью оплачивать обучение в университете. Существующая в Эквадоре Федерация университетских студентов прилагает большие усилия для облегчения тяжелого положения студентов. Федерацией создаются столовые

и общежития при университетах. Большую помощь эквадорским студентам оказывает прогрессивный Международный союз студентов (МСС). Только за последние годы Федерация студентов университетов Эквадора получила от МСС лабораторное оборудование, в том числе микроскопы от Германской Демократической Республики, медикаменты, оборудование для вновь организуемых столовых и общежитий и др.⁴ Эта деятельность прогрессивного Международного союза студентов оказывает большое влияние на формирование мировоззрения эквадорских студентов.

Современное прогрессивное студенческое движение в Эквадоре имеет древнейшие в Латинской Америке традиции, восходящие к моменту открытия в 1586 г.⁵ первого университета в столице Эквадора Кито и складывавшиеся, несмотря на засилие церкви и гнет испанской колониальной администрации.

Существовавшие в то время противоречия между колонией и метрополией нашли отражение и в волнениях студентов, в их выступлениях против испанской администрации университетов. О борьбе студенчества косвенно свидетельствуют строгие предписания, определяющие одежду и нормы поведения студентов, а также существовавшие в тот период всевозможные запреты.

В этот мрачный период инквизиции (конец XVIII — начало XIX в.) из студенческой среды, борющейся против несправедливости, вышли замечательные люди — борцы, ставшие во главе эквадорского прогрессивного движения — Эухенио Эспехо, Хуан Монтальво и др.

Толчком к активным действиям студентов вместе с народными массами Эквадора послужила Великая Октябрьская социалистическая революция. Студенты всегда были в первых рядах новых демократических начинаний, закладывая прогрессивные традиции своего движения. Особое революционизирующее влияние оказало совместное участие студентов университетов и рабочих Эквадора в 1918—1923 гг. в кампании, проходящей под лозунгом «Руки прочь от Советской России!». Этот период ознаменовался крупными студенческими волнениями и забастовками.

Мировой кризис 1929—1933 гг. затронул экономику Эквадора, создал обстановку политической неустойчивости правительств, неспособных решить вставшие перед ними экономические вопросы и пытавшихся переложить всю тяжесть кризиса на плечи трудящихся, «нормализовать» экономику за счет народных масс, что вызывало протест и возмущение эквадорского народа. Народные выступления жестоко подавлялись правительством. В ответ на это трудящиеся начали активно объединяться. Среди молодежи и студентов также стали организовыв-

ваться группы, но они были разрознены, немногочисленны, не имели определенной программы и цели.

И только созданная в 1928 г. Коммунистическая партия Эквадора впервые в истории страны предприняла меры для объединения действий прогрессивно настроенных молодых рабочих и студентов.

В этот тяжелый период, когда любое прогрессивное начинание встречалось в штыки, организации молодежи вели полулегальную деятельность, поэтому точными данными о их численности мы, к сожалению, не располагаем.

В 1930 г. на созванной в Кито конференции прогрессивной молодежи была создана общая национальная организация «Красное Крыло» («Ала Роха»), в которую вошли рабочие и студенты.

Под руководством Коммунистической партии Эквадора организация «Красное Крыло» принимала активное участие в предвыборных кампаниях, проводя широкую агитацию среди рабочих и служащих, крестьян и интеллигенции, призывая их голосовать за кандидатов, поддерживаемых компартией. В середине 30-х годов трудящимися Эквадора был достигнут ряд побед в борьбе за признание своих прав. Повсеместно были созданы различные профсоюзные организации трудящихся. Студенты университетов не остались в стороне от этой борьбы, и их совместные с преподавателями действия заставили президента. П. Энрикеса в апреле 1935 г. пойти на создание Национального союза учителей, что, безусловно, способствовало улучшению положения учителей и дало толчок для развития просвещения в Эквадоре.

Организация «Красное Крыло» выпускала журнал «Ала Роха» («Красное Крыло»), в котором освещались вопросы студенческой жизни и проблемы, волнующие все население Эквадора. Финансовые затруднения и отсутствие типографии не позволяли наладить регулярный выпуск журнала.

Коммунистическая партия Эквадора находилась в тяжелом положении, в связи с преследованиями и гонениями со стороны реакционных правительственных кругов. Связь между студенческими организациями и компартией ослабела.

Характерное для всего рабочего движения Эквадора тех лет сектантство отразилось и на деятельности «Красного Крыла». Отношения между группами «Красного Крыла» в различных городах ухудшились.

В условиях господства реакции лидеры организации не смогли увлечь за собой большинство молодежи, и к 1940 г. организация «Красное Крыло» распалась.

Хотя «Красное Крыло» и распалось, оно имело большое значение для молодежи. Опыт, вынесенный из этой борьбы, был

использован компартией Эквадора в ее дальнейшей работе с молодежью при создании Федерации студентов.

Помимо организаций, ставивших перед собой политические цели, в 1930 г. в Кито была предпринята попытка создать Национальную профсоюзную организацию студентов Эквадора. В условиях преследования прогрессивных деятелей, гонений на профсоюзы, в условиях господства анархо-синдикалистских и реформистских взглядов профсоюзная организация студентов Кито не смогла стать национальной профсоюзной организацией студентов. Через некоторое время после съезда представителей профсоюзных организаций университетов Эквадора идея создания национальной организации заглохла, потонула в спорах о главенстве в ней и больше не выносилась на широкое обсуждение студентов. Здесь сказалась политическая нереальность студентов, отсутствие опыта и убедительного примера.

Студенты не остались в стороне от начавшегося в годы второй мировой войны нового подъема массового демократического движения против помещичье-буржуазной диктатуры и господства американских империалистов. Они активно участвовали в майском революционном выступлении народных масс против лидера либеральной партии Арройо дель Рио.

Представитель студентов был назначен помощником министра образования в новом правительстве, созданном из представителей всех партий страны и возглавленном Веласко Ибарра.

Коммунистическая партия Эквадора в эти годы прилагала особенно большие усилия для объединения народных масс. Не остались без внимания и студенты. Молодые коммунисты проводили широкую разъяснительную работу среди студенческой молодежи.

Результатом этой плодотворной работы явилось создание в 1944 г. Федерации университетских студентов Эквадора (ФЭУЭ), объединившей студентов государственных университетов в Кито, Гуаякиле, Куэнка и Лоха.

Основной задачей, как сказано в уставе Федерации, является сплочение студентов в борьбе за претворение в жизнь демократических идей преобразования общества и защита интересов студентов. Федерация объединила студентов с различными политическими взглядами.

Преобладающим влиянием в ФЭУЭ пользовались коммунисты. Первым президентом Федерации был избран член Коммунистической партии Эквадора Гилермо Лассо, студент инженерно-сельскохозяйственного факультета Центрального университета в Кито. Федерация студентов, при поддержке ректора Центрального университета Хулио Энрике Паредеса, добилась включения в состав советов университетов студентов — пред-

ставителей Федерации. Студентам была предоставлена третья часть мест в совете⁶.

Эта была большая победа студентов, возможная лишь при широкой поддержке прогрессивных сил страны.

К 1945 г. политическая обстановка в стране обострилась, местная финансовая олигархия, поддержанная американскими империалистами, начала широкое наступление на права трудящихся, направив свой удар против демократических сил.

В январе 1945 г. коммунисты были вынуждены выйти из состава правительства. В 1946 г. президент Веласко Ибарра, нарушая конституцию, попытался установить личную диктатуру. Конфедерация трудящихся Эквадора призвала провести всеобщую забастовку и первым крупным выступлением протеста была забастовка студентов, объявленная Федерацией в Центральном университете Кито. Эта забастовка была первым в истории эквадорского студенческого движения крупным организованным выступлением.

В знак протеста против незаконных действий президента студенты заняли университетское здание, забаррикадовав все двери. Вызванная полиция не смогла заставить их покинуть аудитории университета. И против горстки отважных были брошены войска. Солдаты с танков и броневедомобилей попытались сходу взять штурмом здание. Студенты были готовы к таким действиям правительства. Против танков были применены бутылки с зажигательной смесью. Штурм был отбит. Но войска окружили университет и перешли к планомерной осаде здания.

Немедленно коммунистическая партия и другие прогрессивные силы страны развернули широкую кампанию протеста против действий правительства. Волна митингов и демонстраций прокатилась по всей стране. Гневное осуждение народа заставило президента отказаться от крайних мер.

Оборона университета продолжалась 15 дней. Не получая никаких известий извне, студенты не знали о широком движении в их поддержку и полагали, что они одиноки в своей борьбе, поэтому решено было бежать из университета. Часть студентов покинула здание через канализационный ход, часть по крыше, прилегающей к университету церкви.

Священники заметили беглецов и выдали их полиции. Но войска еще два дня не решались войти в опустевшие аудитории. Во время забастовки ярко проявилась солидарность рабочего класса и прогрессивно настроенных студентов. Компартия Эквадора выразила Федерации студентов свою солидарность в борьбе за конституционные права и отметила большую роль, сыгранную студентами в демократическом движении, способствовавшем принятию новой конституции. Правительство Велас-

Студенческая демонстрация в Кито

ко Ибарра, расправляясь с участниками апрельского выступления 1946 г., арестовало и приговорило к тюремному заключению на срок около одного года более ста студентов. Власти, напуганные размахом выступления трудящихся, приложили все усилия для раскола демократического движения, и, в частности, для отрыва студентов от совместных политических выступлений с пролетариатом. Стремясь добиться этой цели, правительство позволило студентам уклониться от наказания за участие в апрельском выступлении. Для этого студентам нужно было подписать заготовленную бумагу, в которой содержался отказ от своих политических убеждений и от дальнейшей политической деятельности. Отказ нескольких политически неустойчивых студентов был широко разрекламирован как отказ всех студентов от участия в борьбе за перестройку социальной структуры общества, что сделало невозможным дальнейшее участие подписавших в практической деятельности демократических организаций. Студенты, отказавшиеся подписать этот «документ» предательства, отбыли свой срок в тюрьмах полностью.

Для усиления своего влияния среди студентов реакционные круги Эквадора призвали на помощь церковь, которую также беспокоит вопрос распространения среди студентов прогрессив-

ных атеистических взглядов, их выступления с разоблачением реакционной деятельности церкви. Вопрос усиления и расширения религиозной работы среди студентов неоднократно обсуждался в высших церковных кругах. Священники стремились создать религиозную организацию, способную отвлечь студентов от участия в борьбе. В 1946 г. Ватикан дал указание об открытии иезуитами в Кито католического университета, являющегося в настоящий момент штабом наиболее реакционной группы студенческой молодежи.

Во всех университетах страны начали действовать группы новой, созданной под покровительством священников организации — Университетская католическая молодежь (ХУК). Эта организация ведет раскольническую деятельность среди молодежи и выступает на стороне крайних правых. Она не отказывается от применения террористических методов в своей деятельности против демократически настроенных студентов.

При содействии правых кругов прогрессивно настроенный ректор Центрального университета в Кито был смещен. Мелкими уступками, обещаниями, а иногда и угрозами, новый ректор склонял руководство Федерации студентов к компромиссу, к отказу от политических требований, от использования демонстраций как методов борьбы. Всячески пытаясь отвлечь студентов от активных действий, он навязывал Федерации принятие нерешительных расплывчатых резолюций и решений. Когда полиция начала репрессивные действия против отдельных студентов университетов и арестовала президента Федерации Луиса Арсенталеса, студента Центрального университета, ректор не встал на его защиту. В письме к министру он писал: «Университет может быть закрыт или разрушен. Он не собирается силой противостоять репрессиям». Но студенты решительно выступили против попыток полиции вмешаться в их жизнь и провели в Кито конференцию протеста, в решениях ее было сказано: «Университетские проблемы не могут быть разрешены полицейскими мерами»⁷.

В результате всех этих организованных и целенаправленных действий правительства, церкви против демократического движения в Эквадоре и студенческого, в частности, связь между студентами университетов и трудящимися была порвана. Прогрессивное, демократическое движение 1944—1946 гг. среди студенчества пошло на спад, но традиции, заложенные в эти годы, не были забыты. Молодежь старалась сблизиться и укрепить контакты с рабочим классом Эквадора. Так, например, был создан на добровольных началах бесплатный Народный университет для рабочих при Центральном университете в Кито. Управляли Народным университетом и преподавали в нем студенты. Часто для чтения лекций приглашались прогрессивно

настроенные профессора и преподаватели. Эта форма деятельности студентов оказалась жизненной и в настоящее время. Народные университеты имеются при всех государственных университетах. Даже при вновь открытом в Манави в 1956 г. Сельскохозяйственном университете Федерацией были созданы условия для бесплатных занятий рабочих, и к 1959 г. там при 126 студентах Государственного университета обучалось 36 человек в Народном университете, а в Народном университете в Кито уже к 1956 г. обучалось около 500 человек.

Отношение общественности к этой стороне деятельности студентов хорошо отразил в своих словах вице-президент Всеиндийской федерации студентов Индии Чоудхари во время своего пребывания в Эквадоре: «Желание помочь своему народу в решении социальных проблем завоевывает Федерацию университетских студентов Эквадора авторитет и признательность среди населения».

Но студенты не ограничиваются кругом вопросов национального характера, они активно продолжают поддерживать международные связи со студентами различных стран и различных политических уклонов. При активной поддержке Федерации университетских студентов Эквадора в 1946 г. в Праге был создан Международный союз студентов (МСС), и ФЭУЭ как Национальный союз студентов Эквадора одним из первых стал его членом. Эквадорские студенты неоднократно избирались вице-президентами МСС. Федерация студентов также член Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ). Федерация студентов, являющаяся общенациональным союзом студентов Эквадора, неоднократно направляла в центральные союзы студентов различных стран обращения⁸, призывающие молодежь всех континентов укреплять единство в борьбе за мир и международное сотрудничество, а также, поддерживая позицию МСС и ВФДМ, не раз предлагала сотрудничество правосоциалистическим национальным союзам студентов, не входящим в состав МСС и ВФДМ. Федерация студентов Эквадора начала активно участвовать в работе Международной студенческой помощи (МСП) при МСС.

Фонд Международной студенческой помощи создан из добровольных взносов студенческих организаций. Федерация студентов Эквадора также вносила свою лепту в фонд МСП. Так, 8 сентября 1951 г. она внесла в фонд МСП 20 т риса, 5 т кофе и 5 т какао⁹.

Учитывая тяжелое материальное положение студентов и отсутствие в стране необходимого уровня медицинского обслуживания, Международная студенческая помощь направляет в Эквадор медицинское оборудование и оказывает различную помощь студентам.

Практическая деятельность Федерации студентов Эквадора по расширению контактов между молодежью подвергается яростным нападениям со стороны отдельных небольших групп студентов, направляемых католическими священниками. Эти студенты получают поддержку в американском посольстве, где им обещают предоставить стипендию для обучения в США. Почти треть (1068) из выделенных стипендий падает на переподготовку военных специалистов в США, а на специалистов для таких важных отраслей, как сельское хозяйство, приходится всего лишь 0,07% всех выделенных за период с 1948 по 1960 г. стипендий от международных организаций и правительств западных стран, в том числе всего 335 стипендий, от правительственных организаций США.

Подкупленные студенты пытаются сорвать проведение международных молодежных встреч, выступают с клеветническими нападениями на Международный союз студентов. Так, реакционно настроенные студенты мешали созданию и отправке делегации эквадорской молодежи на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москву.

Реакционные круги Эквадора, стремясь внести раскол в ряды студентов, проводили работу среди молодежи, подкупая неустойчивых и через них пытались подействовать на массы студентов.

В результате их действий отношения между руководствами университетских отделений Федерации начали ухудшаться. Тогда реакционное студенчество решилось на открытое выступление.

В последний день заседания ежегодного конгресса Федерации, проходившего в Кито в ноябре 1956 г. группа реакционно настроенных студентов, представляющих, примерно, одну шестнадцатую часть членов Федерации, демонстративно покинула зал заседания, используя для прикрытия своих действий предлог внесения в устав Федерации университетских студентов Эквадора поправки в порядок подсчета голосов при голосовании на конгрессах.

Эта группа студентов организовала свой собственный однодневный «конгресс» из восьми человек, который принял решение: «выйти из Международного союза студентов», «создать свободную от коммунистического влияния Национальную федерацию университетских студентов». Этим действия реакционеров не ограничились. Ими была предпринята попытка подорвать авторитет Федерации студентов Эквадора. На II конгресс студентов Латинской Америки, проходивший в Монтевидео, выехал «президент», отколовшейся от Федерации группы меньшинства. Однако он не был признан представителем эквадорских студентов и был вынужден покинуть конгресс.

Работа, проводящаяся реакционно настроенными студентами, создает значительные трудности для Федерации студентов.

Во время проведения XVI ежегодного конгресса студентов, начавшегося 14 декабря 1957 г. в Гуаякиле, группой хулиганов были спровоцированы беспорядки в здании университета, где проходили заседания конгресса. Прогрессивные делегаты конгресса были избиты, некоторые получили серьезные ранения. Проведение конгресса в Гуаякиле было сорвано.

В 1958 г. реакционным руководством были предприняты попытки добиться выхода Федерации студентов Эквадора из Международного союза студентов. Началась подготовка к проведению плебисцита по принципиальному вопросу о дальнейшем пребывании Федерации студентов Эквадора в Международном союзе студентов. В Прагу, где находился штаб Международного союза студентов, выехал представитель Федерации студентов для более близкого ознакомления с деятельностью МСС. В начале лета 1959 г. вопреки воле большинства студентов реакционно настроенному руководству Федерации удалось навязать проведение плебисцита. В Центральном университете в Кито был проведен плебисцит. Участвовала в нем лишь небольшая часть студентов Центрального университета. Полученные данные организаторы этой провокации не решились опубликовать. В других университетах Эквадора, где местные органы Федерации находились под меньшим влиянием реакционеров, плебисцит даже не был проведен. Все попытки реакционеров с позором провалились. Федерация студентов Эквадора осталась членом прогрессивного Международного союза студентов.

Общаясь со студентами различных стран, студенты Эквадора активно поддерживают антиимпериалистическую борьбу против вмешательства Соединенных Штатов в дела Латиноамериканских республик. Ежегодно 29 января проходят большие антиимпериалистические демонстрации, направленные против подписанного в 1942 г. протокола в Рио-де-Жанейро, по которому спорная территория Эквадора отошла Перу. В конфликте этом виноваты американские нефтяные монополии, и прогрессивные студенты объясняют народу причины этого конфликта. Реакционные круги всячески пытаются сорвать проведение демонстраций протеста 29 января, подсылая банды хулиганов, провоцируя беспорядки, дающие повод полиции для разгона демонстрации.

Федерация студентов выступила с разоблачением фашистской деятельности этих групп. В ответ на это реакционеры напали 29 января 1954 г. на митинг протеста против пакта Рио-де-Жанейро, проводимый студентами Кито. Многие студенты были ранены. Тогда Федерация приняла решение отмечать

ежегодно день 29 января, назвав его «Днем Федерации университетских студентов Эквадора»¹⁰.

Студенческое движение за период с 1946 по 1959 г. характеризуется отсутствием сплоченности, плохой связью с демократическими партиями страны, отходом многих студентов от классовой борьбы. Правительство и реакционные круги Эквадора сумели втянуть студентов в борьбу буржуазных группировок за власть, но постепенно среди студентов зреет уверенность в ошибочности этого пути.

Особенно большое влияние на молодежь Эквадора оказывает пример героического народа Кубы.

Правящие круги Эквадора видят в этом реальную угрозу своему господству, их беспокоит растущее с каждым днем антиимпериалистическое движение. В стране стали повседневным явлением преследования и репрессии прогрессивно настроенных людей.

Реакционные круги, связанные с монополиями США, пытаются найти опору в военщине. Это волнует все круги общества Эквадора, ведь армия является значительной силой в стране и на содержание ее уходит более 40% бюджета Эквадора¹¹.

Обстановка политического террора не могла долго продолжаться безнаказанно, и 27 мая 1959 г. чаша терпения народа была переполнена. В казармах города Портовьехо за незначительное нарушение устава был без суда и следствия убит молодой солдат-студент. Волна возмущения охватила город. Рабочие, студенты, служащие направились к казарме с протестом. Виновник преступления капитан воинской части был убит. Трудящиеся заняли помещение казармы. Из других городов были вызваны на помощь войсковые части. Жители города не смогли противостоять регулярной армии и были выбиты из казармы. В результате столкновения среди жителей города были убитые и раненые.

В городе продолжалось сохраняться военное положение. Патрули наводнили город. Малейшая попытка высказать протест, осуждение, тотчас жестоко пресекалась. 2 июня у школы «Ольмедо» в Портовьехо полицейскими были убиты без всякого повода двое учащихся. Стихийно вспыхнула демонстрация протеста. Немедленно демонстранты были окружены моторизованными патрулями полиции. Раздался выстрелы, погибло еще четыре человека.

На следующий день войска и полиция устроили бойню во время похорон погибших. Сотни невинных людей погибло¹².

По всей стране прокатилась волна протестов, студенты не остались в стороне и, как только это новое преступление стало известно, III чрезвычайный конгресс Федерации студентов

Эквадора, собравшийся в городе Лоха, в связи с событиями 29 мая в Портовьехо, призвал провести демонстрации, забастовки протеста во всех городах и поселках страны.

Правительство, напуганное размахом движения и, сознавая угрозу организованных выступлений, отдало приказ: «любыми средствами» сорвать проведение демонстраций. В ночь со 2 на 3 июня были проведены повальные аресты, уничтожены подготовленные к демонстрации плакаты, флаги, транспаранты. По «черному списку» полиция расправлялась с прогрессивно настроенными людьми. Малейшее сопротивление каралось смертью на месте. Погибло много молодежи-студентов. И хотя по официальным сообщениям эквадорской прессы во время «беспорядков» было убито всего 9 человек, Агентство ЮПИ сообщало о 47 жертвах, но по данным, корреспондента печатного органа Международного союза студентов, во время этих событий погибли сотни людей¹³. Трупы погибших во время этой кровавой расправы были брошены полицией в реку Гуаяс, чтобы скрыть истинные размеры совершенного преступления.

В ответ на эти террористические акты молодежь Эквадора начала объединяться в нелегальные группы протеста. Студенты составляли значительную часть этих групп. В Портовьехо группа была названа «Движение 29 мая», в Гуаякиле — «Движение 3 июня». Молодежь хотела с оружием в руках продолжать борьбу, готовилась ответить на любые провокации властей. К сожалению, руководство в группах оказалось в руках членов социалистической и либеральной партий, они стали быстро терять свою революционную направленность, и молодежь ушла из них. Уже в ноябре 1959 г. возникла новая молодежная организация — Союз революционной молодежи Эквадора, объединившая прогрессивно настроенную студенческую молодежь. Членами Союза стали многие студенты, в том числе и студенты-коммунисты.

Бюджет Союза складывается из вступительных взносов, из добровольных пожертвований, из доходов от различных лотерей и художественных выступлений, проводимых рабочей молодежью и студентами.

Союз революционной молодежи не имеет своего печатного органа. Лишь изредка выпускаются бюллетени. Своей типографии Союз также не имеет, поэтому часто документы печатаются в типографии университетов при прямой поддержке студентов.

В 1960 г. Союз революционной молодежи Эквадора активно принимал участие в кампании выборов президента республики, вошел в «Национальный союз против консерваторов», выступающий против кандидатуры Веласко Ибарра.

С большим энтузиазмом были восприняты студентами

решения I Общенационального съезда Союза революционной молодежи Эквадора, состоявшегося в августе 1960 г. в Кито.

На съезде было принято решение о создании бригад революционной милиции, чтобы защищать Кубу, если начнется интервенция.

Революция на Кубе оказывает большое влияние на расширяющееся в Эквадоре антиимпериалистическое движение. Студенты принимают непосредственное участие в нем. С восторгом была воспринята прогрессивным студенчеством поездка вице-президента Эквадора Карлоса Хулио Аросемены в Советский Союз летом 1961 г. От имени Федерации университетских студентов Эквадора члены делегации сопровождавшие Карлоса Хулио Аросемену, пригласили посетить Эквадор делегацию советских студентов.

Эта поездка вице-президента Эквадора была весьма холодно встречена официальными кругами США, которые через свою военную миссию оказали давление на президента Эквадора В. Ибарра и начали в реакционной прессе травлю вице-президента.

Широкие же слои населения видели в этой поездке возможность ликвидации зависимости от американского рынка и улучшения своего экономического положения в результате установления новых рынков сбыта.

Введение президентом Веласко Ибарра новых налогов ухудшило положение трудящихся. Особое недовольство почти среди всех слоев населения вызвал отказ В. Ибарра установить дипломатические и торговые связи с социалистическими странами. Даже группа сенаторов в парламенте выступила с осуждением действий президента.

Чувствуя усиление демократического движения в стране, правительство Веласко Ибарра взяло курс на установление личной диктатуры президента.

Волнение народа, протестующего против действий президента, нарушающих конституцию, заботящегося только об интересах финансовой олигархии и иностранных капиталистов, беззащитно расхищающих богатства Эквадора, нарастало с каждым днем.

Началом решительных действий трудящихся послужила расправа властей со студентами университета в г. Куэнка 3 ноября 1961 г. Студенты организовали демонстрацию протеста против приезда в город президента Веласко Ибарра, не сделавшего ничего для облегчения участи жителей этой провинции, страдающих от нищеты и голода. Против демонстрации были брошены войска, применившие огнестрельное оружие. Во время столкновения был убит студент Галло Масияс Морсейха¹⁴.

Расстрел мирной демонстрации вызвал возмущение всей страны. В Гуаякиле стихийно вспыхнула демонстрация студентов, особенно много в ее рядах шло учащихся колледжей и средних школ¹⁵.

Пытаясь террором заглушить протест народных масс, запугать их, правительство пошло на новое преступление: демонстрация студентов в Гуаякиле была также расстреляна. Среди студентов были убитые и раненые. Полиция не решилась запретить демонстрацию 6 ноября во время похорон жертв произвола властей. 7 ноября Федерация университетских студентов совместно с другими прогрессивными организациями Эквадора опубликовала манифест, в котором она осуждала попытку установления диктатуры и призывала своих членов к активной борьбе против реакции. Широкое демократическое движение, в котором активное участие приняли студенты, заставило Веласко Ибарра уйти в отставку.

Финансовая верхушка совместно с военщиной и латифундистами попытались взять власть в свои руки и, нарушая конституцию, выдвинули на пост президента страны Верховного судью — Гальегоса Толедо. Вся демократическая общественность страны выступила против этой кандидатуры, требуя уважения конституции и избрания президентом страны вице-президента Карлоса Хулио Аросемены.

Студенты вместе с молодыми рабочими и служащими приняли участие в освобождении Аросемены из тюрьмы, участвовали в уличных боях против армейских подразделений, поддерживающих ставленника олигархии и военных кругов страны — Гальегоса Толедо (подробно об этих событиях см. статью В. Ткаченко).

Объединенные действия рабочих и служащих, крестьян и студентов показали силу народа, борющегося за демократические идеи. Отмечая это, Коммунистическая партия Эквадора выразила уверенность, что борьба эквадорского народа за радикальные перемены в жизни страны положит конец господству помещиков и олигархии, утвердит суверенитет и независимость страны.

Коммунистическая партия предупреждала, что борьба не закончена и рано еще складывать оружие. И, присоединяясь к этому мнению трудящихся, студенты Гуаякильского филиала ФЕУЕ обратились к молодежи Эквадора, опубликовав манифест¹⁶, в котором они заявили о своей преданности демократическим идеям и призывали население к неослабному контролю за деятельностью правительства.

После победы демократических сил в ноябре 1961 г. работа среди студентов активизировалась. Под руководством Федерации студентов Эквадора была создана в марте 1962 г. Федерация

учащихся средних школ, объединяющая учащихся средних школ и колледжей.

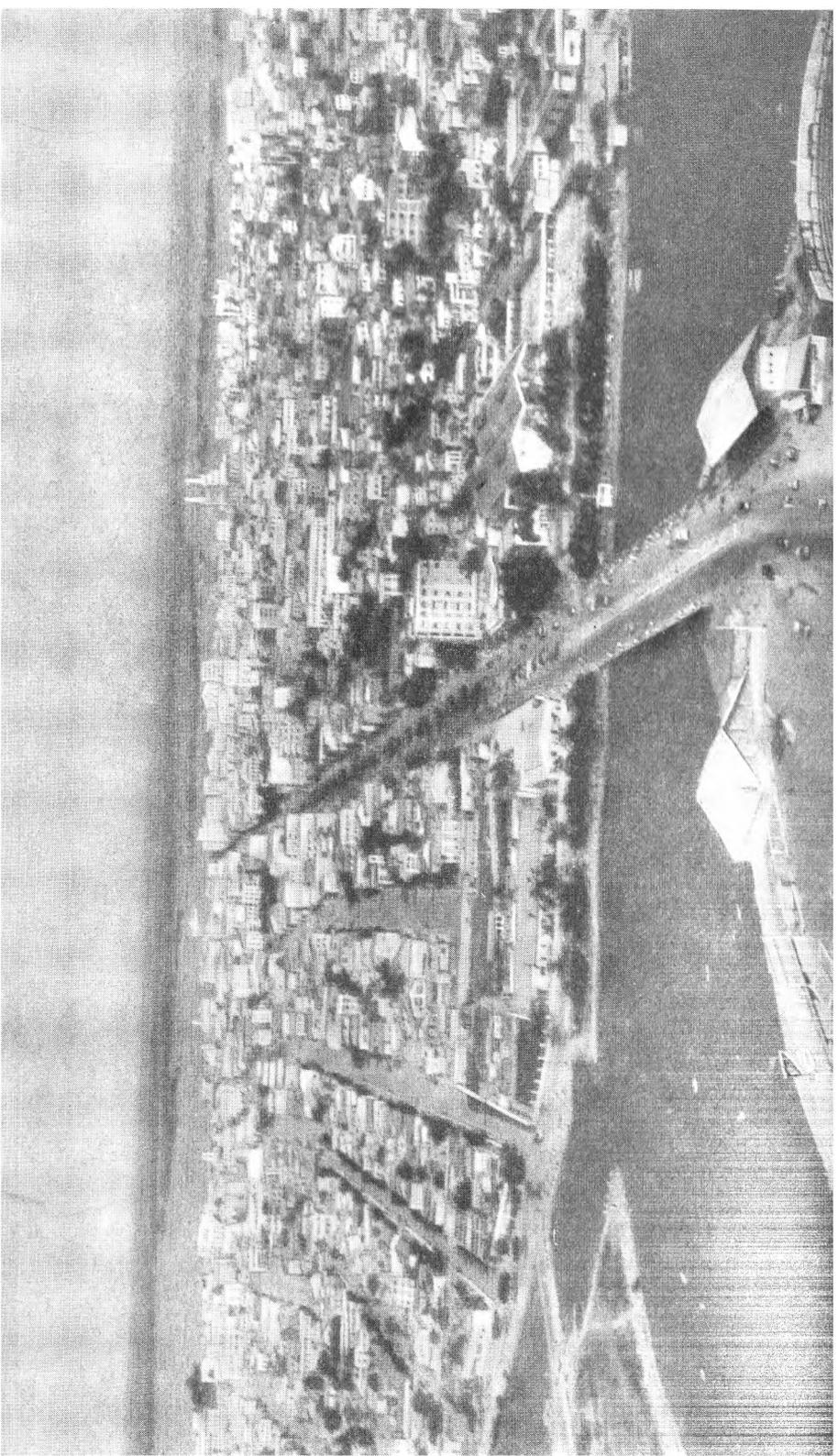
Молодежь требовала разоблачения и строгого наказания взяточников и казнокрадов, нажившихся на темных махинациях, опустошивших казну. Но этого, как и других своих обещаний, Аросемена не выполнил. Проведение аграрной реформы и коренной перестройки экономики отдалилось на неопределенное время.

В результате нажима на Аросемену военщины, связанной с США, реакционным кругам удалось добиться от президента Аросемены разрыва дипломатических отношений с Кубой, Польшей, Чехословакией, что вызвало возмущение широких народных масс. По всей стране рабочая и студенческая молодежь шла в первых рядах демонстраций протеста.

В Гуаякиле создалась самая большая группа нового движения в связи с тем, что в этом городе пользуется большим влиянием среди студентов компартия и ее недавно организационно оформившийся отряд молодых коммунистов — Коммунистический союз молодежи Эквадора.

Многие студенты университетов — члены союза. Вопросы, волнующие студенчество, нашли свое отражение в первом же номере Информационного бюллетеня союза¹⁷, вышедшем в апреле 1962 г. Студенты, члены Коммунистического союза молодежи Эквадора, были приглашены на XIV съезд ВЛКСМ в Москву. Федерация студентов Эквадора участвовала в создании и посылке делегации эквадорской молодежи на VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Хельсинки в 1962 г. Все это способствует расширению связей студентов и объединяет их в единый фронт борьбы за мир и мирное сосуществование. Многие студенты Кито, Гуаякиля, Куэнки приехали учиться в Москву в Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Попытки реакционных кругов оклеветать этот университет, а заодно и студентов, обучающихся в нем, не находят поддержки у большинства молодежи современного Эквадора. Даже католическая пресса учитывает это изменившееся настроение молодежи и, страшась упадка своего влияния на массы, осуждает действия клеветников.

Основной задачей передовой эквадорской молодежи и студентов в настоящий момент является объединение всех прогрессивных молодежных организаций и групп в единый (совместно с трудящимися) национальный демократический фронт, ликвидация элементов фракционизма в работе. Только совместная борьба студенчества, идущего в едином строю с передовым рабочим классом, объединившись с крестьянством и прогрессивной национальной буржуазией и интеллигенцией, может принести победу демократическому фронту в борьбе с олигархией

Общий вид на город и порт Гуаякиль

и американским империализмом, захватившим важные позиции в экономике Эквадора.

Коммунистическая партия Эквадора уделяет большое внимание работе с молодежью, веря, что молодежь сыграет значительную роль в борьбе за коренную перестройку общественной жизни в Эквадоре. Молодежь — будущее страны. Идеи, заложенные в горячие сердца, будут развиваться и претворяться в жизнь нынешним молодым поколением.

Очень важным моментом борьбы в настоящее время является установление прочных контактов и связей между трудящимися и интеллигенцией. В этом свете становится понятной политика Коммунистической партии Эквадора, уделяющей много внимания студенчеству. Большую работу в этом направлении выполняют молодые коммунисты — передовой отряд прогрессивной эквадорской молодежи.

Возглавляемое ими студенчество вместе со всеми передовыми людьми Эквадора в единых рядах с рабочим классом и интеллигенцией борется за коренную перестройку общественной жизни страны, за проведение аграрной реформы, за национализацию иностранных предприятий, индустриализацию, за разрыв военных пактов с США, улучшение жизни народа и предоставление ему всех демократических прав, за проведение политики мира, разоружение, за осуществление принципов самоопределения народов и невмешательства в дела других стран. Эквадорский народ верит в способности своей молодежи и эту веру в возможности молодежи и ее наиболее образованную часть — студенчество — отлично выразил замечательный эквадорец, ученый и просветитель XVIII в. — Эухенио Эспехо: «Придет день и родина воскреснет, вдохнут в нее жизнь и возьмут на себя опеку над нею юноши, которые сегодня посещают школы и целиком отдают себя учебе. В молодом поколении возродятся наши обычаи, наша культура и пламенный огонь любви к родине, составляющей суть политической мысли»¹⁸.

¹ «Bank of London and South America fourtnightly review», 10.II 1962.

² О. Вера. 70 миллионов неграмотных. «Курьер Юнеско», 1961, № 6, стр. 34.

³ Informe a la Nacion. Ministro de Educación Publica, 1960—1961, p. 14.

⁴ «Mundo Estudiantil». Revista de la Union Internacional de Estudiantes, 1961, № 10—11, p. 9—10.

⁵ «Libreto Informativo. Editorial Universitaria Quito — Ecuador», 1958, p. 12.

⁶ Leys y reglamentos de la Universidad Central Editorial Universitaria. Quito — Ecuador, 1961, Art 35, p. 89—90.

⁷ «Mundo Estudiantil», 1953, № 9, p. 22.

- ⁸ «Mundo Estudiantil», 1952, № 5, p. 2.
⁹ «Mundo Estudiantil», 1951, № 9—10, p. 49.
¹⁰ «Mundo Estudiantil», 1954, № 4, p. 20.
¹¹ Lievven. Arms and politics in Latin America. New York, 1960, p. 83.
¹² «Mundo Estudiantil», 1959, № 11, p. 20—21.
¹³ Ibidem, p. 21.
¹⁴ «El Comercio». Quito — Ecuador, 6.XI 1961.
¹⁵ «Boletín de información» Aniversario de la Unión Internacional de Estudiantes, 1961, № 21, p. 5—6.
¹⁶ «El Comercio», 15.XI 1961.
¹⁷ «Boletín» Informativo de la juventud Comunista del Ecuador, N 1.
¹⁸ Хесуальдо. Эухенио Эспехо — эквадорский просветитель XVIII в. Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., 1960, стр. 302.

ЛИТЕРАТУРА ЭКВАДОРА

ри крупных имени, относящихся к колониальному и переходному периоду, стоят у истоков современной литературы и культуры Эквадора: Хуан де Веласко (1727—1792), Франсиско Эухенио де Санта Крус и Эспехо (1747—1795) и Хоакин Ольмедо (1780—1847); последнему из них довелось жить и творить в бурный период борьбы за независимость. Несмотря на различия их социального положения, на противоположные порой политические взгляды, на степень художественности, на разницу в жанрах литературного творчества, всех трех объединяет одно: они явились связующим звеном между периодом колониального обскурантизма, периодом, когда в испанских колониях еще только созревали предпосылки для духовной эмансипации от метрополии, и эпохой зарождения и становления подлинно национальной литературы и культуры Эквадора. Первые два не были писателями в полном смысле этого слова, тем не менее их роль и влияние на последующее развитие литературного и культурного процесса в Эквадоре — весьма велики. Они принадлежали к той плеяде высокообразованных людей своего времени, которые в условиях духовной изоляции, культурной отсталости и беспросветного провинциализма заморских владений Испании, закладывали первые камни в здание латиноамериканской национальной культуры. Они сумели донести до нас в характерной литературной форме дух эпохи, факты и события, свидетелями или интерпретаторами которых они являлись. Объединение разнородных и столь непохожих друг на друга фигур таких, как Веласко, Эспехо и Ольмедо, вероятно, рисковано с чисто литературоведческой точки зрения; тем не менее трудно удержаться от того, чтобы не предположить, что именно от них начинаются три основных направления в развитии будущей эквадорской литературы — художественная проза, научная литература и публицистика, а также поэзия.

Действительно, Хуана де Веласко — первого летописца Эквадора, автора «Истории Королевства Кито» (1789) — книги, в которой причудливо переплетаются вымысел и факты, отдельные критики склонны считать родоначальником эквадорского

романа за изобретательность, богатство фантазии, тонкую наблюдательность, блестящую художественную форму, хотя «История» для своего времени являлась и научным трудом. Вот как пишет о нем современный известный литературный критик и деятель культуры Эквадора Бенхамин Каррион: «У нашей колониальной эпохи — четырех веков медленного движения фундамента нашей истории — нет романистов, но есть великий реалист, труды которого присвоили себе историки, постоянно бичующие его: padre Хуан де Веласко, автор «Истории Королевства Кито». На пороге нашей истории Веласко является первым в великом деле создания того единства, в котором предстоит нам жить всем вместе на одной и той же земле. Его «История» для нас то же самое, что легенда о Парсифале для тевтонских народов по ту сторону Рейна. То же самое, что песня о Ролланде для французов и «Поэма о моем Сиде» для испанцев»¹. И «Слово о полку Игореве» для русских, добавим мы. Именно поэту Хуана де Веласко с достаточными основаниями можно считать одним из первых мастеров художественной прозы в Эквадоре.

Фигурой гораздо более крупной также не в литературном, а скорее в общекультурном плане был Франсиско Хавьер Эухенио де Санта Крус и Эспехо — просветитель и энциклопедист, памфлетист и крупнейший ученый своего времени. Сын бедного индейца и неграмотной мулатки родился и вырос в Кито, где получил образование и диплом врача. Чтобы понять величие подвига Эспехо, достаточно воссоздать атмосферу той эпохи, в условиях которой ему выпало жить и писать свои произведения. Из всех колоний Испании Эквадор в силу своей географической изолированности и особых условий колонизации был, пожалуй, одним из наиболее застойных и консервативных районов, где почти безраздельно господствовала церковь. Народное образование находилось на чрезвычайно низком уровне, население почти сплошь было неграмотным. Книги доходили в Кито лишь контрабандой, повсюду царили невежество, религиозный фанатизм, чудовищная эксплуатация рабов и индейцев. Наука, если можно говорить об официальной науке того времени, носила схоластический характер и находилась во власти доминиканских, иезуитских и августинских монахов, постоянно враждовавших между собой. В трех эквадорских университетах изучали в основном теологию. Естественные науки не изучались. Все это резко и ядовито бичевал Эспехо в своих философских произведениях «Новый Лукриан»² (1779), «Письма из Рио Бамбы» (1787), «Портрет Голильи», «Речь об основании Школы согласия» и др. Эспехо основал первую эквадорскую газету, в которой проповедовал идеи национальной независимости и республиканизма. В политическом отношении он был

одним из тех, кто своими выступлениями, несмотря на многочисленные преследования и аресты, идейно подготовил американскую независимость и был одним из первых ее бойцов.

В темные годы колониализма, когда над латиноамериканским континентом еще только угадывалась заря грядущей независимости, Эспехо в своих трудах сумел поставить и попытался наметить пути к разрешению ряда политических и социальных проблем, многие из которых до сего времени волнуют народы не только Эквадора, но и всего американского континента. Так, Эспехо считал, что хозяевами латиноамериканских стран должны быть народы их населяющие. Он выступал за демократическую форму правления и бичевал католическое духовенство, которое до сих пор является крупной реакционной политической силой в латиноамериканских странах; его перу принадлежат замечательные высказывания по вопросам народного просвещения, тогдашней медицины, по вопросам развития университетского и технического образования, необходимых для экономического процветания Эквадора. Веря в силу науки и человеческий прогресс, Эспехо пророчески писал: «Придет день и родина воскреснет и вдохнут в нее жизнь и возьмут на себя опеку над нею не те, кто попусту израсходовав добрую часть своей жизни не в состоянии приложить силы к плодотворному изучению неизведанного. Ими будут юноши, которые сегодня посещают школу и целиком отдают себя учебе. В молодом поколении возродятся наши обычаи, наша культура и пламенный огонь любви к родине, составляющий суть политической мысли»³. Сам, будучи крупным ученым-медиком своего времени, Эспехо в статье «Размышления... о том, как предохранить народ от оспы» за сто с лишним лет до Пастера развивал теорию заражения посредством «незримых корпускулов», являющихся переносчиками заболеваний.

Конечно, с точки зрения языка и формы своих сочинений Эспехо в значительной мере оставался в рамках испанской классической традиции, хотя исследователи и признают совершенство и остроту его стиля. В чисто литературном плане его значение не столь велико, как в плане общекультурном и политическом; тем не менее его научные и публицистические сочинения по своему духу и содержанию принадлежат уже не Испании, а Америке и Эквадору и найдут свое блестящее продолжение в трудах последующих поколений национальных ученых и публицистов и в первую очередь крупнейшего из них — Хуана Монтальво.

Эпоха борьбы за независимость испанских колоний, охватывающая первые десятилетия XIX в., в целом небогата крупными литературными именами. Бурные события того периода не были подходящим фоном для чисто литературного творчества.

Чаще всего писали люди, сами делавшие историю. Миранда и Боливар — достаточно характерные тому примеры. В те годы политическая, военная борьба против испанского владычества была решающим фактором, пронизывавшим все стороны духовной жизни рождавшихся латиноамериканских народов. Поэтому в литературе преобладали вполне определенные жанры: ораторское искусство, газетная публицистика, политическая и народная поэзия. По меткому выражению историка латиноамериканской литературы Луиса Альберто Санчеса «в этот период трудно было найти то, что в узком смысле слова мы называем художественной литературой, хотя было много значительной литературы вообще»⁴.

Эта литература была богата идеями и политическим содержанием, но с точки зрения формы часто имитировала классическую греко-латинскую ораторию и поэтику и была для Америки вчерашним днем. Тем более интересна фигура первого эквадорского эпического поэта Хосе Хоакина де Ольмедо, который для эпохи борьбы за независимость является, пожалуй, самой крупной литературной величиной в Латинской Америке. Так же, как и метис Франсиско Эухенио Эспехо, этот креольский поэт, родившийся в Гуаякиле, посвятил все свое творчество делу освобождения латиноамериканских народов от испанского ига и воспел их военные подвиги.

Ольмедо, начинавший свою литературную деятельность еще до провозглашения независимости посвящал свои первые стихи королям и инфантам Испании, но вскоре превратился в одного из вдохновителей и руководителей повстанческого движения в родном городе Гуаякиле и впоследствии занимал ряд важных административных постов. С 1802 по 1847 г. им написано около девяноста поэтических произведений, большинство из которых сейчас забыты. Так же, как и многие современные ему поэты, он был поэтом так называемой неоклассической школы, перенесенной на американскую почву во второй половине XVIII в. из Франции и Испании и отличавшейся выпренностью, риторичностью и, как уже сказано, ориентированностью на греко-латинские образцы. В то же время в стихах Ольмедо уже ощущается влияние французского поэта-романтика Шатобриана, словно предчувствие той волны литературного романтизма, которая вскоре захлестнет латиноамериканский континент и придет на смену неоклассицизму. Две поэмы Ольмедо возвышаются над общим уровнем литературы того времени: «Победа под Хунином. Песнь Боливару» (1825) и «Генералу Флоресу — победителю под Миньярика». Первая из них явилась плодом личной переписки Ольмедо с Боливаром, который просил Ольмедо «воспеть наши последние победы», хотя и без упоминания его, Боливара, имени. Ольмедо начал писать

поэтому, узнав о битве под Хунином в 1824 г., но вскоре, в конце этого же года, последовало победоносное для инсургентов сражение под Айакучо, и Ольмедо искусно объединил в своем произведении оба эти исторические события. В уста одного из легендарных персонажей поэмы — последнего инки Уана-Копак, который появляется, чтобы предсказать победу под Айакучо, Ольмедо вкладывает обвинительную речь против зверств испанцев и политического абсолютизма времен колонии. Устами Уана-Копака Ольмедо проповедует идею единства американских народов, которые должны жить «одной семьей». Истинный подвиг, учит Ольмедо, не в том, чтобы разгромить Испанию, а в том, чтобы создать испано-американскую федерацию свободных и процветающих провинций⁵. С чисто литературной точки зрения новым в поэме «Победа под Хунином», помимо совершенства стиля, блестящей ткани и музыкальности стиха, по мнению критика Андерсона Имберта⁶, был элемент лиризма, который согревал и пронизывал это, в целом эпическое и дидактическое произведение. Лирические ноты в поэме связаны у Ольмедо с описанием неповторимой южноамериканской природы, и именно в этом усматривает Андерсон Имберт первые проблески литературного американизма.

Вторая поэма Ольмедо о победе под Миньярика (1835) относится к более позднему периоду гражданских войн. О нем расскажем ниже, когда перейдем к рассмотрению следующего этапа в становлении эквадорской литературы. Не уступая в чисто литературных достоинствах «Победе под Хунином», она тем не менее навлекла на себя суровую критику современников и потомков в силу политической одиозности главного «героя» поэмы генерала Флореса, вошедшего в историю Эквадора в качестве одного из наиболее продажных и мелких тиранов.

Ольмедо так же, как Хуан де Веласко и Эспехо, стоит у истоков латиноамериканской и национальной эквадорской культуры. Поэзия, художественная проза и публицистика современного Эквадора уходят своими корнями в творческое наследие этих трех выдающихся испано-американцев.

*

Литература Эквадора так же, как и литература других районов испанской Америки, переживавших период своего национального становления, была тесно связана с бурной политической жизнью молодых республик. Великая Колумбия, созданная Боливаром на территории нынешних Венесуэлы, Колумбии, Эквадора и Панамы, оказалась образованием искусственным и непрочным; на смену политической стабильности колониального периода пришла эпоха гражданских войн,

региональных и сословных междуусобиц. В провинциях Великой Колумбии, истощенных освободительной войной, переживавших период экономического хаоса и географически изолированных друг от друга, усилились сепаратистские тенденции. В 1830 г. произошло отделение Эквадора и провозглашение его независимым государством; его первым президентом стал венесуэльский генерал Хуан Хосе Флорес. Этот год и может служить условной хронологической вехой, с которой начинается свою историю собственно эквадорская литература. Ее традиционная периодизация⁷ в основном совпадает с внутривнутриполитическими пережитками в стране и включает следующие этапы: 1830—1895 гг., когда в политике господствует консерватизм, а в литературе характерно преобладание романтизма. 1895—1925 гг.— эпоха буржуазного либерализма в политике, модернизма в поэзии, крепнущих реалистических и натуралистических тенденций в прозе; с 1925 — эпоха ожесточенной классовой борьбы между трудом и капиталом, борьбы против североамериканского империализма, эпоха преобладания социалистических идей в литературе, главным героем которой становится народ. Итак, рассмотрим последовательно все эти этапы.

Правление генерала Флореса (1830—1835; 1839—1845) было периодом военной диктатуры, пытавшейся рядиться в тогу демократов. Во время правления Флореса с четырехлетним перерывом, когда к власти пришел либерал, видный писатель и политический деятель Рока Фуэрте, страна была доведена до состояния крайней нищеты и невежества. Для Эквадора Флорес был чужеземцем, выходцем из Венесуэлы и в своей внутренней политике сталкивался с растущим национализмом молодой эквадорской буржуазии. Бюджет страны, мизерный сам по себе, был отягощен огромным государственным долгом, его львиную долю пожирала армия наемников, на которую опирался диктатор; в администрации царствовала коррупция, а налоговая политика сводилась к организованному грабежу в интересах личного обогащения Флореса и его камарильи. Конституция предоставляла право избирать и быть избранными лишь лицам, имевшим не менее 300 песо годового дохода, что фактически отстраняло от активной гражданской жизни подавляющее большинство населения, включая даже значительную часть представителей так называемого среднего класса. Если к этому прибавить и образовательный ценз, то в условиях всеобщей неграмотности выборы, в которых принимало участие ничтожное число представителей высших слоев, превращались в сплошной фарс. Система образования, унаследованная еще от эпохи колонии, была построена таким образом, чтобы держать народные массы в темноте и невежестве. Она делилась на три ступени: начальное, среднее и высшее, причем государство

экономически поддерживало лишь университеты и небольшое количество средних школ, где в то время были в состоянии учиться только выходцы из наиболее зажиточных слоев земельной аристократии и духовенства. Что же касается начального образования, то оно было отдано на откуп частным лицам и целиком контролировалось церковниками.

По существу военная диктатура Флореса представляла собой власть, стоявшую на страже феодальных и колониальных пережитков. Уже в этот начальный период существования эквадорского государства наметились противоречия между крупными помещиками-феодалами в союзе с церковью, с одной стороны, и зарождавшейся национальной буржуазией — с другой. Эти противоречия, в разной степени характерные в то время для всех республик Латинской Америки, усугублялись в Эквадоре другим важным фактором: ярко выраженными региональными особенностями двух основных частей страны — тихоокеанского побережья с центром в Гуаякиле и горным районом с центром в Кито. В силу различного географического положения экономика этих районов развивалась по-разному, что приводило к столкновениям внутри самих господствующих классов. Буржуазия и помещики труднодоступного андского нагорья оказались в гораздо менее выгодных условиях, чем их гуаякильские собратья, имевшие выход к мировому рынку и постепенно захватившие в свои руки всю внешнюю торговлю страны. В то время как порт Гуаякиль и прилегающая к нему зона становились промышленным центром, богатели и развивались на основе капиталистических отношений, нагорье продолжало оставаться оплотом феодализма и реакции, где преобладало натуральное хозяйство, рабский труд и мелкое кустарное производство. Соперничество между торгово-промышленной буржуазией побережья и землевладельцами нагорья, опиравшимися на поддержку католической церкви, проходит через всю историю Эквадора XIX в. и находит свое выражение в борьбе двух политических течений: либералов и консерваторов. Цитаделью либерализма становится Гуаякиль, консерватизма — Кито. Либералы, выражая интересы молодой национальной буржуазии, выступали под лозунгом демократизации и оздоровления общественной жизни и с переменным успехом боролись за власть против феодально-помещичьей диктатуры. В 1835 г. президентом был избран либерал Рокафуэрте, продержавшийся у власти до 1839 г., когда он был вновь смещен Флоресом. К этому периоду в политическую борьбу на стороне либералов вовлекаются все более широкие слои города и деревни. В марте 1846 г. военная диктатура Флореса была окончательно свергнута.

Последующие 15 лет были временем частых переворотов в Эквадоре с преимущественным преобладанием либералов

в политической жизни страны. Наиболее крупной фигурой этого периода был генерал Хосе Мария Урбина (1851—1856), близкий к либералам и осуществивший ряд мероприятий, направленных против католической церкви. При Урбине была проведена земельная реформа, официально отменено рабство и из страны изгнаны иезуиты. В то же время Урбину считают отцом «национального милитаризма», пришедшего на смену «чужеземному милитаризму» Флореса. В одном из своих посланий конгрессу Урбина следующим образом обосновывал необходимость военной диктатуры: «военная сила является основой государственной власти и, тем более, у народов, находящихся в процессе своего становления, не привыкших подчиняться закону, лишенных республиканских обычаев, в условиях, когда демократии еще только предстоит сделать свои завоевания»⁸.

В 1861 г. на политической арене Эквадора появляется Габриель Гарсия Морено — фигура, с которой связаны наиболее мрачные страницы национальной истории. Кроваожадный тиран, религиозный фанатик и трусливый убийца, Гарсия Морено, в эпоху расцвета буржуазного либерализма в Америке пытался вернуть страну к средневековью и создать теократическое государство. Гарсия Морено разделился с военной кастой и при помощи церкви, искусно разжигая религиозный фанатизм наиболее отсталых и забытых слоев городского и сельского населения, обрушился на либералов. По выражению современников, он правил страной, как правит сеньор своими рабами. Именно к этому периоду относится фраза о том, что после получения независимости «Венесуэла превратилась в казарму, Колумбия — в университет, а Эквадор — в монастырь».

В области школьного образования Гарсия Морено также проводил политику, отличавшуюся от традиционной политики своих предшественников: оказывая широкую поддержку начальной школе и борясь с неграмотностью, он в то же время придал школе ярко выраженный религиозный характер, стремясь воспитать молодое поколение в духе покорности и смирения. Клерикальное засилие достигло невиданных даже в Эквадоре размеров. Церковь проникала во все сферы государственной и общественной жизни. Страна прозябала в атмосфере террора и мракобесия. Диктатура Гарсии Морено усилила протест лучших представителей эквадорской интеллигенции и вызвала к жизни одну из самых блестящих фигур в культурной жизни Эквадора — Хуана Монтальво (1832—1889), великого бунтаря и критика, заговорщика и памфлетиста, мыслителя и борца, который после смерти тирана с полным основанием имел право сказать: «Мое перо убило его!» Многие годы Монтальво провел в изгнании и умер в Париже, но вся интеллектуальная жизнь Эквадора 60—70-х годов XIX в. протекала под

знаком его поединка с Гарсией Морено. Этот период вошел в историю латиноамериканской мысли как одна из наиболее значительных и славных страниц. В удушливой обстановке клерикальной республики, где не было места ни малейшему проявлению свободомыслия, где головы либералов подравнивал под общий уровень палач, Хуан Монтальво стал знаменем и апостолом политического и духовного обновления. Монтальво до сих пор стоит в ряду крупнейших стилистов и мастеров публицистической прозы, когда-либо писавших на испанском языке. В то же время Монтальво принадлежит и ряд художественных произведений, романов, рассказов, стихов («Главы, о которых забыл Сервантес», 1895; «Семь трактатов», 1873 и др.). Излюбленным жанром Монтальво были эссе и памфлет, в которых он достиг удивительного мастерства. В них Монтальво бичевал язы и пороки современного ему Эквадора и всей тогдашней Латинской Америки: анархию, военный вожизм, властолюбие и корысть духовенства, деспотизм и коррупцию, произвол и невежество имущих классов. Монтальво одним из первых в Латинской Америке обратил свой взор к скорбной и не замеченной современниками фигуре индейца, который впоследствии станет главным героем эквадорского реалистического романа: «Индеец так же, как и его осел, не принадлежит никому и принадлежит первому встречному... Солдат может заставить его подметать казармы и вывозить нечистоты, алькалд может послать с письмом за двадцать миль, поп послать за водой на реку и все — задаром, если не считать палок, которыми его награждают, „чтобы не забывал и приходил в другой раз“. И индеец приходит, потому что такова его должность: после очередной порки кнутом он поднимается с земли, застегивая штаны, и благодарит своего палача: „Бог вам воздаст, хозяин!“ Несчастное, безобидное существо! Если бы мое перо было наделено способностью плакать, я написал бы книгу под названием „Индеец“ и заставил бы плакать весь мир»⁹.

Лучшими произведениями Монтальво, помимо уже упомянутых, являются «Катилинарии» (1889), «Церковный меркуриал», «Богатство и счастье» (1872), «Космополит» (1867) и др. Его проза, несмотря на свое жанровое разнообразие, всегда тяготела к полемическому выражению, и даже в единственном романе «Главы, о которых забыл Сервантес» и немногих рассказах Монтальво-эссеист и Монтальво-трибун часто берет верх над Монтальво-художником. В произведениях Монтальво, долгое время проведенного в изгнании, много автобиографического, и там, где он касается своей собственной жизни, особенно отчетливо звучат сентиментальные и романтические ноты. Такие атрибуты романтизма, как меланхолия, стремление к одиночеству, любование природой, были свойственны Монтальво не

менее, чем качества писателя-борца с его бескомпромиссной критикой действительности и безжалостным сарказмом в осмеянии своих политических врагов. Монтальво был тонким знатоком и ценителем испанского языка, и, может быть, одной из его самых больших заслуг было то, что в его творчестве слились воедино лучшие традиции старой испанской литературы и новые языковые веяния, вызванные к жизни духовным освобождением от метрополии. Он был непревзойденным мастером метафоры, афоризма; его язык был полон неожиданных и счастливых находок, крылатых фраз, которые тут же пускались в обращение современниками и сохранились до наших дней.

Как писателя Монтальво относят к романтической школе, которая во второй трети XIX в., после выхода в свет «Пленницы» Эчеверри¹⁰, стала преобладающим литературным течением во многих латиноамериканских странах, в том числе и в Эквадоре. В отличие от Европы, где романтизм явился по преимуществу реакцией на французскую революцию и носил консервативный характер¹¹, латиноамериканский романтизм, не исключая Монтальво, наряду с традиционной сентиментальностью и культом природы, питался идеями освободительной борьбы, равенства и братства и был в большинстве случаев романтизмом революционным. Тем не менее, в период гарсианской реакции в Эквадоре наряду с Монтальво появилась еще одна достойная упоминания, хотя и не столь блестящая литературная величина, — консервативный романтик Хуан Леон Мера.

Хуан Леон Мера (1832—1894) был одним из людей близких к Гарсии Морено, следовательно, являлся политическим и литературным противником Монтальво. Мера вошел в историю литературы как автор первого эквадорского романа «Кумандà» (1879), написанного под влиянием «Атилы» Шатобриана, а также ряда бытовых и нравоучительных рассказов и критических работ. Появление романа «Кумандà» было связано с распространением в то время среди многих латиноамериканских писателей весьма наивного и поверхностного понимания существа такого понятия, как национальная самобытность литературы. Стремление создать «национальную», «американскую» литературу выражалось прежде всего в соответствующем выборе тем: источником вдохновения для писателей романтической школы часто служили или подлинные поэтические легенды индейцев, или надуманные эпизоды из истории колонизации, главной пружиной которых была несчастная любовь между благородной красавицей-индейкой и не менее благородным белым конкистадором. Основным конфликтом такого рода произведений был конфликт двух различных рас, двух различных религий¹². Развязка, как правило, была трагической. Таким образом, на начальном этапе создания самобытной литературы в латиноамери-

канских странах в качестве основного признака самобытности выдвигался «индианизм», идеализированный и всегда обращенный в прошлое. Писатели словно не желали замечать окружающий их подлинно национальной действительности: вымирания голодных и забытых масс индейцев, нищеты и страданий зарождавшегося пролетариата, проблем и стремлений «средних классов» современной им Америки. Но и в «индианистской» литературе имелось свое рациональное зерно: если ее одушевленные герои — белые и индейцы — своей надуманностью и ходульностью вызывают у современного читателя улыбку, то первые описания обрядов и местных обычаев, а также южноамериканской природы, хотя и поданные в своеобразном романтическом преломлении, до сих пор сохраняют известную эстетическую и историческую ценность. В этом смысле романтики были предшественниками костюбристов¹³ и таких выдающихся певцов тропической сельвы как Хосе Эустасио Ривера¹⁴ и Орасио Кирога¹⁵.

Роман Хуана Леона Мера «Кумандà» далеко не лучшее произведение среди того, что оставили нам романтики-индианисты. В настоящее время он безнадежно устарел и кажется фальшивым от начала до конца. Содержание его весьма сходно с содержанием «Атилы» Шатобриана. На фоне величественной южноамериканской природы и непрекращающейся борьбы белых с остатками диких индейских племен разворачивается идиллическая и целомудренная любовь белого юноши Карлоса Ороско и индейской девушки Куманды, которая впоследствии оказывается родной сестрой Карлоса, когда-то похищенной индейцами. В конце романа Куманда гибнет, жертвуя жизнью для спасения брата. Вскоре от горя умирает и Карлос, а их отец дон Хосе Доминго Ороско навсегда уединяется в монастырь. Если учесть, что весь роман пронизан духом католицизма, активным пропагандистом которого был Хуан Леон Мера, станет понятным, почему «Кумандà» почти не нашла отклика и признания в других странах испанского языка, хотя и пользовалась успехом в «католической республике» Гарсии Морено. В наши дни «Кумандà» сохраняет значение лишь как литературно-исторический памятник. Это был первый роман, вышедший в Эквадоре из-под пера эквадорского писателя. В то же время «Кумандà» никак не может быть названа первым эквадорским национальным романом, так как в нем не было ничего национального, кроме чисто внешних атрибутов. Как романист Мера не оставил после себя в Эквадоре ни продолжателей, ни учеников. И трудно не согласиться с мнением Бенхамина Карриона, когда он, оценивая роль Меры в истории эквадорского романа, пишет, что «последующие эквадорские романисты были и остаются антиподом Меры. На фоне общей панорамы эквадорского

романа «Кумандà» является парадоксальным примером: чтобы создать подлинно национальный роман надо уходить как можно дальше от «Куманды»¹⁶.

Помимо Монтальво и Хуана Леона Меры, рассматриваемый период в истории эквадорской литературы небогат именами. В качестве других авторов, достойных упоминания, можно было бы назвать Карлоса Ротобара (1854—1920) и Мариетту де Вейнтемилля. Первый больше известен как видный лингвист, написавший исторический роман «Сообщение ветерана времен независимости» и ряд рассказов бытового характера. Мариетта де Вейнтемилля автор исторического труда о гражданской войне «Страницы Эквадора», обладающего большими художественными и стилистическими достоинствами.

Следует отметить, что до конца XIX в. в Эквадоре не существовало профессиональных писателей в современном смысле этого слова. Пример Хуана Леона Меры, занимавшего ряд важных постов в администрации Гарсии Морено, пример Монтальво, который прежде всего был бунтарем и борцом, так же, как и примеры Рокафуэрте, Тобара и Мариетты де Вейнтемилля, — активных участников внутривластной борьбы своего времени — красноречиво свидетельствуют о том, что литература Эквадора с первых своих шагов стояла на службе современных ей политических течений. Так, Рокафуэрте, Монтальво и Мариетта де Вейнтемилля сражались на стороне либералов; Хуан Леон Мера и Карлос Тобар были воинствующими деятелями консерватизма и католицизма. Несмотря на моральную и идейную победу, одержанную Монтальво над Гарсией Морено и Хуаном Леоном Мера, политическая власть в стране, вплоть до 1895 г. принадлежала преимущественно консерваторам. Страна находилась в литературной и культурной изоляции от внешнего мира.

В условиях изоляции и духовного господства церкви, собственно художественная литература (не считая блестящей прозы Монтальво) могла делать лишь первые робкие шаги. Эквадор перестал быть колонией Испании в политическом смысле, но в области литературы все еще находился под сильным влиянием испанских и французских авторов. Для того чтобы литература могла прочно стать на путь самобытного национального развития, нужны были серьезные внутренние перемены.

*

Второй период в истории эквадорской литературы, связанный с качественными сдвигами в экономической и политической жизни страны, охватывает тридцатилетие между либеральной революцией Элоя Альфаро 1895 г. и воен-

ным переворотом в июле 1925 г. Если предыдущая эпоха была наполнена идеологической и политической борьбой между либералами и консерваторами с заметным преобладанием последних, то, начиная с 1895 г., либералы окончательно берут верх. Повстанческое движение, начавшееся, как обычно, в Гуаякиле закончилось разгромом войск консерваторов и вступлением либералов под руководством Альфаро в город Кито. Альфаро — один из наиболее непримиримых и последовательных борцов против феодальной и клерикальной реакции, поклонник идей Монтальво после победы либералов дважды (1895—1901 и 1907—1911 гг.) избирался президентом и за время своего правления сумел в значительной мере подорвать позиции земельной и клерикальной олигархии. Однако либеральное движение, в целом отражавшее интересы поднимавшейся буржуазии, вскоре раскололось: демократизм и революционность Альфаро, ориентировавшегося в своей внутренней политике на народные массы, отпугнули буржуазию, и буржуазный либерализм, искавший и находивший точки соприкосновения с клерикальной и феодальной реакцией, поспешил разделаться с этим выдающимся политическим деятелем. В итоге краткой, но кровавой гражданской войны между альфаристами и сторонниками центрального правительства Альфаро был захвачен в плен и зверски убит в 1912 г. После смерти Альфаро и разгрома наиболее революционного и демократического крыла либерализма наступает период так называемой «одинадцатилетней банковской тирании», когда власть фактически находилась в руках финансовой олигархии Гуаякиля, а сменявшиеся президенты были не более как марионетками.

Приход к политической власти буржуазии укрепил ее влияние на побережье, однако почти не затронул социального уклада и производственных отношений в горных районах. В то время как в промышленности и сельском хозяйстве побережья уже господствовал наемный труд, рос и развивался рабочий класс, находили благодатную почву демократические и революционные идеи нагорье продолжало служить оплотом феодализма, заповедником рабских форм эксплуатации, главным объектом которых был индеец.

Глубокие различия в экономической структуре капиталистического побережья и феодального нагорья послужили причиной одного из наиболее характерных социальных процессов в Эквадоре конца XIX — начала XX в.: усиленной миграции сельского и городского населения внутренних районов страны на Запад в район города Гуаякиль и провинции Гуаяс, переживавших период коммерческого и промышленного расцвета и высокой конъюнктуры. В то время как в деревне усиливается сопротивление индейцев феодальному гнету, не прекращаются восста-

ния и бунты против помещиков, в городах зарождается рабочее революционное движение. В 1926 г. была создана Социалистическая партия Эквадора и стали появляться первые профсоюзы. Либеральное правительство отвечает на народные волнения жесточайшими репрессиями. В ноябре 1922 г. Гуаякиль стал ареной первой в истории страны рабочей стачки, зверски подавленной правительственными войсками: на улицах города осталось около тысячи убитых забастовщиков.

Двумя другими новыми и весьма важными моментами эквадорской действительности той поры было усиление могущества финансовой олигархии, о котором мы уже упоминали, а также проникновение иностранного капитала в эквадорскую экономику.

На рубеже двух веков в эквадорскую экономику начинается приток иностранного, прежде всего североамериканского капитала; появляется и начинает развиваться то социальное зло, борьба против которого наполнит последующую политическую и культурную историю Эквадора: империализм. Вот как пишет об этом известный эквадорский литературовед и писатель Анхель Ф. Рохас: «Несмотря на относительно скромные вложения иностранного капитала в эквадорскую добывающую промышленность, его влияние на политическую жизнь страны было весьма велико. Во всяком случае, вложения нужно было защищать, поддерживая то правительство, которое предоставляло концессии и льготы. А за отсутствием такового нужно было помочь противникам свергнуть его. Сущность и повадки империализма даже в том младенческом состоянии, которое мы только что описали, в условиях нашей страны были такими же, как и в условиях других, более богатых и крупных, полуколониальных стран. Все симптомы были налицо»¹⁷.

Победы буржуазии и приход к власти либералов, особенно во время двухкратного президентства Элоя Альфаро привели к известной демократизации общественной и культурной жизни. Получило широкое распространение бесплатное светское образование, пользовавшееся поддержкой государства. Католические школы, ранее финансируемые правительством, стали носить частный характер и превратились в платные учебные заведения. В стране была начата подготовка национальных учительских кадров, в основном настроенных антиклерикально. Демократизировалась армия, офицерский состав которой утратил свои кастовые особенности и стал пополняться за счет представителей «средних классов». Женщина начинает освобождаться из-под одурманивающей власти церкви и постепенно вовлекаться в общественную деятельность.

Панорама культурной и политической жизни Эквадора была бы неполной, если бы мы не упомянули об особой роли,

Плачущие женщины. Картина современного художника Освальдо Гуаясамина

которую начали играть университеты в Кито, Гуаякиле, Куэнке и Лохе. Эти учебные центры так же, как и созданные Альфаро педагогические училища, становятся рассадниками новых веяний и идей и очагами революционных студенческих выступлений.

В области прессы на смену разрозненным и часто недолговечным листкам, возникавшим и умиравшим в ходе межпартийной борьбы консерваторов и либералов, приходят крупные коммерческие газеты: «Эль Телеграфо», «Эль Комерсио», «Эль дия», «Эль Универсо», с обильной и разнохарактерной информацией и специальными литературными разделами. Последнее обстоятельство оказывало благотворное воздействие на развитие национальной беллетристики: в условиях почти полного отсутствия книжного рынка, когда издание книги, как правило, приносило убыток, газета становится единственной трибуной начинающих писателей и зеркалом, отражавшим для широкой публики литературную жизнь страны. А жизнь эта по сравнению с предыдущим периодом была гораздо более богата и разнообразна. Если до 1895 г., за шестьдесят пять лет независимого существования в Эквадоре вышло всего четыре романа, среди них «Кумандà» Луиса Леона Меры, то в рассматриваемое тридцатилетие их насчитывается уже около трех десятков. Несмотря на относительное обилие названий и авторов, в стране все еще отсутствуют писатели-профессионалы; литературный труд не может прокормить даже наиболее известных писателей, а поэтому большинство из них, не располагая достаточными средствами, вынуждены заниматься политической, журналистской или коммерческой деятельностью.

В рассматриваемый период (1895—1925) эквадорская литература так же, как и литература других стран Латинской Америки, продолжает развиваться под сильным влиянием европейских школ и течений. Подавляющее большинство выходящей литературной продукции было не более как запоздалой реакцией на то новое, что появлялось на книжных рынках Старого света и прежде всего Франции. Латиноамериканский романтизм, на несколько десятилетий отстав от Европы, после триумфального шествия по всем странам континента к концу XIX в. уже представлялся анахронизмом. Творчество великих европейских реалистов Бальзака, Стендаля, Флобера, Достоевского, Диккенса, Гальдоса, Толстого, завоевав Латинскую Америку, казалось толкнуло стрелку литературного компаса молодых независимых республик в сторону реализма. Но прежде чем реализм смог набрать силы и стать основным художественным методом при создании самобытных литературных ценностей, вся испаноязычная Америка подверглась кратковременной, но острой эпидемии модернизма, который как всякая «ультрасо-

временная» мода, кое-где сумел приглушить и приостановить естественный процесс сближения литературы с жизнью. Духовными отцами латиноамериканских модернистов были прежде всего французские поэты-декаденты конца XIX в. Бодлер, Малларме, Верлен, Рембо с их пессимизмом, неприятием социальной действительности и повышенным интересом к формальной и музыкальной стороне поэтического творчества.

Модернизм дал Америке Рубена Дарио и несколько звезд второй величины: Леопольдо Лугонеса (1874—1938) в Аргентине, Эррера и Рейсига (1875—1910) в Уругвае, Хосе Сантоса Чокано (1875—1934) в Перу, Амадо Нерво (1870—1919) в Мексике; за ними следовало бесчисленное множество подражателей и эпигонов, в настоящее время почти забытых. Будучи в целом явлением внеамериканским, чужеродным продуктом перезрелой и утонченной западной цивилизации, декадентская поэзия в условиях духовно просыпающейся Америки не смогла пустить сколько-нибудь глубоких корней, если не считать двух-трех первоклассных поэтов¹⁸, сумевших связать формальные достижения модернизма с национальным мироощущением и с творческой перестройкой традиционно-испанских форм стиха. Несмотря на оторванность массы «рядовых» модернистов от современной им действительности, несмотря на их рабское порой подражание западным образцам, модернизм, как литературное явление, сыграл большую положительную роль: он явился «поэтическим пробуждением» для латиноамериканских стран, способствовал повышению технического мастерства местных поэтов и, затронув не только поэзию, но и определенную часть прозы, дал толчок к плодотворному экспериментированию в области художественной формы. Нельзя забывать, что с модернизмом были связаны первые шаги таких крупнейших мастеров стиха, как Габриэла Мистраль и Пабло Неруда.

В Эквадор модернизм проник несколько позднее, чем в другие страны континента и имел здесь свои особенности. Как литературное течение он являлся не только продуктом импорта, но и был тесно связан с трагической национальной действительностью; его первые проявления относятся к 1911 г., к периоду ожесточенных, раздиравших лагерь либерализма междуусобиц, к периоду торжества наиболее алчных и активных слоев буржуазии, с ее беспринципностью и культом чистогана. Если французский декаданс был в известной мере реакцией на тупое спокойствие, сытость и пошлость зажиточного мещанства, то эквадорский модернизм символизировал собой пассивный протест определенной части литературной молодежи против той оргии крови, политического мошенничества и буржуазной продажности, в которые была ввергнута страна после разгрома движения Элоя Альфаро. В первом номере журнала «Летрас»,

руководимого одним из теоретиков эквадорского модернизма Исааком Х. Баррера, был опубликован манифест этой группы, где провозглашалась необходимость полного отмежевания литературы от политики.

Особенностью эквадорского модернизма было и то, что он имел последователей главным образом в области лирической поэзии и очень незначительно затронул прозу, преимущественно жанр короткого рассказа. Из числа поэтов можно назвать четырех: Артуро Борха, Умбрето Фиерро, Эрнесто Набоа Кааманьо и Модрадо Анхеля Сильва, несомненно талантливых и наделенных поэтической индивидуальностью; тем не менее, ни один из них не смог выйти за рамки своей страны и своей эпохи. Почти все они, за редким исключением, погибли молодыми. «Жизнь и творчество эквадорских модернистов, — пишет Бенхамин Кардион, — были трагичными. Они явились порождением буржуазии. Выспших и рафинированных слоев буржуазии, представлявших сливки расы. Некоторые из них — очень немногие — впоследствии раздобрели и превратились в полезных и мирных граждан. Но большинство выбрали болезненный и драматический путь неудовлетворенности; химеры, созданные ими с помощью литературы, в конце концов задушили их. Они использовали свой талант и свою жизнь, чтобы сплести паутину собственной гибели и почти все добились своего»¹⁹.

В эквадорской прозе начала XX в. к модернистам примыкают Гонсало Сальдумбиде — романист-переводчик и критик с ярко выраженной франкофильской направленностью; Сесар Арройо — критик и эссеист; видные журналисты — Исаак Баррера и Карлос Эндара.

Жанром, в котором модернизм не имел почти никакого влияния, был роман и именно с романом было связано в Эквадоре возникновение и развитие реализма. Выше мы уже отмечали, что литературная продукция рассматриваемого тридцатилетия включала около 30 романов, из них лишь очень немногие выдержали испытание временем и именно те, которые в той или иной степени связывали себя с реалистической тенденцией. Родоначальником и пионером эквадорского реализма в области прозы стал Луис А. Мартинес (1868—1909); его роман «К берегу» (1904), по единодушному мнению критики, является первым подлинно национальным реалистическим романом в Эквадоре. Появление этого романа было подготовлено творчеством ряда талантливых прозаиков, ни один из которых, однако, не смог подняться до художественного и идейного уровня произведения Мартинеса, тем не менее все они вошли в историю эквадорской литературы, как непосредственные предшественники эквадорского реализма 30—40-х годов.

Наиболее плодовитым из них был видный деятель эквадорского либерализма, крупный помещик, ставший впоследствии президентом республики, — Альфредо Бакерисо Морено (1859—1950) — писатель с европейским воспитанием и ориентацией, автор ряда посредственных бытовых романов, из которых с литературно-исторической точки зрения заслуживает особого упоминания лишь один: «В глубине страны» (1898). Тема этого короткого романа — жизнь маленького, затерянного в горах местечка, с его внутренней враждой и противоречиями, своеобразными человеческими типажам, с его рутинной и неограниченной властью местного касика. И хотя Бакерисо — сам представитель господствующего класса — занимает как автор позицию стороннего и слегка брезгливого наблюдателя, не проникая в глубь явлений и не намечая выхода из него, появление этого романа многозначительно: в нем впервые были затронуты многие серьезные проблемы эквадорской деревни и показаны условия существования определенного общественного класса.

Другим писателем с ярко выраженной социальной направленностью творчества и реалистической манерой повествования был Роберто Андраде, критик и журналист, автор единственного, но очень острого романа «Пачо Вильямар». Роберто Андраде был так же, как и Бакерисо, активным деятелем либерализма и одним из тех, кто подготовил и осуществил убийство Гарсии Морено.

Роман, написанный в 1900 г., возвращает нас к недавней эпохе, когда Эквадор был отдан Гарсией Морено во власть церковников и переживал наиболее мрачный период своей истории. На страницах книги оживает удушливая атмосфера интеллектуального мракобесия и религиозного фанатизма деклассированных и обработанных клерикалами наиболее отсталых слоев города и деревни, иезуитская политика, направленная на разжигание религиозной розни и на духовное порабощение личности, коррупция и безнравственность церковной верхушки, и в противовес этому Андраде воспроизводит жизнь передовой университетской молодежи, тайком зачитывающейся произведениями Монтальво и готовой выступить на борьбу против тирании. Действие романа разворачивается далее в период, последовавший за свержением диктатуры, когда страну раздирали гражданские междуусобицы. При описании и этой смутной поры Андраде остается пламенным борцом против сил реакции, темпераментным и честным художником в целом, верно отразившим историческую панораму эпохи. Из писателей-современников Луиса А. Мартинеса можно упомянуть также Мануэля Х. Калье — отца эквадорской журналистики и автора посредственного романа «Карлота» (1900); Мануэля Э. Ренхеля, написавшего приключенческий роман «Люсмила» (1903); Хосе

Антонио Кампоса — автора коротких юмористических рассказов из народной жизни. Широко используя простонародную лексику и фольклор, этот писатель сумел создать оригинальный жанр, своеобразную смесь газетного фельетона, политического памфлета и басни в прозе. Хосе Антонио Кампос, которого иногда называют «латиноамериканским Марком Твенем», в жанре короткого рассказа был предшественником писателей-реалистов более позднего периода.

Однако самой крупной и в известном смысле одинокой фигурой эквадорского реализма первой четверти XX в. был Луис А. Мартинес. Выходец из средних классов, уроженец одного из небольших городов нагорья Амбато, Луис Мартинес так же, как и все его менее удачливые собратья по перу, принимал активное участие в политических битвах своего времени, занимал ряд административных постов, был министром либерального правительства, служил добровольцем в повстанческой армии Элоя Альфаро. В молодые годы ему пришлось бороться с нуждой, выполнять самую тяжелую работу и в поисках счастья объездить всю страну; он глубоко знал жизнь всех слоев тогдашнего общества, местные проблемы и особенности различных географических районов Эквадора.

Большой личный опыт, активное участие в решении политических судеб родины на стороне наиболее левых сил позволили Мартинесу создать роман, вобравший и отражавший все наиболее существенные проявления эпохи. Это был роман-синтез, роман-панорама. В то же время, при всей четкости политического лица автора, роман не грешит тенденциозностью и справедливо считается непреходящим человеческим документом. Все проблемы вчерашнего и во многом сегодняшнего Эквадора так или иначе затронуты в романе. Само название этого произведения было связано со стремлением автора показать один из наиболее характерных социальных процессов тех лет: массовое переселение обитателей внутреннего Эквадора на Запад, к процветающему экономически тихоокеанскому побережью, где они искали лучшей доли. В романе физически ощутимо воспроизведена атмосфера соперничества и смертельной вражды между католическим Кито и либеральным Гуаякилем; живыми запоминающимися мазками нарисованы мрачные картины полумонастырского городского быта «средних» слоев с их сословной замкнутостью и религиозным лицемерием, картины солнечного тропического побережья, с всепобеждающей природой, своеобразными обычаями и неповторимыми человеческими типами, с тяжелым и опасным трудом на плантациях какао. Роман экзотичен в самом лучшем смысле этого слова, его экзотика идет от реализма, от той правды жизни, которую может воспроизвести только подлинно национальный и по-настоящему крупный

художник такой далекой и такой незнакомой для нас страны как Эквадор. О языке романа Бенхамин Каррион пишет: «К берегу» — роман глубоко реалистический как по своему содержанию, так и по выразительности художественной ткани. Люди в нем говорят на человеческом языке. Революционизирующая сила этого романа, которая превращает его в символ и исходный пункт целого литературного направления, проявляется главным образом в манере выражаться: от вычурной и фальшивой сладковости, от пустого и высокопарного стиля предыдущего периода роман «К берегу» совершает неожиданный скачок к простой и естественной прозе, говорящей именно то, что она хочет сказать...»²⁰.

Роман состоит из двух частей, первая посвящена жизни героя — студента Сальвадора Рамиреса — в Кито, вторая — его борьбе за существование и гибели на побережье. Содержание романа вкратце сводится к следующему. Сальвадор Рамирес — сын обедневшего адвоката блестяще заканчивает университет и стремится найти работу, чтобы помочь семье, которая попадает к этому времени в крайнюю нищету. Дом Рамиресов (главным образом в лице истерички-матери и очень консервативно настроенного отца) отличается приверженностью к догмам католической церкви и служит местом сбора для всякого рода святош и приживалок. Аскетизм и религиозная нетерпимость родителей постепенно калечит жизнь молодого поколения — Сальвадора и его сестры Марианы, которые во всем следуют воле фанатичной матери. Однако молодость и темперамент Марианы оказываются сильнее: она влюбляется в друга своего брата, прогрессивно настроенного и богатого студента Лусиано и тайком отдается ему. Он готов жениться на ней, однако родители, ненавидящие «всех либералов», отказывают Лусиано, несмотря на его богатство. Жизнь дочери оказывается сломанной и принесенной в жертву кастовой и социальной ненависти. Больше того, одна из святош-приживалок, воспользовавшись нравственной подавленностью девушки, играя на ее религиозном чувстве, бросает ее в объятия модного и развратного проповедника — отца Хустиниано — кумира католических психопатов. Вскоре умирает глава семьи — доктор Рамирес, мать еще глубже погрязает в религиозной нетерпимости, Мариана идет на панель, а Сальвадор, ожесточившись против всего мира, записывается добровольцем в армию консерваторов, выступающую против либералов Гуаякиля, возглавляемых Альфаро. В битве при Сан Хосе де Чимбо жизнь Сальвадору спасает его прежний друг Лусиано — к тому времени капитан революционной армии. На этом кончается первая часть романа. Во второй части Сальвадор переживает моральное перерождение, отказывается от многих консервативных догм, завербовывается в

качестве надсмотрщика на одну из плантаций и переселяется на побережье. Ценой упорного и опасного труда ему удается пробиться в жизни: его назначают управляющим, он находит себе умную и любящую подругу жизни и казалось бы обретает счастье, достигает желанного «берега». Но этот «берег» оказывается другим: в последний момент Сальвадор заболевает тяжелой тропической болезнью и умирает, глядя из окна на снежные Анды и на вершину Чимборасо, у подножья которого в Кито так тяжело и беспросветно начиналась его юность...

Сам строй и развитие сюжета в романе «К берегу» позволяют автору дать обобщенную картину эпохи и страны в целом.

С большой силой типизации в романе представлены герои почти всех слоев эквадорского общества. Роман в значительной мере документален и автобиографичен. Университетская жизнь, жизнь мелких служащих, могущественной касты церковников, военных, сельскохозяйственных рабочих, богатых землевладельцев в той или иной мере нашли реалистическое отображение в романе. Несмотря на полвека, прошедших со дня выхода в свет этого этапного произведения эквадорской литературы, оно до сих пор не утратило своего гуманистического и художественного звучания.

После опубликования романа Мартинеса в 1912 г. в Эквадоре вышел еще один роман, развивающий реалистическое направление и достойный особого упоминания. Это роман «Чтобы промочить глотку...»²¹ Хосе Рафаэля Бустаманте, скорее философа и политика, чем романиста. Роман рассказывает историю опустившегося пьяницы, который, скатившись по социальной лестнице, может позволить себе роскошь видеть и воспринимать мир таким, каков он есть на самом деле, без всяких условностей и прикрас. Устами Роберто — главного героя романа — Бустаманте разоблачает и осуждает пороки современного ему общества и выражает сочувствие эксплуатируемым и обездоленным классам. Подобно роману «К берегу», произведение Бустаманте воспринимается как обличительный документ эпохи и является второй значительной вехой на пути к созданию подлинно национальной литературы в Эквадоре.

Рассматривая анализируемый период 1895—1925 гг. в целом, мы видим, что по сравнению с предыдущими годами, число художественных произведений в стране неизмеримо увеличивается, на смену неоклассицизму и романтизму, после модернизма, постепенно приходит реализм, и объектом изображения национальных авторов становятся все более существенные и разнообразные стороны эквадорской действительности. Политические победы буржуазного либерализма определили и основного героя художественной литературы: им в большинстве случаев является представитель так называемых «средних слоев»,

иначе говоря, мелкий и средний буржуа, или представитель интеллигенции. Человеку физического труда — рабочему, батраку, индейцу в лучшем случае отводится второстепенное, эпизодическое место на страницах немногих произведений. Народ как основной герой еще не стал тем, чем он станет в художественной литературе последующего периода.

*

30—50-е годы в истории Эквадора связаны с важными и качественно новыми явлениями экономического, политического и культурного характера.

Углубились и обострились противоречия и контрасты между отдельными секторами народного хозяйства, между различными экономическими районами, прежде всего отсталым нагорьем и Костой, где быстро растут капиталистические отношения. Приход к власти либералов не решил основной национальной проблемы: он не смог ликвидировать полуфеодального уклада в эквадорской деревне и существенным образом изменить положение эксплуатируемых слоев, прежде всего индейцев, составляющих больше половины населения страны. Индеец как главная производительная сила, как основа национального хозяйства Эквадора вплоть до 20-х годов находился вне сферы внимания историков, социологов, политических деятелей и писателей. Несмотря на отдельные сочувственные страницы, которые посвятил ему Монтальво, индейца словно забыли, не желали замечать. А между тем индеец, пополняя ряды городского пролетариата, медленно, но верно, приобщаясь к грамоте, элементарной культуре и передовым идеям, проникавшим в деревню, становится существенной силой в исторических судьбах страны.

В 1921 г. вышла книга историка и публициста Пио Хармильо Альварадо «Эквадорский индеец», в которой впервые со всей остротой был поставлен вопрос о необходимости экономического освобождения индейца и ликвидации полуфеодальных аграрных отношений, сохранявшихся в Эквадоре. С этого времени и до сего дня «индейская проблема», перерастая в основную экономическую проблему страны, от решения которой зависит дальнейший хозяйственный и культурный прогресс Эквадора, находится в центре внимания лучших представителей эквадорской интеллигенции и, как мы увидим ниже, в центре внимания художественной литературы.

Важной чертой развиваемого периода в области экономики является численный рост городского пролетариата, усиление его эксплуатации и растущая зависимость Эквадора от иностранного, прежде всего американского, империализма. Подобно другим странам Латинской Америки, Эквадор, еще не

успев преодолеть отсталости своей внутренней экономической структуры, оказался втянутым в мировой капиталистический рынок и стал объектом грабежа со стороны своего «великого северного соседа» — Соединенных Штатов Америки. Основная тяжесть этой двойной эксплуатации со стороны собственного эквадорского, а также международного капитализма легла на плечи трудящихся масс, положение которых по сравнению с предыдущим периодом заметно ухудшается. Видный эквадорский экономист доктор Мануэль Агустин Агирре следующим образом характеризует этот процесс: «...Иностраным империалистам выгодно сохранять отсталые формы производства, ибо с ними связано получение дешевого сырья и наличие дешевой рабочей силы, которые, естественно, можно иметь лишь за счет увеличения эксплуатации и жертв, приносимых пролетариатом и полуфеодальным крестьянством; ведь помещик-латифундист, друг и союзник иностранной империалистической буржуазии, стремится снизить себестоимость продукции не за счет технического прогресса, а за счет усиления средневековых форм эксплуатации»²².

Пока Эквадор вплоть до начала XX в. находился в относительной экономической изоляции от внешнего мира, производил лишь на себя и не зависел от капризов международного капиталистического рынка, контраст между бедностью и богатством был не столь заметен, а хозяйственная жизнь отличалась известной стабильностью. В первой четверти XX в. экономическое положение страны ухудшается, чему способствовало падение удельного веса Эквадора в мировой торговле.

Важным фактором в интеллектуальной жизни Эквадора 30—50-х годов были усилившиеся внешние влияния; страна выходит на международную арену не только в экономическом, но также и в политическом и культурном плане, открывая свои границы для новых веяний и идей; при этом характерно, что, несмотря на существование реакционных, порой диктаторских режимов, эквадорская интеллигенция в целом, за немногими исключениями, занимает недвусмысленную и всегда прогрессивную позицию перед лицом происходящих в мире изменений. Социалистическая идеология, получившая широкое распространение после победоносной Великой Октябрьской социалистической революции, служит компасом для лучших представителей национальной культуры. Приход к власти Муссолини и Гитлера, события в Испании, вторая мировая война, рождение новых социалистических государств, империалистическая политика США в Латинской Америке, крах колониальной системы в Азии и Африке — все эти факты последних десятилетий находят правильное понимание и истолкование у передовой интеллигенции Эквадора. Особенно горячо она восприняла Кубинскую рево-

люцию и успехи строительства социализма на Кубе. Для деятелей культуры и писателей Эквадора кубинский пример служит новым стимулом в борьбе за социальный прогресс.

Внутренние классовые и политические сдвиги в Эквадоре так же, как и бурные международные события второй четверти XX в., оказали глубокое, революционизирующее влияние на развитие эквадорской литературы. По признанию латиноамериканской критики, эти годы особенно продуктивными были в области прозы. Эквадорский короткий рассказ и многие романы получают признание читателей в других странах Латинской Америки и некоторые из них переводятся на иностранные языки. Секрет успеха лучших эквадорских авторов заключался прежде всего в том, что литература этого периода решительно поворачивается к действительности и становится активным инструментом ее преобразования. Эквадорский критик Рохас отмечает по этому поводу: «Феодализм, касикизм, проблема индейца в горах и монтувио на побережье; борьба между городом и деревней; трагедия метисов; мир эксплуатируемых на полях и в шахтах; империализм, политические митинги и стачки; военные перевороты и спекуляция; нищета окраин и интриги олигархий, оспаривающих власть; картина полуколониальной страны, превращенной в сырьевую базу и почти целиком зависящей от Соединенных Штатов — таковы темы, которые по преимуществу разрабатывают наши мыслители, наши художники, наши писатели»²³. Если в предшествующий период общим знаменателем для передовой эквадорской литературы были главным образом идеи буржуазного либерализма, ярким воплощением которого являлся роман Мартинеса «К берегу», то 30—40-е годы породили обильную литературу «разоблачения и протеста» с ее безжалостным и резким освещением темных и трагических сторон национальной жизни.

С точки зрения литературного метода художественные произведения этих лет находятся в рамках реализма или вернее его латиноамериканской модификации с характерным для нее тяготением к чисто местной тематике, к натуралистической фактографии и резкой социальной заостренности. Следует отметить, что реализм так же, как в свое время романтизм и модернизм, по сравнению с другими странами континента, распространился в Эквадоре с некоторым запозданием²⁴.

При всем многообразии художественных произведений, появившихся в Эквадоре за последние десятилетия, у них есть одна черта, непосредственно вытекающая из общей демократической направленности литературного процесса: их главным героем становится представитель обездоленных классов — индеец, батрак-монтувио, городской пролетарий, деклассированный элемент социального «дна». Основной конфликт в произведениях

подавляющего большинства современных авторов также строится на конкретных социальных и политических противоречиях сегодняшнего Эквадора. Рассмотрим вкратце наиболее крупные имена и наиболее значительные литературные проявления этого периода.

С жанровой точки зрения рассматриваемый период в истории развития эквадорской литературы особенно плодотворен в области прозы — короткого рассказа и романа. С точки зрения тематики ведущим направлением является так называемый «индианизм», т. е. художественная литература из жизни индейцев. Анализируя творчество консервативного романтика Хуана Леона Меры и его роман «Кумандà» мы уже использовали этот термин. Однако «индианизм» писателей романтического периода (XIX — начала XX в.), кроме чисто внешней, тематической стороны, не имеет почти ничего общего с «индианистской» литературой второй трети XX в., развивавшейся в рамках реализма и натурализма²⁵. Если первый носил по преимуществу бытописательный характер, изображал индейцев во внесоциальном и во вневременном плане, тяготел к идеализации их жизни и к ложной экзотике, то современная индианистская литература Эквадора, Мексики, Боливии, Перу — стран со значительным числом индейского населения — имеет ярко выраженную социальную и политическую направленность. Видный чилийский критик Артуро Торрес Риосеко следующим образом характеризует разницу в подходе к «индейской проблеме» у романтиков и реалистов: «Одни предпочитали видеть жизнь индейцев лишь в экзотическом и археологическом аспекте, в то время как другие посвятили себя созданию произведений, исполненных страстного протеста против злоупотреблений и эксплуатации туземцев, совершаемых белыми господами»²⁶.

Родоначальником социальной индианистской литературы в Эквадоре обычно считают Фернандо Чавеса, автора романа «Серебро и бронза» (1927), в котором, несмотря на известную легковесность и надуманность сюжета, построенного на любовной интриге, уже звучит недвусмысленный протест против бесчеловечного, несправедливого отношения к индейцу. Основные персонажи, которые станут впоследствии традиционными в подобного рода произведениях, в той или иной степени уже намечены в этом романе Чавеса. Миру обездоленных и эксплуатируемых «арендаторов-уасипунгерос» противостоит неизменный «треугольник», олицетворяющий феодальные порядки в эквадорской деревне: фанатичный католический поп, всемогущий политикан-кастик и белый латифундист-помещик, неограниченно распоряжающийся душой и телом своих бронзовых рабов и рабынь. Некоторый налет литературного романтизма и ложность основного конфликта между белой и «бронзовой» расой —

конфликта, основанного скорее на личных и сексуальных мотивах, чем на социальных, не мешает этому роману Чавеса быть одним из первых реалистических произведений на индейскую тему. Впоследствии Хорхе Икаса в своем знаменитом романе «Уасипунго» при наличии сходных персонажей положит в основу конфликта между белым и индейцем уже не любовное соперничество, а вековую борьбу за землю, за достойное существование. Однако прежде чем перейти к анализу творчества Хорхе Икаса — писателя общеамериканской значимости, с именем которого связан расцвет индианистского социального романа в Эквадоре, необходимо остановиться на деятельности группы литераторов, появившихся на литературной сцене несколько раньше, чем автор «Уасипунго», отличных от него по своей манере и темам, но сыгравшим исключительно большую роль в становлении эквадорской реалистической прозы. Мы имеем в виду так называемую «гуаякильскую группу» писателей.

Характерная для Эквадора географическая и этническая пестрота, различия в экономическом укладе отдельных районов, резкие социальные контрасты и динамичная политическая жизнь страны обусловили за последние десятилетия своеобразную полифоничность многоплановость и тематическую разветвленность литературного процесса, отражающего сложную национальную действительность. После Луиса Мартинеса, который в романе «К берегу» сумел дать первые яркие наброски двух противостоящих этнико-экономических областей побережья и нагорья и мастерски нарисовать жизнь различных социальных слоев эквадорского общества, литература, словно разворачивается, по многим, только намеченным Мартинесом направлениям. Произведение Мартинеса было романом-панорамой. После выхода его в свет писатели начинают смело и углубленно разрабатывать отдельные участки и детали этой панорамы, так рождается литература нагорья с ее индианистской и городской тематикой, представленная Ф. Чавесом, Х. Икасой, Умберто Сальвадором, А. Куэстой, А. Ф. Рохасом и другими талантливыми прозаиками Сьерры, и литература тропического побережья, представленная прежде всего «гуаякильской группой» в лице Хоакина Гальгоса Лары, Э. Хиль Хильберта, Д. Агилера Мальта, Хосе де ля Куадра и Альфредо Пареха.

В отличие от литературы нагорья, главным героем которой был индеец, городской пролетарий, мелкий служащий, писатели гуаякильской группы делают основным объектом изображения другого представителя обездоленных классов: «монтувио». В этническом отношении «монтувио» является результатом смешения белого, негра и индейца, в экономическом отношении он или мелкий арендатор, или сельскохозяйственный рабочий на

капиталистических плантациях, или (в более позднее время) представитель армии портового пролетариата. Его социальная психология резко отличается от психологии индейца — жителя полуфеодальной Сьерры, веками привязанного к земле. В известном смысле прототипом «монтувио» с учетом местных условий является аргентинский «гаучо», кубинский «гуахиро» или венесуэльский «льянеро». Однако темперамент этого представителя самой тропической из всех тропических стран Латинской Америки, имея в виду этническое происхождение «монтувио», но имеет себе равных. В противоположность «покорному» индейцу он горяч, задирист, крайне свободолюбив и независим в отношениях с хозяевами. Деклассируясь и попадая в условия капиталистического города, «монтувио» часто становится жертвой преступного мира и главным действующим лицом тех социальных трагедий, которые служат благодатным материалом для романистов. Лучшие представители этого своеобразного социального слоя еще во времена Альфаро выступали на стороне наиболее революционных, антифеодальных, антиклерикальных и антикапиталистических сил.

Естественно поэтому, что «монтувио» стал главным героем первой книги, выход которой был заявкой на существование гуаякильской группы писателей. «Те, кто уходят...» — сборник коротких рассказов трех авторов — Хоакина Гальегоса Лары, Деметрио Агилера Мальта и Энрике Хиль Хильберта — был опубликован в 1930 г. и в условиях известной литературной традиционности и затихья произвел впечатление разорвавшейся бомбы²⁷. Особый интерес к этим рассказам проявила зарубежная критика и читатели, перед которыми с безжалостной выразительностью открывался яркий, суровый и неведомый им доселе мир. В Эквадоре книга вызвала много шума не только из-за своей тематики, связанной с изображением темных сторон жизни и необузданных человеческих инстинктов, но также из-за своего языка, насыщенного народной, а порой жаргонной и внелитературной лексикой. На фоне благополучного и спокойного реализма предшествующего периода, сборник «Те, кто уходят...» был несомненным новаторством с отчетливо выраженным уклоном в натурализм. При весьма похвальном стремлении авторов отразить «правду и только правду» от их внимания ускользает классовая и экономическая сторона жизни «монтувио», на что в частности указывает известный эквадорский критик-коммунист Эдмундо Рибаденейра: «Во всяком случае рассказы... (из-за молодости и неопытности авторов) не затрагивают стержневой проблемы, рисуя нам лишь одну из многих сторон в жизни «чоло»²⁸ и «монтувио», т. е. в первую очередь их неудержимую влюбчивость, от рождения чувственный и неудовлетворенный темперамент и ужасные последствия дико-

го обычая платить кровью за кровь. Помимо этих основных мотивов сборника «Те, кто уходят...», в нем очень мало рассказов, показывающих нам другие стороны в жизни «монтувио» и «чоло» и нет ни одного прямо посвященного экономической эксплуатации, жертвами которой они являются»²⁹.

Сборник «Те, кто уходят...» можно рассматривать в качестве литературного пролога в деятельности «гуаякильской группы», включившей несколько позже, помимо трех названных писателей, еще Хосе де ля Куадра и Альфредо Пареха. Все они, по меткому выражению Хиль Хильберта, действовали как «пять пальцев, сложенные в кулак». Каждый из них является автором ряда значительных произведений, обогативших современную литературу Эквадора. При определенной идейной, тематической и стилистической общности, каждый из них имеет свое лицо.

Хоакин Гальегос Лара — писатель-коммунист известен прежде всего как автор одного из лучших современных романов Эквадора «Кресты на воде» (1946), посвященного жизни трудового народа прибрежной полосы и расстрелу первой рабочей демонстрации в Гуаякиле 15 ноября 1922 г. Это произведение, несмотря на некоторый налет сентиментальности, в отличие от его ранних рассказов в сборнике «Те, кто уходят...» проникнуто пафосом классовой борьбы, любовью к простому труженнику и ненавистью к угнетателям. Оно написано с большим литературным мастерством. В «гуаякильской группе» Хоакин Гальегос Лара с наибольшей настойчивостью и последовательностью отстаивал тезис об общественном долге литературы и ее социальной значимости.

Энрике Хиль Хильберт (1912 г.) — секретарь ЦК Коммунистической партии Эквадора, активно борющийся в ее рядах. После участия в сборнике «Те, кто уходят...» выпустил сборники «Юнга» (1933) и «Рассказы Эмануэля». Однако наибольшую известность ему принес роман «Наш хлеб», получивший вторую премию на Латиноамериканском конкурсе писателей в 1941 г. Описание тяжелого труда батраков на рисовых плантациях побережья и разоблачение капиталистической сущности латифундий сочетается в романе Хиль Хильберта с большой романтической приподнятостью и мастерством в передаче своеобразного колорита эквадорских тропиков. В настоящее время писатель работает над романом «История огромной крокодиловой кожи», также из жизни провинции Гуаяс.

Если Гальегос Лара был в известном смысле идейным вдохновителем «гуаякильской группы», а Хиль Хильберт представлял в ней наиболее романтическую тенденцию, то для третьего автора сборника «Те, кто уходят...» — Деметрио Агилера Мальта (1909) характерна склонность к драматическим, а в послед-

нее время и к приключенческим сюжетам. Как писатель Агилера Мальта очень плодovit и разнообразен в жанровом и тематическом отношении. Он успешно работает в области театра, поэзии, репортажа, короткого рассказа и особенно романа. В отличие от других участников гуаякильской группы главным героем его ранних романов «Дон Гойо» (1933) и «Девственный остров» (1941) является не «монтувио», а другой представитель обездоленных слоев побережья, так называемый «чоло» — испано-индейский метис, приближающийся по своему происхождению и психическому складу к коренному населению нагорья. Перу Агилера Мальта принадлежит также антиимпериалистический роман «Зона Канала» (Янки в Панаме), опубликованный в 1935 г., художественный репортаж «Мадрид» (1937) о событиях в Испании³⁰ и приключенческий роман «Бесконечная цепь» (1958). Для творческой эволюции Агилера Мальта больше чем для других писателей гуаякильской группы характерен переход от региональной к интернациональной тематике.

Наряду с тремя перечисленными авторами этапного сборника «Те, кто уходят...» к «гуаякильской группе» относятся также Альфредо Пареха Диескансеко (1908 г.) и Хосе де ля Куадра (1903—1941). Первый из них и в наше время является наиболее плодovитым в Эквадоре романистом, рисующим преимущественно городскую жизнь, второй вошел в историю эквадорской и латиноамериканской литературы как блестящий мастер короткого рассказа. Одним из ранних и наиболее значительных по социальному изучению романов Альфредо Пареха был роман «Мол» (1933), действие которого разворачивается в Гуаякиле и Нью-Йорке в годы экономического кризиса. За ним следуют романы: «Ла Бельдака» (1935) — о рыбаках тихоокеанского побережья; «Бальдомера» (1938), посвященный жизни гуаякильского «дна»; неудавшийся юмористический роман «Дон Балон де Баба» (1939); психологический роман «Люди без времени» (1941), написанный в тюрьме в форме дневника, где автор пытается проанализировать внутренний мир заключенных уголовников и, наконец, бытовой роман из жизни средних слоев — «Три крысы» (1944), мастерски рисующий психологию трех сестер, обреченных на одиночество. По признанию эквадорской критики, очень сильной стороной творчества Альфредо Парехи являются созданные им многочисленные женские персонажи. Большое место в его творчестве также занимает море. В романах «Люди без времени» и «Три крысы» параллельно с ростом формального мастерства и совершенствованием психологической разработки героев наметился некоторый отход Альфредо Парехи от социально-политической проблематики. Однако творчество этого писателя находится в полном расцвете, и

в настоящее время он работает над широко задуманной художественной эпопеей «Новые годы», состоящей из шести романов и охватывающей новейший период (1925—1950) истории эквадорского общества. Первый роман серии — «Предупреждение» (1958), посвященный событиям июльской революции 1925 г., позволяет говорить о возвращении Альфредо Пареха к темам, имеющим острую общественную значимость. Характеристика этого видного представителя современной эквадорской литературы будет неполной, если не упомянуть о том, что Пареха является также мастером исторической прозы: им написаны художественные биографии Элоя Альфаро и знаменитого эквадорского художника XVII в. Мигеля де Сантьяго, а также трехтомная «История Эквадора».

С подкупающей правдивостью и реализмом отразил в своих новеллах жизнь и быт эквадорского «монтувио» пятый представитель «гуаякильской группы» — Хосе де ля Куадра. Наряду с перуанцем Рикардо Пальма и уругвайцем Орасио Кирога, он считается одним из самых крупных мастеров рассказа в Латинской Америке. Им создана галерея образов простых тружеников, задавленных нуждой и бесчеловечной эксплуатацией. Главным отрицательным героем многих рассказов Хосе де ля Куадра является представитель сельской бюрократии, местный крючкотвор, обогащающийся за счет невежества и заботности своих обездоленных клиентов. Сборники новелл «Подпорки» (1931), «Печь» (1932) проникнуты теплым человеческим чувством и безупречны в стилистическом отношении. Хосе де ля Куадра с большой художественной отдачей умел использовать в своих рассказах элементы народной речи, что придает им особую выразительность и свежесть. В разработке темы «монтувио» Хосе де ля Куадра был наиболее настойчивым и последовательным из всех представителей «гуаякильской группы»: помимо многочисленных рассказов на эту тему, его перу принадлежит небольшой роман «Семья Сангуримас» (1934) и социально-этнографическое исследование «Эквадорский монтувио».

В романе, скорее длинном рассказе, «Семья Сангуримас» Хосе де ля Куадра стремится дать «спектральный анализ» редкой разновидности «монтувио», выбившегося в крупные землевладельцы и крепко вросшего корнями в землю, подобно тропическому дереву матапало. Семья Сангуримас — это семья богатых преступников, испорченность и жестокость которых вытекает не из их богатства, а из наследственной предрасположенности к преступлению.

Этническая картина побережья была бы неполной, если бы кроме «монтувио» и «чоло» мы не упомянули и третий расовый элемент, весьма характерный для эквадорских тропиков — негритянское население, сосредоточенное главным образом в са-

мой северо-западной провинции страны — Эсмеральдас. Провинция Эсмеральдас дала Эквадору двух талантливых и оригинальных писателей, разрабатывающих негритянскую тему и примыкающих, с литературно-географической и тематической точек зрения, к «гуаякильской группе». Это — Адальберто Ортис, автор романа «Гуюнго, история негра, острова и других негров» (1942) и Нельсон Эстуньян Басс, написавший роман «Когда цвели гуаяканы». В первом из этих романов с большим мастерством воссозданы своеобразные обычаи, предрассудки и суеверия эквадорских негров и неповторимая природа океанических тропиков провинции Эсмеральдас. Негр, к которому А. Ортис относится с неподдельной симпатией, показан в столкновении с безжалостной эксплуатацией и не менее безжалостной природой. Роман «Когда цвели гуаяканы» посвящен негритянскому восстанию в провинции Эсмеральдас, вспыхнувшем в 1912 г. после убийства Элоя Альфаро.

В истории эквадорского реализма, начатого романом Мартинаеса «К берегу» и достигнувшего расцвета в прозе 30—40-х годов, исследователи³¹ обычно усматривают две фазы, две более или менее отчетливо выраженные тенденции, связанные с уже неоднократно упоминавшимся нами региональным делением страны. Существенная разница экономических, этнических, природных и даже политических условий между побережьем и Сьеррой обусловила различную тональность художественной прозы³² тропического запада и Центрального нагорья. «В рамках литературной продукции, имеющей общественное звучание, — указывает А. Ф. Рохас, — следует различать две разновидности: одна связана с почти суеверным реализмом, переходящим в натурализм, другая, более поздняя, тяготеет к социалистическому реализму, хотя и та и другая питаются идеями социализма»³³. Рассмотренные нами выше писатели «гуаякильской группы» и провинции Эсмеральдас — Гальегос Лара, Хиль Хильберт, Агилера Мальта, Альфредо Пареха, Хосе де ля Куадра, Адальберто Ортис и Нельсон Эстуньян Басс³⁴ — представляют в своем творчестве первую разновидность, начатую сборником «Те, кто уходят...» в 1930 г. Жизнь и быт «монтувио», «чоло», негров, тропический и морской пейзаж, изнуряющий труд портовых рабочих и батраков на плантациях, первые вспышки классовой борьбы — вот далеко неполный перечень тем, разрабатываемых писателями побережья. Другая разновидность эквадорского реализма, о которой говорит А. Рохас, связана с творчеством многочисленной группы писателей нагорья, главным героем которых стал «уасипунгеро» — индеец, городской пролетарий, мелкий служащий.

В отличие от монолитной «гуаякильской группы», литература нагорья более пестра в тематическом и идеологическом

отношениях; территориально она рассредоточена в трех основных университетских центрах страны: Кито, Куэнке и Лохе, которые являются своеобразными «очагами» литературного прогресса и как таковые традиционно рассматриваются эквадорской критикой.

Не ставя себе задачу, хотя бы бегло упомянуть о всех именах и произведениях современной литературы нагорья, остановимся лишь на наиболее значительных и рассмотрим их так, как рассматривают сами эквадорцы: т. е. по «очагам» распространения.

В 1934 г. в столице Эквадора Кито вышел в свет роман Хорхе Икаса «Уасипунго», который до настоящего времени остается одной из вершин индианистской литературы не только Эквадора, но и Латинской Америки в целом. Роман сразу же был переведен на несколько европейских языков³⁵ и сделал молодого автора самым популярным писателем Эквадора после Монтальво. В общем процессе литературного развития «Уасипунго» значительно превосходит все то, что было написано до него и после него. Выбор темы, затрагивающий ключевую экономическую проблему страны, народность и выразительность языка, ясность политической платформы автора, глубокий всечеловеческий гуманизм и бескомпромиссная верность жизненной правде делают это произведение знаменем целой эпохи в развитии эквадорской литературы, эпохи, которая продолжается и по сей день. Роман, основным содержанием которого является столкновение индейской общины с местной властью и иностранной компанией, иногда сравнивают с криком ярости, с призывом к мятежу, подчеркивая его безыскусственность и спонтанность выражения. В качестве главного героя в нем действует не отдельная личность, а «человек-масса», народ — явление характерное для революционной литературы социалистического реализма. Критика упрекает Икасу в небрежности стиля, в некоторой бессвязности изложения, но, несмотря на это, все его последующие романы «На улицах»³⁶ (1937), «Чоло» (1938), «Полжизни ослепленные» (1942), «Уйрапамушкас» (1946) и «Пижон Ромеро и цветы» (1958), будучи более совершенными, с точки зрения языковой формы, значительно уступают «Уасипунго» по своей историко-литературной значимости. Творчество Хорхе Икасы в целом свидетельствует о стремлении писателя постепенно охватить в своих романах жизнь самых различных слоев эквадорского общества, хотя нельзя не признать, что революционные и социальные мотивы звучат у него все более приглушенно.

Другим крупным писателем старшего поколения, обосновавшимся в Кито и развивавшим социальный реалистический роман, был Умберто Сальвадор.

Для него характерна, в основном, городская тематика. Его первые романы «Товарищ» (1933) и «Грудящиеся» (1935), будучи заявкой на пролетарскую литературу, отражали стремление автора соединить несоединяемое: фрейдизм с марксистской идеологией. Романы описывают жизнь мелкой городской интеллигенции и, несмотря на некоторые художественные достоинства, перегружены сексуально-психологическими отступлениями автора. Лучшим романом Умберто Сальвадора является «Ноябрь» (1939), рисующий мрачные картины деспотического режима президента Паэса (1935—1937), в лице которого писатель дал яркий собирательный образ латиноамериканского диктатора. В настоящее время в творчестве Умберто Сальвадора культивирующего так называемый «рефлексивный роман», т. е. «роман-раздумье», все больше ощущаются элементы соглашательства, созерцательности и мистики³⁷.

В литературе Кито есть произведение, которое хотя и стоит несколько особняком по своей тематике и творческой манере автора, но прочно вошло в историю современной эквадорской литературы. Имеется в виду исторический роман безвременно умершего Энрике Терана «Хромой Наваррете» (1940), посвященный событиям либеральной революции 1895 г. и последовавшему за ней периоду буржуазной демагогии и капиталистического грабежа. Основная идея романа — разочарование народных масс и их отрезвление после революции, которая много обещала, но ничего не дала. Главный герой Хуан Наваррете, «чоло», ставший инвалидом в революционных битвах, не получив от революции ничего, вынужден заниматься грабежом на большой дороге. Произведение Терана, по мнению критики, является одним из лучших романов последнего периода.

Фигурой первой величины в современной культурной жизни Эквадора является Бенхамин Каррион — писатель, литературный критик и прогрессивный общественный деятель, чрезвычайно много сделавший для развития национальной литературы в целом, для столичных писателей в частности. В середине сороковых годов по его инициативе был основан «Дом Эквадорской Культуры», объединяющий под своей крышей всех прогрессивных писателей и деятелей культуры страны и способствующий изданию наиболее ценных литературных проявлений момента. Бенхамин Каррион является автором большого числа философских, публицистических и литературоведческих трудов, из которых упомянем «Карта Америки», «Письма в Эквадор», а также использованные в настоящей статье работы: «Индекс современной эквадорской поэзии» и «Новая эквадорская проза». Бенхамин Каррион является неизменным представителем Эквадора на всех межамериканских и международных конгрессах по вопросам культуры.

Помимо Кито, другими литературными центрами являются города Лоха и Куэнка. Из наиболее крупных современных писателей Лохи следует отметить Пабло Паласио, Анхеля Ф. Рохаса, Эдуарда Мора Морено.

Творчество Пабло Паласио, писателя своеобразного и несомненно очень одаренного, в известном смысле противостоит всей современной реалистической литературе Эквадора, главным содержанием которой является борьба за лучшее будущее народа, за его социальное самоутверждение. Как писатель Пабло Паласио в Эквадоре одинок, его творчество, сложившееся под влиянием западных авторов субъективистского толка Пруста, Джойса и Кафки, лишено каких-либо национальных черт. Рассказы и романы Пабло Паласио «Человек, умерший от пинков» (1927), «Дебора», «Жизнь повешенного» проникнуты мрачной прозией, презрением к человеку, неверием в человеческую личность. Вот, например, как оценивает упоминавшийся нами ранее критик Э. Рибаденеяра сборник рассказов Паласио «Человек, умерший от пинков»: «...Это сборник рассказов, ни в одном из которых при всем желании нельзя найти ничего, чтобы имело отношение к нашей стране. Чистый субъективизм, утонченный интеллектуализм, большая начитанность, печальный и порой трагический взгляд на вещи приводят к тому, что в упомянутой книге мы не найдем ни одного положительного момента, ни одного персонажа, который внушал бы нам гордость за наше человеческое достоинство»³⁸.

Анхель Ф. Рохас — писатель и литературовед — известен главным образом как автор талантливого романа «Переселение Янганы» (1958) и весьма авторитетного критического исследования «Эквадорский роман» (1948). «Переселение Янганы» — книга, получившая весьма высокую оценку национальной и латиноамериканской критики, повествует о бегстве в дикие районы страны целого индейского поселения, спасающегося от преследования властей. Напоминая по сюжету драму Лопе де Вега «Фуенте овехуна», роман отличается точностью психологических характеристик отдельных героев и мастерским описанием жизни крестьянской общины как человеческого коллектива.

Наиболее авторитетными современными писателями города Куэнка и провинции Асуай являются Умберто Мата, Муньос Куэва и Луис Москосо Вега — все трое культивирующие главным образом индианистские романы и рассказы.

- ¹ В. Саггибон. El nuevo relato ecuatoriano. Quito, 1958, p. 36.
- ² Подробный анализ «Нового Лукиана» см. статью Хесуальдо Эухенио Эспехо — эквадорский просветитель XVIII в. в кн. «Латинская Америка в прошлом». М., 1960, стр. 302—307.
- ³ Цит. по книге «Латинская Америка в прошлом и настоящем», стр. 302.
- ⁴ Luis Alberto Sánchez. Historia de la literatura americana. Santiago de Chile, 1937, p. 152.
- ⁵ E. Anderson Imbert. Historia de la literatura hispanoamericana. Mexico — Bs. Aires, 1957, p. 135.
- ⁶ Ibidem. Mexico — Bs. Aires.
- ⁷ Angel F. Rojas. La novela ecuatoriana. Mexico — Bs. Aires, 1948, p. 7.
- ⁸ Там же, стр. 32.
- ⁹ Там же, стр. 27.
- ¹⁰ Эстебан Эчеверрия — аргентинский писатель, родоначальник латино-американского романтизма.
- ¹¹ Вспомним хотя бы Шатобриана, Бернардино де Сеп-Пьера и немецких романистов (М. С.).
- ¹² Ср., например, наиболее известную в Европе и переведенную на многие языки поэму уругвайского романтика Соррильи де Сан Мартин «Табарэ».
- ¹³ Костумбризм — от исп. *costumbre* — обычай. Литературное течение в Латинской Америке конца XIX — начала XX в., отдававшее предпочтение разработке местных сюжетов и описанию типичных обычаев и нравов.
- ¹⁴ Хосе Эустасио Ривера (1888—1928) — колумбийский писатель, автор романа «Пучина».
- ¹⁵ Орасио Кирога (1879—1937) — уругвайский писатель, автор многочисленных рассказов о тропической сельве.
- ¹⁶ В. Саггибон. El nuevo relato ecuatoriano, p. 55.
- ¹⁷ Angel F. Rojas. La novela ecuatoriana, p. 83.
- ¹⁸ Дарио и Лугонес — прежде всего (М. С.).
- ¹⁹ В. Саггибон. Índice de la poesia ecuatoriana contemporanea Ediciones Ercilla. Santiago de Chile, p. XV.
- ²⁰ В. Саггибон. El nuevo relato ecuatoriano, p. 65.
- ²¹ Jose R. Bustamante. Para matar el gusano. Quito, 1935.
- ²² Manuel Agustín Aguirre. America Latina y el Ecuador (apuntes para un estudio socio-económico). Editorial Universitaria Quito — Ecuador, 1959, p. 9.
- ²³ Angel F. Rojas. La novela ecuatoriana, p. 171—172.
- ²⁴ Ср. романы: «Те, кто ввизу» Мариано Асуэлы, вышедший в Мексике в 1918 г.; «Бронзовая раса» А. Аргедеса, вышедший в Боливии в 1919 г.; «Пучина» Хосе Эустасио Риверы, вышедший в Колумбии в 1926 г. и др.
- ²⁵ Подробнее об «индианистском» романе в Латинской Америке см. статью В. Н. Кутейщиковой «Мексиканские романы об индейцах» в кн. «Мексиканский реалистический роман XX в.». М., 1960, стр. 104—107.
- ²⁶ Там же, стр. 106. Советскому читателю в качестве иллюстрации можно рекомендовать следующие переведенные на русский язык романы этого направления: Хесус Лара «Янакуна» и «Наша кровь»; Веларде «Шахты скорби»; А. Аргедес «Бронзовая раса» (Боливия); А. Родригес «Бесплодное облако» (Мексика); Х. Икаса «Уасипунго».
- ²⁷ Лучшие произведения из этого сборника переведены на русский язык. См. «Эквадорские рассказы». М., 1962 г.
- ²⁸ «Чоло» — испано-индейский метис.

²⁹ Edmundo Ribadeneira. La moderna novela ecuatoriana. Quito, 1958, p. 59.

³⁰ Перевод отдельных глав на русский язык см. «Интернациональная литература», 1937, № 11, стр. 127—135.

³¹ А. Ф. Рохас, Э. Рибаденейра и др.

³² В связи с ограниченным объемом статьи мы не рассматриваем в этом разделе эквадорскую поэзию 1925—1960-х годов, развитие которой отстает от развития прозы. Наиболее крупным поэтом второй четверти XX в. является поэт-реалист с элементами символизма Хорхе Каррера Андраде (1903).

³³ Angel F. Rojas. La novela ecuatoriana, p. 216.

³⁴ Здесь мы рассматриваем лишь наиболее представительные и уже вошедшие в историю литературы имена.

³⁵ На русском языке впервые опубликованы отрывки романа в «Интернациональной литературе» за 1935 г., № 7.

³⁶ На русском языке вышел в 1938 г. «На улицах». М., Жургазобъединение. Перевод Н. Любимова, 130 стр.

³⁷ E. Ribadeneira. La moderna novela ecuatoriana, p. 180.

³⁸ Ibidem, p. 158.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Бенхамин Каррион. ВВЕДЕНИЕ	11
Н. В. Мостовец. ВСТРЕЧА С ЭКВАДОРОМ	14
В. Г. Ткаченко. ВУЛКАН НА ЭКВАТОРЕ	27
А. А. Разливахин. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	65
Ю. А. Зубрицкий. ИНДЕЙЦЫ ЭКВАДОРА	104
И. Р. Григулевич. КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ ЭКВАДОРА	144
И. В. Евдокимов. СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	169
С. П. Мамонтов. ЛИТЕРАТУРА ЭКВАДОРА	187

Эквадор

Историко-этнографические очерки

•

*Утверждено к печати Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклуко-Маклая*

Редакторы издательства *Н. П. Бобрик, Г. Ф. Дубозикова*

Оформление художника *Н. А. Седельникова*

Технический редактор *Т. А. Прусакова*

Корректор *Л. А. Розыбакиева*

•

РИСО АН СССР № В-62. Сдано в набор 20/XII 1962 г. Подписано к печати 30/III 1963 г. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 14+7 вкл. Уч.-изд. л. 15 (13,9+1,1 вкл.)
Тираж 5500 экз. Т-03398. Изд. № 1252. Тип. зак. № 1520.

Цена 1 руб. 15 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

